

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени Л. Г. ЩУКИНОЙ

Московский Психотерапевтический Журнал

(ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ)

2007, № 2 (53), апрель-июнь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

*М.Е.Бурно
Ф.Е.Василюк
Н.Г.Гаранян
Ю.Б.Гиппенрейтер
И.М.Кадыров
А.В.Казанская
А.Ф.Копьев
Л.М.Кроль
Е.Л.Михайлова
Ю.С.Савенко
Е.Т.Соколова*

*А.И.Сосланд
А.Б.Холмогорова
В.Н.Цапкин
Э.Г.Эйдемиллер
А.Ф.Бондаренко (Украина)
Дж.Бьюдженталь (США)
Т.Грининг (США)
В.Зенф (ФРГ)
Х.Кехеле (ФРГ)
Н.Роджерс (США)
Н.Сарджвеладзе (Грузия)*

Московский психотерапевтический журнал
является научно-аналитическим изданием, освещающим
проблемы теории, методологии и практики психотерапии,
психологического консультирования и смежных дисциплин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В.Снегирева (*главный редактор*),

В.В.Архангельская (*редактор*),

Ф.Е.Василюк (*председатель редакционной коллегии*),

М.Е.Бурно, А.Ф.Копьев, А.Б.Холмогорова, В.Н.Цапкин

Директор – М.В.Пустовойтова

Технический редактор – Е.Ю.Абрамова

*Редакция выражает благодарность
Русскому психоаналитическому обществу
за помощь и участие в подготовке номера*

Адрес редакции:

103009, Москва,

Моховая ул., 9, стр. 4

Телефон: (495) 585-46-89

E-mail: moscowpj@mail.ru

Все вопросы подписки: 632-92-12

mpj@list.ru

*Редакция не располагает возможностями вести переписку,
не связанную с вопросами подписки и публикаций*

*Перепечатка любых материалов, опубликованных
в Московском психотерапевтическом журнале,
допускается только с разрешения редакции*

© МГППУ, Факультет психологического консультирования, 2007

Подписано в печать 5.06.2007. Формат 60×84/16
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,72. Тираж 1000 экз.

- 5 Светлой Памяти А.В.Казанской.

ПСИХОАНАЛИЗ НА РОССИЙСКОЙ ОРБИТЕ

- 6 *А.Н.Харитонов* – Интеграция и/или изоляция в современных психоанализах в России?

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- 31 *Ф.Р.Филатов* – Три этапа становления теоретического психоанализа.
44 *З.Фрейд – В.Флисс*. Из переписки. На пути к психике как тексту.
55 *К.Левин* – Психоанализ и топологическая психология.

КОМПАРАТИВИСТИКА

- 66 *К.Ламберт* – Индивидуация и взаимное влияние психоанализа и аналитической психологии.
81 *В.В.Кузовкин* – Психоанализ З.Фрейда и клиент-центрированная психотерапия К.Роджерса (различия и точки соприкосновения).
106 *М.М.Магурская* – Психоаналитический подход в психодраме (работа с агрессией при нарциссических нарушениях личности).

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ И ЛИТЕРАТУРА

- 126 *О.Н.Павлова* – Истерическая семиотика женского в клинике современного психоанализа.
142 *Л.Э.Комарова* – Почему истинный игрок всегда проигрывает (Некоторые соображения по поводу романа Ф.М.Достоевского «Игрок»).
158 *А.К.Черноглазов* – Несколько слов о прощении в лакановской перспективе.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

- 164 *Д.С.Рождественский* – Заглянуть в «воронку»...
186 *Н.К.Асанова* – Пресуицидное состояние у девочки-подростка: нарушенный образ тела и роль отца.

СУПЕРВИЗИЯ

- 211 *С.М.Бабин, А.В.Васильева* – Динамический подход и феномен параллельных процессов в супервизии.

КОНФЕРЕНЦИИ

- 225 *А.Усков* – II Международная конференция «Психоаналитик за работой».
230 *В.Колпачников* – X Международный форум «Человекоцентрированный подход в психотерапии».

- 5 In Memory of A.V.Kazanskaya

PSYCHOANALYSIS ON RUSSIAN GROUND

- 6 *A.N.Kharitonov* – Integration and/or Isolation in Modern Psychoanalysis in Russia?

THEORY AND METHODOLOGY

- 31 *F.R.Filatov* – Three Stages of the Development of Theoretical Psychoanalysis.
44 *Z.Freud – W. Fliss*. Letters. On the way to a psychics as a text.
55 *K.Lewin* – Psychoanalysis and Topological Psychology.

COMPARATIVISTICS

- 66 *K.Lambert* – Individuation and Mutual Influence of Psychoanalysis and Analytical Psychology.
81 *V.V. Kuzovkin* – Psychoanalysis of Z.Freud and Client-Centered Psychotherapy of C.Rogers (Differences and Points of Contact).
106 *M.M.Magurskaya* – Psychoanalytic Approach in Psychodrama (Working at Aggression in Treatment of Narcissistic Personality Disorders).

**CLINICAL PSYCHOANALYSIS
AND LITERATURE**

- 126 *O.N.Pavlova* – Hysterical Semiotics of Feminine in Clinic of Modern Psychoanalysis.
142 *L.E.Komarova* – Why Does the Genuine Gambler Always Loose (Some considerations on the novel of F.M.Dostoevsky «The Gambler»).
158 *A.K.Chernoglazov* – A Few Words about Forgiveness in Lacan's Perspective.

CASE HISTORY

- 164 *D.S.Rozhdestvensky* – To look into the «crater» ...
186 *N.K.Asanova* – Teenager-Girl in Presuicidal State: Disturbed Image of Body and the Role of the Father.

SUPERVISION

- 211 *S.M.Babin, A.V.Vasil'eva* – The Dynamic Approach and the Phenomenon of Parallel Processes in Supervision.

CONFERENCES

- 225 *A.Uskov* – II International Conference «Psychoanalyst at Work».
230 *V.Kolpachnikov* – X International Forum «Human-Centered Approach in Psychotherapy»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ А.В. КАЗАНСКОЙ

22 апреля 2007 года не стало Анны Казанской. Ее продуктивную, полнокровную, перспективную жизнь оборвала трагическая случайность, чем-то подобная тем речевым невнятицам, которыми она профессионально занималась, пытаясь постичь смысл грамматических бессмыслиц, структуру слова структуры. Речь открывает знаки и скрывает значения, а жизнь скрывает судьбу, сопрягая работу рока и «работу горя».

У Анны был своего рода особый талант сопряжения, связывания, ассоциации – талант психоаналитика и поэта. Она начинала как химик – поступила на химфак МГУ, откуда потом перевелась на факультет психологии – и всю жизнь играла словами, как химическими веществами, разлагая их на элементы и соединяя в неожиданные сочетания, дающие удивительные «реакции», – новые значения. От химии – к алхимии психологии, поэзии, художества. Потеряв ее, мы потеряли не только друга, талантливого коллегу, яркого преподавателя, ответственного обучающего аналитика – мы потеряли человека, для которого любые самые обычные и незначительные вещи всегда оказывались заслуживающими внимания, способными сообщить что-то интригующее или эмоционально важное, – словно впервые встреченные или старые знакомые. Определить характер и глубину экзистенциальной прорехи в ткани жизни, оставленной ее уходом, мы не можем. Остается обозначить исчисляемый перечень потерь.

Анна Владимировна Казанская (1956-2007). Психоаналитик, член Международной Психоаналитической Ассоциации. Член Московского психоаналитического общества. Клинический психолог, кандидат психологических наук. Преподаватель Московского городского психолого-педагогического университета. Автор предисловия, переводчик и редактор книги «Современный психоанализ» (в четырех томах). Автор многочисленных публикаций по психоанализу, опубликованных в Московском психотерапевтическом журнале (1996, 1998, 2000, 2002, 2006) и других изданиях. Наиболее известные оригинальные статьи на русском языке: «О чем говорит речь», «Алиса в стране чудовищ», «Удостоверение Нарцисса». Член редакционного совета МПЖ. Ассоциированный редактор Международного журнала психоанализа. Автор статей на английском, немецком, итальянском языках. Последняя работа, вышедшая в свет под ее редакцией и с ее предисловием, – книга А.Ферро «Психоаналитик: создание историй» (издательство «Класс», 2007). Автор статьи «The ab-used abc» по психологии, психолингвистике и психоанализу речи. Поэт, переводчик. Автор стихотворных сборников «Даты» (1994) и «Окрестности» (1999).

ИНТЕГРАЦИЯ И/ЛИ ИЗОЛЯЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОАНАЛИЗАХ В РОССИИ?

А.Н. ХАРИТОНОВ*

Интеграция и дифференциация – две ведущие тенденции в развитии психоанализа в современной России. Автор предпринимает попытку раскрыть сущность этих разнонаправленных тенденций и картину их проявления • в психоаналитических институтах, • в психоаналитической методологии и теории, • в психоаналитической практике. В статье ставится вопрос, чему российские психоаналитики отдают предпочтение, что считают более приоритетным – синтез, интеграцию, объединение организаций, школ, теоретических идей и принципов или их дальнейшую дифференциацию, а значит – изоляцию, монизм. Рассматриваются некоторые реалии психоаналитического процесса в России и основные тенденции его развития. Акцентируется научно-практический интерес к системному мышлению в психоанализе.

Люди сильны, пока защищают великую идею, они становятся бессильными, когда идут против нее. Психоанализ перенесет эту потерю и взамен этих сторонников приобретет других. Закончу пожеланием, чтобы судьба даровала легкий подъем всем тем, кому стало неудобно пребывание в преисподней психоанализа, остальным же пусть будет свободно предоставлено довести работу до конца в его глубинах.

З.Фрейд¹

1. О психоаналитическом движении в России

Отсчет психоаналитического движения в России можно начать с публикации на русском языке работы З.Фрейда «О сновидениях», которая

* *Харитонов Александр Николаевич* – кандидат психол. наук, доцент, президент Межрегиональной психоаналитической организации «Русское психоаналитическое общество».

¹ З.Фрейд. Очерк истории психоанализа // Я и Оно. Тбилиси, 1991. С.70.

вышла в свет в 1904 году, а также с совместного доклада З.Фрейда и русского невролога Л.О.Даршкевича перед членами Русского союза невропатологов и психиатров в Московском университете. Там же, на заседании Психиатрической клиники под председательством В.П.Сербского, где все это происходило, прозвучал и доклад врача Н.Е.Осипова.

Активный этап развития психоанализа продлился до начала 30-х годов XX столетия, после чего последовали долгие годы забвения (это отдельная тема исследования, которой я в данном случае касаться не буду).

Возрождение психоаналитического движения в России, его «второе пришествие», связано с именем выдающегося психиатра, ученого, клинициста, организатора – профессора А.И.Белкина, первого президента первого в современной России психоаналитического общества: *Российской Психоаналитической Ассоциации (РПА)*. С 1989 года, когда состоялось собрание первых энтузиастов (врачей, психологов, философов) с целью учреждения РПА и впервые после огромного перерыва было издано «Избранное» З.Фрейда, и начались новые живительные процессы в становлении российского психоаналитического движения.

Наиболее ощутимую помощь в его возрождении оказали представители европейских и американских психоаналитических школ, поддержка которых исходно направлялась по руслу первых российских психоаналитических групп и обществ:

- в РПА ведущая роль принадлежала представителям психоанализа США, Великобритании, а также Германии, Швеции и, в меньшей степени, Франции;
- позднее в *Обществе психоаналитиков Москвы* усилилось как раз влияние французского психоанализа;
- в *Московском психоаналитическом обществе* главнейшие контакты развивались с коллегами из Германии, затем – Британии;
- в *Обществе психоаналитической психотерапии* – с психоаналитиками США;
- в *Восточно-Европейском институте психоанализа (Национальная Федерация Психоанализа)* устанавливалась широкая сеть контактов со специалистами США, Франции, Германии;
- в Московской группе *Новой лакановской школы* тесное сотрудничество было налажено с представителями лакановского психоанализа (Франция).

Подводя итоги данному этапу, можно сказать, что наиболее существенное влияние на современный психоаналитический процесс в России ока-

зал психоанализ США, Великобритании и Франции (в меньшей степени – Германии, Швеции, Австрии и пр.).

Современная конфигурация отечественного психоаналитического движения

Непосредственно вслед за учреждением в 1990 году *Российской Психоаналитической ассоциации* начался процесс образования психоаналитических организационных структур (обществ, институтов, центров). Причем он захватил не только центральные мегаполисы – Москву и Санкт-Петербург, но и многие регионы страны. Стимулирующим фактором в этом отношении послужило учреждение, по инициативе проф. М.М.Решетникова, *Восточно-Европейского института психоанализа*, выпускники которого стали создавать на местах собственные объединения.

В *Москве* в 90-е годы начинают функционировать, успешно развивая свою деятельность, такие общества, как:

1. Межрегиональная общественная организация «Русское психоаналитическое общество» (президент А.Н.Харитонов).
2. Московское психоаналитическое общество (президент И.М.Кадыров).
3. Московское Общество психоаналитиков (президент В.А.Потапова).
4. Общество психоаналитической психотерапии (президент М.В.Ромашкевич).
5. Региональная общественная организация «Открытое психоаналитическое общество» (президент Б.А.Еремин).
6. Московская группа Новой лакановской школы (М.Ю.Страхов, В.Н.Цапкин).

В *Санкт-Петербурге* реально осуществляют деятельность следующие объединения:

1. Национальная федерация психоанализа (президент М.М.Решетников).
2. Общество группового анализа (президент Т.В.Дмитриева).
3. Санкт-Петербургское общество детского психоанализа (президент Н.Л.Васильева).

В *регионах* к числу наиболее крупных психоаналитических организаций можно отнести:

- Межрегиональную общественную организацию «Сибирская ассоциация психоаналитиков» (С.А.Конищев);
- Ставропольскую краевую психоаналитическую ассоциацию (Е.Корюкина).
- Воронежское региональное психоаналитическое общество (Е.М.Романова).
- Ростовскую психоаналитическую ассоциацию (Ф.Р.Филатов).
- Пермское психоаналитическое общество (Л.С.Краснобаева).

Понадобилось бы еще не менее половины страницы, чтобы перечислить другие сформировавшиеся в России региональные и городские пси-

хоаналитические структуры. Сегодня таковые в виде объединений, ассоциаций, обществ (групп), институтов (или их филиалов) и центров расположены более чем в 40 (!) городах Российской Федерации.

В Москве в 2005 году *Международной психоаналитической ассоциацией* (ИРА) созданы две *study-group* на базе Московского Общества психоаналитиков (президент *В.А.Потапова*, 21 чел.) и Московского психоаналитического общества (президент *М.Ю.Арутюнян*, 30 чел.), куда вошли и представители Общества психоаналитической психотерапии (президент *М.В.Ромашкевич*, Москва), а также психоаналитики Санкт-Петербурга. Вышеупомянутое Общество психоаналитической психотерапии (50 чел.) ориентируется также и на *Европейскую федерацию психоаналитической психотерапии* (EFPP).

К наиболее крупным из психоаналитических структур в РФ, как среди «пророссийских», так и «прозападных» объединений (о данном разделении речь пойдет ниже), относятся *Национальная федерация психоанализа* (НФП) (президент *М.М.Решетников*, 240 человек, в том числе 52 действительных члена) и *Межрегиональная общественная организация «Русское психоаналитическое общество»* (президент *А.Н.Харитонов*, 120 чел.).

НФП, центр которой расположен в Санкт-Петербурге, имеет свои представительства в Норильске, Кемерово, Перми, Новокузнецке, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске, Краснодаре и др., а также в ряде городов Украины.

РПО в своем составе объединяет членов общества – представителей Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Липецка, Ростова, Самары, Ижевска, Казани, Хабаровска, Калининграда, Нижнего Новгорода и некоторых городов Украины.

Достаточно большое количество обществ в регионах и отдельные специалисты в РФ пока никем не ангажированы и занимают позицию «свободных художников».

Констатируя столь бурное «клонирование» психоаналитических структур в России, нельзя не задаться вопросом, чем в большей степени является подобная экспансия – явлением конструктивным или, возможно, скорее деструктивным? Опережая попытку анализа этой проблемы, отмечу, что в недалеком будущем мы, скорее всего, придем к идее большей централизации, благодаря чему российский психоанализ будет представлен двумя-четырьмя *крупными психоаналитическими объединениями РФ*.

Но вернемся к перечню психоаналитических институций, возникших на российской земле за последние полтора десятка лет, поскольку он еще далек от завершения.

Психоаналитические институты

В России – десять психоаналитических институтов: шесть – в Москве, два – в Санкт-Петербурге и два – в регионах.

Назову все шесть институтов, действующих в Москве. Это: Институт психоанализа (С.Н.Зимовец), Институт практической психологии и психоанализа (Е.А.Спиркина), Институт аналитической психологии и психоанализа (В.М.Абдулаева), Институт психологии и психоанализа (Л.И.-Фусу), Институт клинического и прикладного психоанализа (Э.Н.Потемкина), Институт психоанализа и социального управления при Московской государственной технологической академии (П.С.Гуревич).

В Санкт-Петербурге: Восточно-Европейский институт психоанализа (М.М.Решетников) и психоаналитически ориентированный Санкт-Петербургский гуманитарный институт (бывший Институт психологии и сексологии – Л.М.Щеглов, Д.В.Медведев).

В регионах: Сибирский институт психоанализа (г. Новосибирск – В.Н.Кривочуров) и Дальневосточный институт психологии и психоанализа (г. Хабаровск – К.И.Воробьева, Г.Л.Пучкова).

Кроме того, организуется обучение основам психоанализа и психоаналитической психотерапии на пролонгированных курсах при кафедрах психологических и медицинских вузов. Например, в Москве – при МГУ им. М.В.Ломоносова (М.Ш.Магомед-Эминов) и МГППУ (Новая лакановская школа – М.Страхов), в Самаре – при Самарском ГМУ (Д.В.Романов), в Ижевске – на кафедре клинической психологии и психоанализа Удмуртского государственного университета, в Норильске – при Норильском центре психоанализа (С.С.Санадзе).

По системе квалификационных критериев среди всех названных институтов выделяются и, по сути, являются базовыми в подготовке психоаналитических специалистов только три: Восточно-Европейский институт психоанализа (функционирующий с 1991г.), Институт психоанализа (создан в 1995г.) и Институт практической психологии и психоанализа (с 1997г., с 1991 по 1996гг. назывался Академической школой профессиональной психологии).

Психоаналитические и ориентированные на психоаналитическую помощь Центры

В Москве осуществляют свою деятельность:

- Московский городской психоэндокринологический центр (С.Н.Матевосян);
- Центр психоаналитических исследований творческого процесса (Б.Е.Егоров);
- Клиника глубинной психологии (П.С.Гуревич);
- Центр психологической поддержки и современного психоанализа (Т.В.Мизинова);

- Психоаналитический консультационный центр (Н.Б.Бондарева);
- Практический центр Института психоанализа на Кантемировской (В.С.Абрахин);
- Центр дидактической и супервизорской практики Института психоанализа (С.Н.Зимовец);
- Психотерапевтический центр «Московский психоанализ»;
- Центр психоанализа «Рубикон»;
- Центр психологической поддержки и психоанализа «Парус».

В *Санкт-Петербурге* работают:

- Информационный центр психоаналитической культуры (В.В.Зеленский, Я.В.Тестин);
- Психоаналитический центр «Альянс» (Л.В.Карпова);
- Психоаналитический центр на Карповке;
- Психоаналитические центры «Лита» и «Агора».

В *регионах* на данном этапе функционируют:

- Норильский центр психоанализа и практической психологии;
- Новокузнецкий психоаналитический центр;
- Чувашский центр психоаналитического образования;
- Психоаналитический центр «Камертон» (г. Челябинск);
- Психоаналитический центр (г. Калининград);
- Центр психоанализа и продуктивного образования (г. Новокузнецк).

Среди имеющихся центров практически нет ни одного, где бы специалисты по психоаналитически ориентированной психотерапии использовали в своей работе и индивидуальные, и групповые, и семейные методы, получившие развитие в современном психоанализе и доказавшие свою эффективность. Не богат этот перечень и организациями такого уровня, где практика протекала бы с соблюдением полного, внутреннего и внешнего психоаналитического сеттинга.

Международные, всероссийские, региональные (межрегиональные) конференции, семинары, летние школы

За пятнадцатилетний период возрождения российского психоанализа, начиная с 1992 года, в России проведено более 60 международных, всероссийских, региональных конференций, семинаров, школ, посвященных психоаналитической проблематике.

Из *международных конференций* (а таковых было более десяти) назовем:

- «Психоанализ и науки о человеке» (российско-французская конференция, 1992г., Москва, «Фрейдово поле»);
- «100 лет психоанализа. Российские корни, репрессии и возвращение России – в мировое психоаналитическое сообщество» (1996г., Санкт-Петербург, Восточно-Европейский институт психоанализа);

- *«Психоанализ – Литература – Искусство»* (1998г., Санкт-Петербург, Национальная Федерация психоанализа);
- *«Проблемы современного психоанализа»* (2003г., Москва);
- *Конференция Международного психоаналитического журнала «Психоаналитик за работой»* (2004г., Москва, МПА);
- *«Сексуальность в современном психоанализе»* (2004г., Москва, МПА, Парижское психоаналитическое общество);
- *«Исследования в психоанализе и психоаналитической психотерапии»* (2005г., Москва, МПА, Московское психоаналитическое общество);
- *«Современный психоанализ: о чем мы думаем, как мы работаем, чего мы хотим»* (российско-американская, 2005г., Москва, МПА, Общество психоаналитической психотерапии).

Из Всероссийских конференций заслуживают упоминания:

- *«Место психоанализа в современной науке и практике»* (1996г., Ставрополь, Ставропольская краевая психоаналитическая организация);
- *Первая российская научно-практическая конференция по прикладному психоанализу* (2003г., Новосибирск, Сибирская ассоциация психоанализа);
- *Всероссийская научно-практическая конференция памяти профессора А.И.Белкина* (2004г., Москва, Русское психоаналитическое общество);
- *Всероссийская психоаналитическая конференция «Лики российского психоанализа»* (2004г., Воронеж, Воронежское региональное психоаналитическое общество);
- *Конференция «Гуманитарные стратегии антитеррора. Психология фашизма, страха и ненависти»* (2005г., Санкт-Петербург, ВЕИП);
- *Всероссийская психоаналитическая конференция: «Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции»* (2005г., Москва, Русское психоаналитическое общество);
- *Конференция, посвященная 150-летию З.Фрейда «Источник Фрейда: от классического наследия к современной психоаналитической практике»* (2006г., Ставрополь, Ставропольская краевая психоаналитическая ассоциация);
- *Конференция «Современный психоаналитический процесс»* (2006г., Москва, Русское психоаналитическое общество).

Конференции, школы, семинары:

- 6 Московских русскоязычных семинаров (2000-2005гг., Московское общество психоаналитиков, Московское психоаналитическое общество);
- 6 Летних школ (1999-2005гг., Национальная федерация психоанализа);
- 7 семинаров «Фрейдова поля» (2003-2006гг., Московская группа новой лакановской школы);
- 6 конференций по групповому психоанализу (2000-2005гг., Общество группового анализа);
- 7 научно-практических конференций в Липках (2000-2005гг., Институт клинического и прикладного психоанализа);
- 5 конференций по наследию Сабины Шпильрейн (2001-2005гг., Ростовская Психоаналитическая ассоциация им. С.Шпильрейн);

- 12 психоаналитически ориентированных фестивалей «Святочные встречи» (1995-2006гг., Ставропольская краевая психоаналитическая ассоциация).

Отдельные региональные конференции имели место также в Воронеже, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Новосибирске, Хабаровске.

В мае прошлого года состоялись заседания круглых столов и семинары, посвященные 150-летию со дня рождения З.Фрейда в Русском психоаналитическом обществе, в Московском государственном лингвистическом университете, на кафедре клинической психологии и психоанализа Удмуртского государственного университета и др.

Издание книг, библиотечных серий, журналов, газет

Наиболее полные современные библиографии психоаналитической литературы содержатся: в книге *Лейбин В.М., Овчаренко В.И.* Психоаналитическая литература в России. – М.: Изд-во МПСИ-Флинта, 1998; в статьях *Харитонов А.Н., Жмурин И.Е., Тимченко Г.Н.* Библиография психоаналитической литературы, изданной в России в период 1998-2003гг. // *Психоаналитический вестник.* 2003, № 11; а также *Харитонов А.Н., Андрюшин И.И., Жмурин И.Е., Кочнев В.А., Тимченко Г.Н.* Библиография психоаналитических источников, вышедших в России в 2003-2005гг. // *Психоаналитический вестник.* 2005, № 14.

Психоаналитические журналы:

1. «*Психоаналитический вестник*» (с 1991 по 1995 гг. – «Российский психоаналитический вестник»; с 1991 по 2003 г. главный редактор – А.И.Белкин, с 2003г. по настоящее время – А.В.Литвинов);

2. «*Вестник психоанализа*» (выпускается с 2000г., главный редактор М.М.Решетников);

3. «*Новая весна. Альманах постюнгианской психологии и культуры*» (выпускается с 1999г., главный редактор В.В.Зеленский);

4. «*Прикладная психология и психоанализ*» (существует с 1997г., главный редактор Б.К.Тебиев);

5. «*Психология, психоанализ и психосоматическая медицина*» (основан в 2004г., чл. редсовета Р.Г.Гатупов).

- *Интернет-журнал «Журнал практической психологии и психоанализа»* (открыт в 2000г., главный редактор К.В.Ягнюк);

- *отдельные спецвыпуски, разделы, статьи в ж. «Московский психотерапевтический журнал»* (выпускается с 1992г., председатель редколлегии – Ф.Е.Василюк, главный редактор Т.В.Снегирева).

Психоаналитические газеты:

- «*Психоаналитическая газета*» при факультете психологии МГУ им. М.В.Ломоносова (главный редактор М.Ш.Магомед-Эминов);

- «*Кушетка*» при Институте клинического и прикладного психоанализа (главный редактор О.А.Поветкина).

Теоретическое позиционирование психоаналитических групп в России

По *формам (видам)* своей работы психоаналитические психотерапии в России представлены следующими ее вариантами:

- индивидуальные методы (примерно в 40 городах РФ);
- групп-анализ (в Москве, Санкт-Петербурге);
- семейная психоаналитическая психотерапия (в Москве – РПО, ОПП;

в Санкт-Петербурге – НФП).

Различные российские психоаналитические общества и группы позиционируются, как и в мировом психоанализе, по хорошо известным и получившим признание среди профессионалов *школам и направлениям* современного психоанализа:

- Французский психоанализ – Общество психоаналитиков (г. Москва).
- Бионовское направление объектных отношений (У.Бион, Британская психоаналитическая школа) – Московское психоаналитическое общество.
- Кляйнианское направление (М.Кляйн, Британская психоаналитическая школа) – РПО и группа И.И.Пантелеевой.
- Теории объектных отношений (США, Великобритания) – РПО, НФП, ОПП.
- Селф-психология – РПО, НФП.
- Эго-психология – РПО, ОПП, НФП, МПО.
- Юнгианское направление – отдельные группы, специалисты, а также общества в составе НФП и РПО.
- Лакановский структурный психоанализ – московская группа Новой лакановской школы и группа в Санкт-Петербурге.
- Адлер-терапия – группа Б.Е.Егорова в РПО и др.

Таким образом, в современной России в лице разных психоаналитических объединений представлены почти все основные мировые психоаналитические течения.

В плане ориентаций на международные *организации и сообщества* конфигурация психоаналитического движения в России выглядит следующим образом:

- Московское психоаналитическое общество и Московское общество психоаналитиков ориентируются на Международную психоаналитическую ассоциацию (IPA), при посредстве которой, как отмечалось выше, ныне действуют две пролонгированные *study-group*;
- Общество психоаналитической психотерапии (М.В.Ромашкевич) – на Европейскую Федерацию психоаналитической психотерапии (*ЕФПП*);
- Национальная федерация психоанализа – на Европейскую Конфедерацию психоаналитической психотерапии (*ЕКПП*);
- РПО – равноправное сотрудничество с МПА, ЕФПП и ЕКПП;
- некоторые специалисты из региональных организаций в Воронеже, Хабаровске, Ростове-на-Дону, Ижевске и др. – на *IPA*.

Тенденции, отличающие современное психоаналитическое движение в России

По моему мнению, развитие психоаналитического движения в современной России характеризуется рядом тенденций, каждую из которых можно представить в виде континуума, крайние точки которого в содержательном плане представляют собой полярности. Предполагается, что развитие может протекать в направлении любой из этих полярностей (см. рис. 1).

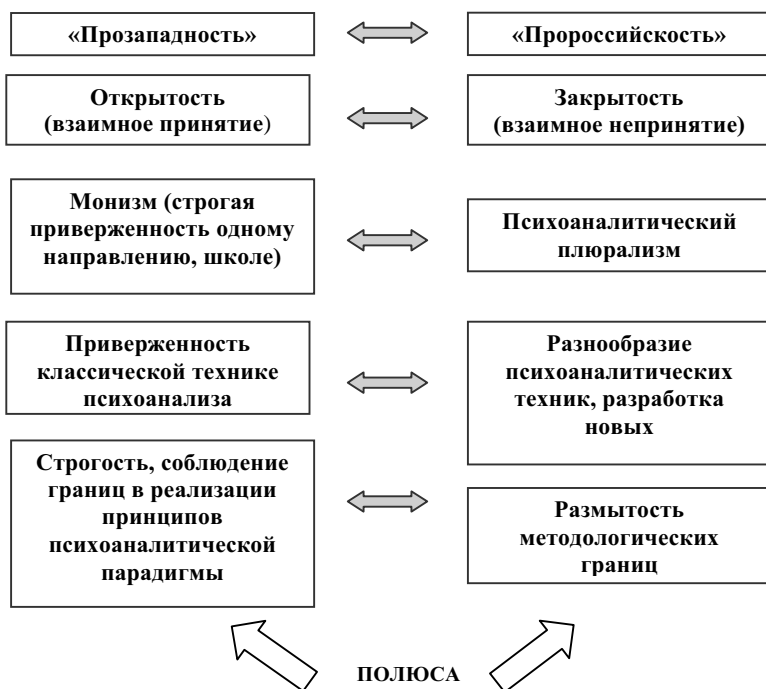

Рис. 1. Поляризация тенденций в развитии современного отечественного психоанализа.

Одной из центральных тенденций является *интеграция*; ее противоположностью выступает нарастающая *дифференциация* психоаналитических групп, школ (организационный уровень), основополагающих идей и теоретических оснований (теоретико-методологический уровень) и используемых в работе техник (психотехнический уровень).

Сущность объединения психоаналитических структур

Идея интеграции, объединения усилий психоаналитических обществ и отдельных ведущих специалистов назрела не сегодня. За годы существования психоанализа сформировался огромный интерес к синтезу, стереоскопическому видению проблем, к системно-аналитическому мышлению и в целом – к созданию широкой психоаналитической традиции, соединяющей представителей разных психоаналитических направлений. Чтобы ощутить силу этого центростремительного движения, возможно, сначала надо было пройти через опыт разделения.

Суть объединения может быть выражена суммой следующих шагов:

- создание единой площадки для дискуссий и обмена идеями в области теории и практики психоанализа;
- рефлексивная кооперация различных направлений психоаналитической методологии психоаналитических психотерапий;
- издание психоаналитического журнала, который мог бы служить трибуной для всех психоаналитических групп России (с выходом не менее четырех раз в год);
- периодические выпуски единого справочника с именами признанных, аттестованных профессионалов – «Психоаналитические специалисты России»;
- регулярное (не менее одного раза в год) проведение Всероссийской (как вариант – Международной) психоаналитической конференции для обмена научно-практическими разработками;
- создание сайта в Интернете как источника информации обо всех психоаналитических группах, обществах, институтах, центрах, отдельных специалистах России и о проводимых мероприятиях в области психоанализа в стране и за рубежом;
- выдвижение и реализация идеи создания Координационного комитета психоаналитических обществ, институтов, центров России;
- в перспективе – защита психоаналитических специалистов в критических ситуациях, связанных с жалобами, тяжбами и пр.;
- отстаивание интересов психоаналитических институций (структур) в государственных структурах, различных международных и отечественных организациях, а также творческих союзах.

Негативные аспекты интеграции

Стремясь к тому, чтобы изложенная идея носила системный характер и предполагала анализ с альтернативных позиций, остановлюсь и на некоторых негативных чертах, которые могут сопутствовать нашим интег-

ративным усилиям. Выделю те из них, которые представляются мне наиболее важными:

– едва ли не главной издержкой может оказаться *чрезмерная централизация управления психоаналитическими структурами*, которая нередко становится барьером для проявления любых форм самостоятельности и инициативы со стороны профессиональных групп и отдельных профессионалов;

– в качестве другого негативного эффекта можно предвидеть возможность *утраты («размытости») уникальности, самобытности* психоаналитической группы, школы и т.п.

Позитивные аспекты интеграции ***(«худой мир лучше любой блестящей войны»)***

К позитивному плану интеграции можно отнести:

– расширение возможностей знакомства с новыми психоаналитическими теориями, концепциями, школами; работу на «границе» разных подходов;

– взаимообмен различными практическими наработками, что позволит видеть проблемы пациентов, как и решение этих проблем, с разных сторонних и более глубоких позиций;

– возможность представлять современный психоанализ в многогранном, многоаспектном контексте психотерапевтической культуры России – преимущество, которым не располагает ни одно из монистических психотерапевтических направлений;

– взаимная ответственность групп за создание совместных продуктов, разработку новых идей, коллективных проектов в России;

– совместное продуцирование возможностей для развития внутри и вне психоаналитического движения.

2. О психоаналитической методологии современных психоанализов

Определение психоанализа как системы

«Психоаналитическая теория как научная система, конечно, операциональна для психоаналитика уже в начале диалога с пациентом. Она предлагает особую терминологию для описания причинных связей и позволяет понять поведение, смысл которого без объяснительной схемы остался бы неясен» (Томэ, Кэхеле, 2001, с.32).

Основатель психоанализа З.Фрейд «провозгласил психоанализ эмпирической глубинной герменевтикой, предназначенной для истолкования второго текста бессознательных фантазий и инсценировок» (Тресс, Рейстер, 2001, с.119).

Герменевтика, как известно, это наука толкования, в соответствии с которой интерпретация основывается на предшествующем постижении целостного смысла того, что должно быть истолковано, и продолжается в исследовании данного ситуационного контекста. Иными словами, она указывает на непреходящую игру между «пониманием» целого и «пониманием» части или между предварительным «пониманием» всего текста и интерпретацией его частей (Томэ, Кэхеле, 2001).

Будучи глубинной герменевтикой, психоанализ использует определенные правила интерпретации всех речевых или квази-речевых феноменов, приписывая им семантическое или символическое значение. Психоаналитик в роли интерпретатора помогает пациенту постигать собственный язык и возвращать символам, претерпевшим искажения в контексте индивидуального приватного языка, форму выражения, свойственную открытому общению (Тресс, Рейстер, 2001).

Система психоанализа как методологии и теории предстает, по моему мнению, в виде триумвирата: 1) основные теоретические направления; 2) основные конструкты (понятия); 3) основные принципы.

Место и роль психоанализа среди других психологических систем

По мнению известного американского ученого в области системных методологий, психолога, профессора Ноэля Смита (2003), в мире психологии наличествует десять наиболее влиятельных систем-направлений. Это:

- 1) когнитивная (С.Гарфилд, У.Найссер, Дж.Гибсон, Г.Саймон);
- 2) гуманистическая (А.Маслоу, Г.Олпорт, К.Роджерс, Дж.Келли, Г.Мюррей, Р.Мэй);
- 3) психоанализ (З.Фрейд, А.Адлер, К.Г.Юнг, К.Хорни, Э.Фромм, Г.С.Салливан, Д.Винникотт, Х.Кохут);
- 4) бихевиоральная (Б.Скиннер, Э.Торндайк и др.);
- 5) экологическая (Р.Баркер, Г.Вригт, А.Уикер и др.);
- 6) постмодернистская, социальный конструктивизм (К.Герген, Х.Харпер, Ш.Квэйл);
- 7) диалектическая (конфуцианство, И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин, Мао Цзе Дун, К.Ригель и др.);
- 8) интербихевиоральная (Дж.Р.Кантор, Дж.Гевирц, Н.Смит);
- 9) субъективистская, оперативный субъективизм (С.Браун, У.Стефенсон);
- 10) феноменологическая (М.Мерло-Понти, А.Джорджи, М.Хайдеггер, Ж.-П.Сартр).

Многие из этих психологических систем-направлений послужили теоретической базой, на которой впоследствии выросли соответствующие направления психотерапии и практико-ориентированные, психотехнические теории. И напротив, психоанализ, будучи одной из ведущих, наиболее востребованных, эффективных, практически ориентированных систем, выработал язык научных категорий и теорий личности, а также теорий ее развития такого обобщающего уровня, что к ним все охотнее обращается и включает в свой научный арсенал академическая психология. Хотя хорошо известно, что отнюдь не теоретические конструкции составляют подлинную силу психоанализа.

Эволюция школ и направлений в отечественном психоанализе

В России, как и в мировом психоанализе, в методолого-теоретическом плане присутствует и реализуется ряд психоаналитических школ. В их числе – восемь, которые можно считать основными. К ним обычно прибавляются юнгианское и адлерианское направления, психосинтез как глубинная психология и психотерапия, а также некоторые психоаналитически-ориентированные методы психотерапии.

Рис.2. Система психоанализа: эволюция школ и направлений

Если говорить о тенденциях развития психоаналитического движения в России, то здесь, как уже отмечалось, наблюдаются, с одной стороны, интеграция психоаналитических школ и теорий, с другой – достаточ-

но отчетливо выраженная дифференциация по теоретическим позициям («бионовцы», «кляйнианцы», французское течение, «лаканисты», селф-психологи, «юнгианцы», «адлерианцы»). На этом фоне хотелось бы подчеркнуть, что Россия и культурально, и ментально предрасположена к объединению, синтезу, интеграции. Такие ее традиционные черты, как соборность, собирательность, общинность, соединение культур (не путать с ассимиляцией!) создают благодатную почву для развития в психоанализе новых идей, которые в то же время отвечали бы логике общего устремления психоаналитических специалистов к интеграции.

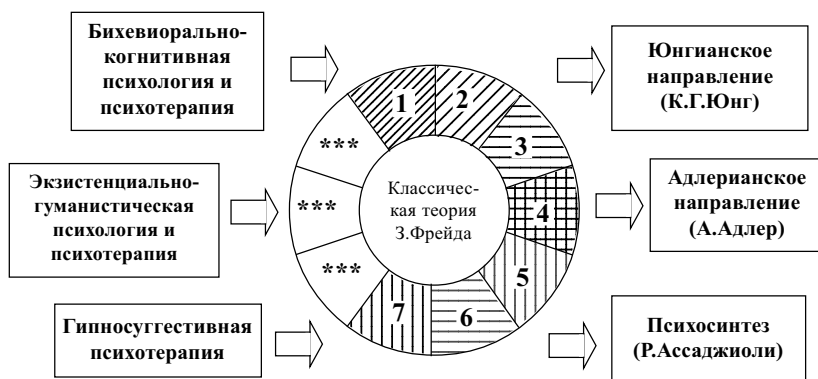

Рис.3. Система психоанализа: эволюция школ и направлений

Можно найти немало аналогий в отечественной истории, богатой примерами создания в разных областях науки и культуры ярких системных разработок – Вернадского, Менделеева, Вавилова, Чижевского, Павлова, Курчатова, Станиславского и др. Сюда же можно отнести и психоневрологический подход В.М.Бехтерева в медицине, не оцененный по достоинству до сих пор.

Уровни методологии и психоаналитические школы

Все представленные выше психоаналитические школы, с которыми идентифицируют себя отечественные специалисты, реализуются на пяти уровнях:

- общепсихологическом (законы общей философии);
- общепсихологическом (законы общей психологии);
- общепсихоаналитическом (законы и принципы классического психоанализа З.Фрейда);

- частно-психоаналитическом (конструкты конкретного психоаналитического направления, теории);
- ситуативно-конкретном (реализация конкретных техник в психоаналитической ситуации.)

Основные принципы психоаналитической методологии

Единство школ и лежащих в их основании теоретических принципов и конструктов представляется общей системой, где принципы, то есть те правила, по которым строятся и теоретические конструкты, и психотехнические приемы, занимают базисное положение. В дополнение к шести известным психоаналитическим принципам, сформулированным З.Фрейдом и его последователями (*Р.Р.Гринсон*), а именно – *адаптивному, структурному, генетическому, динамическому, топографическому и экономическому*, выделим семь основных принципов общей психоаналитической методологии, реализуемых во всех психоаналитических школах.

Назовем их:

- 1) принцип *интерпретации* (объяснения и понимания бессознательных проявлений), первичной роли бессознательного;
- 2) принцип *детерминизма* (бессознательного, всех феноменов психической жизни человека);
- 3) принцип *системности* (психических феноменов, явлений, личностной организации человека);
- 4) принцип *развития* (психосексуального развития личности, развития Эго, объектных отношений);
- 5) принцип *доминирующей (первостепенной) роли семьи*, семейных объектных отношений;
- 6) принцип *историзма, каузальности* (причинной обусловленности историей прошлых событий жизни);
- 7) принцип *психологизма* – первостепенной роли психических феноменов (а не психосоматического дуализма или материалистического доминирования).

Базовые теоретические конструкты психоаналитических школ, реализуемых в России

Каждая из фундаментальных психоаналитических школ имеет свой теоретический каркас, на который опирается и которым руководствуется психоаналитический специалист – приверженец определенной школы. Безусловно, как и во всем мире в сфере психоанализа, мы используем, в первую очередь, понятия теории драйвов З.Фрейда. А именно: *влечения (драйвы), либидо, Эрос, агрессия, Танатос, катексис, этапы психосексуального развития, фиксации, комплексы, Эдипов комплекс, кастрацион-*

ный комплекс, аутоэротизм, нарциссизм, топографическая модель психики (Бессознательное, Предсознательное, Сознательное), структурная модель личности (Эго, Ид, Супер-Эго), защиты Эго, сопротивление и др.

Каждая из психоаналитических школ, упоминавшихся выше, развивает новый теоретический аппарат, который, на мой взгляд, скорее дополняет, расширяет традиционный круг психоаналитического знания, нежели противостоит ему (или изолирует его). Этот прирост знания оформляет классический психоанализ в еще более совершенную систему, иначе говоря, происходит интеграция новых понятий в «старую» систему драйвов.

Особенно ярко и синтетически представлены своими конструктами наиболее известные в наше время школы: Эго-психология, объект-теории, селф-психология.

Проявления интеграции и дифференциации в психоаналитической методологии России

– Это интеграция психоаналитических школ, течений, теорий внутри России и между российскими и западными (США, Европа) школами – научными, экспериментальными, клиническими.

– Это синтез, соединение основных принципов, а также конструктов, понятий и их сопоставление.

– Это – воссоздание в российских условиях психоаналитических школ, разработанных и давно признанных на Западе.

– Благоприятная для интеграции культуральность, ментальность коллективного бессознательного в России (особый срединный – объединяющий путь России между Западом и Востоком).

– Дифференциация обедняет методологическую культуру, энциклопедичность, возможности для широкого гармоничного развития личности.

Ремарка. Это – как вкусы в литературе, киноискусстве, живописи, театре, музыке: один стиль (барокко или триллер, фантастика или рок, эпический театр и т.п.). Либо как фиксация на одной из стадий психосексуального развития (оральной, анальной или эдипальной). Иными словами, – фрагментарный взгляд на вещи, пациента, отношения, мир, семью, а не целостный, системный, интегративный методологический подход-концепция.

– Дифференциация ограничивает в работе с определенной группой пациентов и в применении определенной группы техник.

– Дифференциация в методологии и теории выступает как групповой нарциссизм участников, следование одной заданной концепции, что предполагает ограничение и узость научного кругозора.

Перспективы развития психоаналитической методологии в России

«Куда двигаться дальше и в какую сторону? Какие будут открытия? Какие перспективы ожидают нас в развитии психоаналитической методологии в России?» – эти и другие, с той же остротой звучащие вопросы, ставит сама практика отечественного психоаналитического движения.

Выскажу несколько соображений на этот счет.

Не сомневаюсь в том, что в ближайшие десятилетия или даже годы в России, как это было когда-то в США, Англии, Франции и других странах, где достойно представлен психоанализ, возникнут новые психоаналитические концепции, появятся новые теоретические конструкты. Какие тенденции, наметившиеся уже сейчас в отечественных психоаналитических исследованиях, позволяют верить в эту перспективу?

1. Прежде всего, это исследование роли Супер-Эго (глубокое и всестороннее изучение сущности его взаимодействия с другими структурами – Эго, Ид).
2. Можно также говорить об исследовании и своего рода открытии особой функции феномена *совести* («совесть» осмысливается как весьма специфичный конструкт для России с учетом ее исторической культуральной традиции).
3. Исследование сферы предсознательного и его роли в психических познавательных процессах – памяти, мышлении, внимании, воображении, восприятию.
4. Исследование соотношения Эго и поведения, а также Эго и активности, деятельности (как категории, получившей глубокую методологическую разработку в московской психологической школе).
5. Дальнейшее исследование механизмов защиты Эго, выявление и обоснование так называемых «конструктивных» защит.
6. Открытие и внедрение в современный психоаналитический процесс новых техник, исходя из психопатологии пациентов, возможностей сеттинга, а также построения (этапов) психоаналитического процесса.
7. Открытие новых конструктов на стыке соотношения Эго-психологии и психологии объектных отношений.
8. Исследование соотношения влечений и объектных отношений.
9. Исследование роли противоположного – анти-Эдипова комплекса, который проявляется в доминирующем, значимом отношении матери к сыну, отца к дочери.

И другие исследования...

3. О психоаналитической технике

Перейдем к анализу тенденций интеграции-дифференциации применительно к психоаналитической технике.

Условия выбора психоаналитических техник для российского специалиста

При работе с пациентами отечественный психоаналитик руководствуется следующими ориентирами:

- психопатология пациента, его психологические проблемы;
- особенности пациента (характер, возраст, пол);
- собственная теоретическая позиция;
- знания и владение классическими и современными психоаналитическими техниками;
- ситуация лечения, внутренний и внешний сеттинг, отношения рабочего альянса;
- особая роль семьи пациента, способствующая или препятствующая психоаналитическому процессу;
- социально-экономическая ситуация в стране и личная у пациента – обстоятельства, способные оказывать значительное влияние на конструирование психоаналитической ситуации.

Назовем *авторов*, которые наиболее плодотворно исследовали и разрабатывали вопросы психоаналитической техники на Западе. Большой вклад в эту область внесли *Р.Гринсон, Х.Томэ, Х.Кэхеле, Дж.Сандлер и соавт., Л.Люборски, А.Жибо, Ч.Бреннер, П.Куттер, В.Тэксэ, Х.Кохут, М.Балинт, А.Хайгл-Эверс и соавт., Л.Рэнджелл, Г.Лёвальд, Х.Хартманн, Д.Якобс, П.Дэвис, Д.Мейер, П.Кейсмент, Г.Гантрип, Р.Хьюджес, Дж.Вайс, Дж.Стрэчи, О.Фенихель, О.Кернберг, Р.Стерба, Э.Гловер, Д.Винникотт, У.Бион, М.Кляйн, М.М.Гил, Ш.Радо и др.*

Психоаналитический материал

Классический психоаналитический материал, как правило, составляют свободные ассоциации, сновидения, феномен переноса и контрпереноса, сопротивление (в том числе защиты), ошибочные и симптоматические действия, юмор, в меньшей степени – воспоминания (при регрессировании) и фантазии.

Несколько иной материал содержится в актуальных переживаниях «здесь и теперь», обсуждении поведенческих реакций и паттернов, отреагировании, фантазиях, невербалике (кинесике) и пр.

Система психоаналитических техник, применяемых в современном психоанализе в России

В зависимости от исходных теоретических концепций выделяют классические аналитические техники, современные психоаналитические техники и неаналитические техники. Активное развитие техник, которое наблюдается в наши дни, можно отметить как на Западе, так и в России.

• Техники классического психоанализа

Интерпретация сновидений, сопротивления, переноса-контрпереноса, анализ свободных ассоциаций, интерпретация защиты перед интервенцией бессознательной фантазии. Аналитик применяет «парящее внимание», принципы абстиненции и нейтральности, а пациент – регресс; используется кушетка и 5-6-разовое посещение специалиста в неделю.

• Современные психоаналитические техники

Наиболее известные – эмпатия, корректирующий эмоциональный опыт, контейнирование, конфронтация, комплементарные отношения, игровые методы, мини-интерпертации, холдинг, переходный объект, активное слушание, фокусирование, поддержание технической нейтральности, закрытость, фрустрация влечения, ре-переживание и др. (в Эго-психологии, объект-теориях, селф-психологии).

• Неаналитические техники

В их число входят: внушение, манипулирование, отреагирование, успокоение, катарсис, интервенция, принятие на себя ролей, мягкое игнорирование и др. (Р.Р.Гринсон).

Известны подходы к анализу применяемых техник в зависимости от уровня патологии пациентов (психотической, пограничной, невротической) (Н.Мак-Вильямс).

❖ *Для пациентов невротического уровня* – классический психоаналитический метод;

❖ *Для пациентов пограничного уровня* – экспрессивные техники (психоаналитическая психотерапия): безопасные границы, проговаривание конкретных чувственных состояний, интерпретации примитивных защит по мере их проявления во взаимоотношениях, обращение к пациенту за помощью при решении дилемм «или/или», поддержка индивидуации и препятствие регрессии, интерпретация в состоянии покоя, важность понимания аналитиком контрпереноса.

❖ *Для пациентов психотического уровня* – поддерживающие техники (поддерживающая психотерапия): создание атмосферы психологической безопасности; просветительская роль психотерапевта, интерпретация – в первую очередь, чувств и жизненных стрессов, но не защит (привязка тревоги к определенным стрессам).

Любопытный вопрос ставит в своей статье «Роль аналитика в аналитическом процессе» известный американский психоаналитик Г.Б. Левин: «Может ли техника аналитика в принципе по-настоящему быть свободной от его «ценностей, взглядов, желаний и потребностей», особенно, если они связаны с эмоциональными конфликтами и силами, вызываемыми его погружением в поле переноса-контрпереноса, которое развивается в процессе аналитических отношений?» И автор тут же дает ответ: «Думаю, что нет» (Левин, 2006).

О роли контрпереноса

На мой взгляд, наряду с интерпретацией должен быть признан, также в качестве основы, некий универсальный набор психоаналитических техник, обеспечивающих психоаналитический процесс. Затем в действие вступают: * точечность воздействия, * индивидуальность, * вид психопатологии личности, * ситуация, * вид психоаналитической психотерапии или психоанализа, * техническое мастерство аналитика и – особая роль – * контрпереноса.

Если не прорабатывать, не анализировать контрперенос, то все остальные техники – «как бы от лукавого», т.е. все «свое» психоаналитик неизбежно будет переносить, проецировать на пациента.

Я думаю, что в практике, как самой психоаналитической психотерапии, так и обучения, анализ контрпереноса должен играть первостепенную роль. При этом особое внимание следует ему отводить во время групповых супервизий, где все нюансы контрпереноса проявляются значительно ярче, чем в ходе личного анализа.

Основные тенденции в сфере применения психоаналитических техник в российском психоанализе

В своей работе психоаналитические психотерапевты, применяя те или иные техники, тяготеют к следующим полярностям:

- 1) активность – пассивность;
- 2) классическая техника – современные методы;
- 3) работа с регрессией пациента – работа в хронотопе «здесь и теперь»;
- 4) интерперетирование – манипулирование;
- 5) теоретическая ортодоксальность – учет реальности пациента, побуждающий к отказу от ортодоксии.

Уместно сослаться на точку зрения О.Фенихеля (2004), размышлявшего над соотношением «классических» и «неклассических» процедур: «Лучшими являются такие процедуры, которые обеспечивают оптимальные условия решения психоаналитической задачи. “Неклассическая про-

цедура” при невозможности классической процедуры остается психоанализом. Бессмысленно различать “ортодоксальный” психоанализ и психоанализ “неортодоксальный”».

Пример подходов, ориентированных на одну психоаналитическую школу

На одной из клинических конференций (супервизий) докладчик следующим образом обрисовал клинический эпизод: «На кушетке лежит пациент, шевелит руками вниз, активно говорит, боясь, что его заденут ответными реакциями...».

Как бы подобную картину истолковали представители разных психоаналитических подходов?

Классики психоанализа и представители французского течения наверняка объяснили бы данный эпизод мастурбационными регрессивными действиями, эдипальной тревогой, индивидуализирующей сексуальностью с оральными фиксациями и фантазиями.

Эго-психологи напомнили бы нам о размытой идентичности пациента, его слабо адаптивном Эго, о демонстрации зрелых защит (вытеснения, проекций, рационализации) и стремлении пациента с его ранними влечениями к Эго-синтонности.

Селф-психологи непременно сказали бы о нарциссической ране, ожиданиях пациента эмпатии со стороны аналитика, о поддержке его Эго, нарциссической установке и попытке продемонстрировать зеркальный перенос на аналитика.

Объект-теоретики в этом случае обратились бы к теме нарушения базового доверия и определенному типу привязанности пациента к матери, а через переносные чувства и к аналитику...

Клейнианцы увидели бы здесь параноидно-шизоидную позицию пациента и его проективную идентификацию, а также ранние агрессивные чувства зависти, гнева, обиды и раннее влияние Супер-Эго на инстинкты (руками шевелит, говорит, боится, но лежит на кушетке и все-таки слушает аналитика).

Наконец, *гуманистические* аналитики увидели бы ряд невротических потребностей пациента; обратили бы внимание на микросоциум, повлиявший на его тревогу, искали бы причины в особенностях взаимодействия пациента со значимыми другими в контексте национальности, религии и, в целом, культуры...

Я продемонстрировал пример объяснительных и описательных схем, на которые можно было бы опереться в понимании небольшого конкретного эпизода из клинической практики в случае *дифференцированного* подхода к пациенту. Однако, даже просто выстраивая эти объяснитель-

ные схемы в ряд и сопоставляя их друг с другом в компаративном анализе, мы в целом получаем интегративную концепцию случая – на методологическом и психотехническом (практическом) уровнях.

И в заключение данного раздела –

Интегративные процессы на уровне психотехники

Как проявляется такого рода интеграция и в чем именно?

1. Она начинается, прежде всего, с интеграции теорий и лишь во вторую очередь – обслуживающих их техник, с помощью которых реализуются и раскрываются концептуальные замыслы, цели, идеи.

2. Разнообразие в применении психоаналитических техник диктуется особенностями психопатологии пациентов. Сама практика, жизнь требуют от специалиста овладения как классическими, так и поддерживающими, а также экспрессивными техниками².

3. Особым образом техники сочетаются в зависимости от формы (вида) психоаналитической психотерапии и их сочетания между собой, а именно индивидуальной – с взрослыми пациентами, детско-подростковой, групп-анализа, супружеской и семейной (техники переносятся и включаются из одного процесса в другой).

4. Интеграция психотехник в зависимости от этапа психоанализа или психоаналитической психотерапии – начала, середины и окончания процесса³.

5. Интеграция экспрессивных (а также поддерживающих) психоаналитических техник в классический психоаналитический процесс с учетом и сеттинга, и технической стороны, и проблем пациентов.

6. Интеграция, объединение в той или иной мере психоаналитических и неаналитических техник. Известно, что большинство аналитиков, как в России, так и за рубежом (*Р.Гринсон*), использует элементы внушения, манипулирования, катарсиса и др.

7. Говоря об интеграции, мы предполагаем не эклектику, не искусственное сочетание разнородных техник, тем более не грубое слияние, а сохранение их аутентичности, уникальности, оригинальности, технической чистоты, что становится возможным благодаря росту мастерства специалиста в результате синтеза теоретических идей и, во вторую очередь, техник.

² Берут у нас в анализ тех, кто приходит, а не тех, кого тщательно отбирают в потоке пациентов, как это делается в Европе и в США (существует реальная конкуренция со стороны других психотерапевтических школ, да и с потоком, судя по последним данным, полученным по Москве и Санкт-Петербургу, – проблемы).

³ Яркий мастер-класс по этой проблеме провел кандидат в члены МПА А.Шибавев в апреле 2006г., в Москве, в РПО.

4. Выводы

Подводя итоги, хочу расставить последние акценты в отношении интегративных процессов, состояние которых было рассмотрено нами на уровне как структурной организации психоаналитического движения, так и методологии, а также психотехники психоаналитической работы.

1. В российских психоаналитических объединениях и группах можно наблюдать двойственную тенденцию. С одной стороны, отмечается ориентация на какую-либо одну определенную школу мирового психоанализа, следствием чего становится все большая дифференциация психоаналитического движения. С другой стороны, идет процесс объединения усилий, продуктивного сотрудничества групп, организации общих мероприятий, способствующих выработке общего понимания процессов, происходящих в области психоанализа, и обретению общего профессионального языка. На мой взгляд, данная тенденция создает и расширяет перспективу многостороннего развития психоаналитиков России, их творческого роста, плодотворного взаимного сотрудничества и взаимообогащения идеями и практикой.

2. В психоаналитической методологии, представленной в России, находят отражение процессы, характеризующие мировое психоаналитическое движение, осваиваются и успешно используются ведущие психоаналитические методы и теории. В то же время формируются интегративные психоаналитические концепции, зарождаются новые конструкты, возникают новые идеи и принципы, обусловленные особенностями, которые присущи российской культурной традиции.

3. В зависимости от реалий практики, социально-экономических условий, уровня психопатологии пациентов, условий клинической ситуации и пр. психоаналитический специалист в России прибегает как к классическим, так и к современным психоаналитическим, а также и неаналитическим техникам (процедурам). Профессиональное владение в интегративном ключе именно тремя группами техник позволяет успешно, качественно и эффективно осуществлять цели и задачи психоаналитического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа: Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. – 478 с.

Левин Г.Б. Роль аналитика в аналитическом процессе// Психоаналитический вестник. 2006. № 15. С.83-104.

- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе: Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. – 480 с.
- Смит Н.* Современные системы психологии. История, постулаты, практика. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 383 с.
- Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ: Исследования. СПб.: ВЕИП, 2001. – 304 с.
- Тресс В., Рейстер Г.* Глубинная герменевтика и теория когерентности // Ключевые понятия психоанализа / Пер. с нем. Под ред. В.Мертенса. СПб.: Б&К, 2001. С.115-119.
- Тресс В., Рейстер Г.* Глубинная герменевтика и теория конгерентности // Ключевые понятия психоанализа. СПб.: Б&К, 2001.
- Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. – 738 с.
- Фрейд З.* Избранное. М.: Внешторгиздат, 1989. – 448 с.

ТРИ ЭТАПА СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Ф.Р. ФИЛАТОВ*

Статья посвящена обсуждению вопроса о периодизации развития теоретического психоанализа. В этом историческом процессе выделяются три этапа – «три эпохи психоанализа», рассматриваются непосредственно инициированные психоанализом или вызванные постепенной экспансией психоаналитических идей преобразования, произошедшие в различных сферах научного мировоззрения (дискурса), обыденного сознания, социальной практики. Также обсуждаются общие тенденции и перспективы развития теоретического психоанализа на нынешнем, постмодернистском, этапе.

В 2006 г. научные сообщества разных стран отметили – с разной степенью включенности и энтузиазма – 150-летний юбилей патриарха психоанализа З. Фрейда. Не так давно отмечались и другие знаменательные даты, связанные с зарождением психоаналитической доктрины и глубокой психологии как таковой. Позади столетие психоанализа, и в историческом отношении это достаточно продолжительный период, чтобы, исходя из новых исследовательских позиций, артикулировать вопрос о периодизации развития психоаналитической теории в контексте глобальных преобразований гуманитарного знания, социальных практик и культурной жизни в целом. Этот вопрос имплицитно содержит в себе (и в результате анализа распадается на) ряд тесно взаимосвязанных вопросов. Из каких теоретических и социокультурных предпосылок возник психоанализ? Можно ли говорить о психоанализе XIX века как о законченном про-

* *Филатов Филипп Робертович* – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Южного федерального университета, президент Ростовской психоаналитической ассоциации (РПА).

екте, пронизанном духом Просвещения и завершающем новоевропейскую картину человека, его природы и судьбы? Что позволяет, вместе с тем, говорить о психоанализе XX в. как об одной из крупнейших научных революций? Какие важнейшие инновации в гуманитарной науке, психотерапевтической профессии, культуре и обыденном сознании связаны с развитием и экспансией психоанализа? Каковы специфические особенности психоаналитического дискурса и неизбежные ограничения связанной с ним «языковой игры»? Наконец, каким закономерным трансформациям подвергается психоанализ в постмодернистскую эпоху, современниками которой мы являемся?

Проблема периодизации развития психоанализа неоднократно и широко обсуждалась в историографической литературе. Выделялись основные вехи и поворотные пункты в становлении психоаналитической доктрины. В их числе: отказ от идеи травматического происхождения неврозов – в теории, и от гипноза – в клинической практике; публикация «Толкования сновидений» (1900) и разработка метода свободных ассоциаций; появление работ о переносе и формулировка принципов дидактического анализа; ревизия теории первичных влечений (1920) и введение структурной модели ментального аппарата (1923) и т.д. Предлагалось подразделение различных, последовательно сменявших друг друга, вариантов классического учения на «фрейдизм», «неофрейдизм», «постфрейдизм»; прослеживалась траектория институционализации и международной экспансии психоанализа (создание Венского кружка, сотрудничество с Юнгом и швейцарской когортой психиатров, эпохальное путешествие в Новый Свет...).

Следует отметить, что в большинстве случаев формирование психоанализа как самостоятельной школы психологической мысли рассматривалось в контексте его внутренней истории – в свете значимых преобразований категориального аппарата и методического инструментария или судьбоносных моментов консолидации и раскола в рядах психоаналитиков.

Однако представляется не менее продуктивной периодизация психоанализа в аспекте его внешней истории, т.е. в контексте глобальных общегуманитарных трансформаций, которым подверглись в XX столетии (в век кризиса западного рационализма и антропоцентризма) дискурсивные практики философии, психологии и психотерапии. Такая периодизация позволит осветить роль психоаналитического проекта в историческом процессе преобразования гуманитарного знания и складывающихся на его основе социальных практик.

Выходя за рамки внутренней истории психоанализа и рассматривая его становление в более широком, общегуманитарном контексте, мы обна-

руживаем весьма примечательный исторический парадокс. Он заключается в том, что, отметив в прошлом году 150-летие со дня рождения З.Фрейда, мы можем вместе с тем констатировать наступление уже *«третьего века» психоанализа*. Это, конечно, плохо увязывается с традиционной хронологией, но, тем не менее, вполне объясняется интенсивной культурной динамикой современного мира, в котором историческое время не совпадает с календарным. При таком взгляде разграничиваются (с некоторой долей условности, конечно) три психоаналитические эпохи: • психоанализ XIX века, созданный под прямым или косвенным влиянием идей великих умов того времени – Гербарта, Шопенгауэра, Гартмана, Ницше, ставший, по сути, логическим завершением этого исторического периода и открывший врата выдающимся свершениям и научным революциям XX в.; • «революционная эпоха» психоанализа, охватывающая временной интервал от 1900 г. (когда было опубликовано «Толкование сновидений») до середины прошлого столетия; и • современная, точнее, «постсовременная», постмодернистская эпоха, когда сам психоанализ, ставший источником столь многих инноваций, нуждается в обновлении и новой внутренней трансформации.

Заявляя, что в истории науки имеет место психоанализ XIX века, – хотя фактически З.Фрейд как психоаналитик творил в этом столетии всего одно десятилетие, – мы тем самым утверждаем, что *первая версия* психоаналитического учения, куда можно отнести «исследования истерии» и катартический метод Брейера-Фрейда, были подготовлены предшествующим интеллектуальным и социальным развитием, стали венцом более длительного и сложного социокультурного процесса. Причем «латентный» или инкубационный период формирования глубинной психологии начался еще до рождения Фрейда. «Малые перцепции» Лейбница, противопоставление иррациональной воли и представления у Шопенгауэра, дихотомия «наслаждение-и-долг» в трудах Кьеркегора, наконец, ницшеанство – все эти концепты и идейные веянья, явно или косвенно, послужили теоретическими предпосылками психологии бессознательного. Приход Фрейда был подготовлен и в области социальной практики. Причем, не только в клинике, где, благодаря усилиям наблюдательных и проницательных знатоков человеческого неблагополучия, все более отчетливо проявлялся облик «неразумия» и фиксировались особые типы соответствующей ему душевной организации, но и в более широком культурном контексте: месмеризм и спиритизм открыли перед бессознательным двери салонов весьма уважаемых европейских домов. Сверх того, неоценимую услугу психоанализу, как отмечал сам Фрейд, оказали искусство и литература, отдавшие в XIX в.

дань должного внимания сфере иррационального и необъяснимого в человеке.

Итак, «призрак», долго бродивший по Европе, обрел в первой версии психоанализа плоть, а многочисленные идеи и воззрения, которые принято относить к иррационализму, получили концептуальное оформление и научное обоснование. Ранний психоаналитический проект был буквально пронизан духом Просвещения и романтизма. Этот дух обнаруживается в самой интенции научной мысли, в стремлении вырваться за границы «ложного» сознания, познать то, что противится познанию, и понять нечто, ускользающее от понимания. Им пронизано убеждение, что каждому человеку необходимо вспомнить забытое, открыть, пусть неприятную, но «правду» о себе. Этим же духом движимо и смелое намерение показать человеку его «темную» сущность и, в конечном счете, научиться управлять теми силами и процессами, которые изначально неподконтрольны сознательному Я, то есть подчинить себе / приручить собственную психическую природу. Тот же просвещенческий пафос очевиден и в подчеркивании «освободительной» культурной роли психоанализа, в постановке благородной задачи «освобождения» человечества от многовековых заблуждений, предрассудков и слепого страдания.

Видимо, наследие XIX в. сохраняется в психоанализе, имплицитно содержится в нем, и на современном этапе развития глубинной психологии оно по-прежнему обнаруживает себя, по крайней мере, в той ортодоксальной версии фрейдистского учения, которое служит концептуальным ядром, парадигмальным базисом и своеобразным эталоном для более поздних модификаций.

Однако, заслуживает удивления то обстоятельство (а, с другой точки зрения, оно вполне закономерно), что, положив в основу своей теории новоевропейскую просвещенческую традицию, Фрейд тут же начинает подрывать и расшатывать ее. Классическая психология, эта наследница картезианского рационализма, получает от психоанализа самый чувствительный, можно сказать, сокрушительный удар. Именно это обстоятельство позволяет назвать *вторую* эпоху психоанализа *«революционной»*. Период приблизительно с 1900 г. вплоть до середины XX века был ознаменован не только рождением и стремительным развитием в Европе и за ее пределами новой социальной практики, но и «коперниковским поворотом» в западном мышлении, явившимся, как подчеркивал Ж.Лакан, непосредственным следствием фрейдовских открытий (Лакан, 1997).

Попытаемся в самых общих чертах охарактеризовать развитие психоанализа в этот период, обозначив то влияние, которое он оказал на различные дискурсивные практики и сферы культурной жизни.

Уже к началу XX века Фрейд отказывается от двух главных исследовательских установок или парадигм, закрепившихся в психологии его эпохи под влиянием философии предшествующего столетия. Мы имеем в виду, во-первых, *интроспекционизм*, который непосредственно вырастает из картезианской и ассоциативной философии, трактуя психическое как доступную самонаблюдению умопостигаемую структуру и приняв за точку отсчета сознательное, мыслящее Я; и, во-вторых, *натурализм*, то есть естественнонаучный подход с его позитивистскими стандартами научности и постулированием некоей доступной для изучения «природы вещей», которая, как не таится, но неизбежно разоблачает себя, принуждаемая к тому пытливым исследователем, в процессе эксперимента или объективного наблюдения. Фрейд предложил взамен обеих крайних позиций *герменевтику*, что было обусловлено, в первую очередь, открытием основателем психоанализа символического смысла симптома.

В результате этого решающего поворота в психоаналитическом учении психотерапия в XX столетии оказалась тесно и неразрывно связанной не столько с естественнонаучными объяснительными моделями, как это имеет место в медицине, сколько с особой традицией интерпретации, специфической *герменевтической практикой*, начало которой и было положено трудами З.Фрейда. Фактически это привело к отделению психотерапии от традиционной медицины (по крайней мере, от той ее части, которая базируется исключительно или преимущественно на биологии), к становлению новой профессии и даже к появлению нового типа социальной связи: диада «аналитик – анализант» постепенно становится значимым элементом общественной жизни наряду с отношением «врач – пациент».

Величайшая и общепризнанная заслуга Фрейда состоит в том, что он смог увидеть, осмыслить и убедительно продемонстрировать «исцеляющую силу слова», или, если заменить этот классический логоцентрический конструкт более современной профессиональной (процессуальной) формулировкой, доказал *терапевтическое значение определенным образом организованной беседы*. Это вовсе не означает возврат от «прогрессивной» биохимии и фармакологии к древней магии заклинаний. Скорее, можно сказать, что отныне *язык/дискурс* признается *основным инструментом* психотерапии, ее орудием.

Подчеркивая свою приверженность естественнонаучному подходу, на чем Фрейд не устал настаивать, он, вместе с тем, по сути, заложил основы *психосемантики психотерапии*, дополнив в ее рамках биологию – семантическим анализом. Он убедительно показал, что индивидуальный опыт – это тайнопись, ожидающая расшифровки/декодирования, что бес-

сознательные процессы – инстинкты, желания, влечения – не напрямую воздействуют на нас, но опосредованно, через системы скрытых от разума значений. И, наконец, – что любой патологический симптом может рассматриваться не только как сбой нормального функционирования, но и как знак или смысловое образование, т.е. *семантический конструкт*.

Следует также отметить, что Фрейд раскрыл и роль *жизненной истории*, конструирующей субъекта и реконструируемой в ходе аналитического взаимодействия, выявил определяющее влияние ее ложных очевидностей и «белых пятен» на всю психическую судьбу того, кто выступает одновременно и автором и персонажем этой истории. Все это значительно обогатило практику психотерапии, расширило диапазон применяемых в ней способов описания, используемых при этом концептов, обернулось созданием особого повествовательного жанра, который обычно обозначается как *анализ клинического случая*.

Фрейд не только преобразовал и обогатил дискурсивную практику психотерапии, но также существенно изменил само понимание *субъекта* в современном гуманитарном знании. Пользуясь весьма популярным сегодня термином, можно сказать, что он одним из первых осуществил *деконструкцию западноевропейской модели индивидуального Я как автономного Субъекта*. Фрейд обратил, «перевернул» традиционные иерархии «разум/аффект», «сознание/бессознательное», «рациональное/иррациональное», «нормальное/патологическое», показав, что картезианское мыслящее Я, которое считалось незыблемым основанием, источником свободной и осмысленной активности, высшей инстанцией и регулятором всех действий и поступков человека, на деле вторично. Оно производно от бессознательного, служит своего рода «надстройкой» над этим мощным биологическим базисом. В своих трудах Фрейд сместил фокус рассмотрения и вместо поиска некоей конечной причины, цели, сущности, высшего смысла, которому Я могло бы всецело себя посвятить, открыл принципиально новое, еще *не исследованное семантическое поле*; именно здесь, утверждал он, могут быть обнаружены истинные знания о человеческой природе, те ее аспекты и факторы, которые, – хоть эта голая правда и неприемлема для нас, – определяют наше бытие.

Что же составляет это не изученное до Фрейда смысловое поле? Его составляет все, что мы привыкли считать бессмыслицей и нелепостью, казусом, сбоем привычного функционирования – оговорки, описки, всевозможные семантические «монстры» и несуразности, скабрзные остроты, ошибочные действия, самый разнообразный словесный мусор, рой случайностей. Иными словами то, чему не придется значения в нашей повседневности – да и, кажется, глупо наделять все эти повседневные

провалы смысла значимостью. Идеальные конструкции, с которыми связываются наши привычные представления о собственном предназначении, нравственности, свободе, долге, духовности, на этом фоне оказываются зыбкими и, в конечном счете, фальшивыми. Все это – лишь «химеры» самоутешения, призраки ложного сознания, тогда как самое важное, сущностное и витальное, что есть в нас, выражает себя в автоматизмах, слепых импульсах, диких страстях и «грязных» желаниях. Наконец, в психоанализе нормальное, здоровое перестает быть чем-то естественным и закономерным, основанием и эталоном/меркой, но определяется через патологическое – в норме скрыты, дремлют те психические тенденции, которые отчетливо обнаруживают себя во всевозможных аномалиях. *Норма* – это не проявленная патология, производная последней (вспомним, как Фрейд определял цель анализа: заменить невротическое страдание обычной и переносимой неудовлетворенностью), меж тем как патология – истинная законодательница душевной жизни.

Фрейд произвел деконструкцию присущего западной культуре дискурса субъектности, пребывая в нем, следуя его внутренней логике и играя «по заранее оговоренным правилам». Иными словами, логоцентрическая традиция была подорвана в работах Фрейда средствами и методами самого логоцентризма. А иначе и быть не могло, ведь, как уже отмечалось, большую часть своего жизненного пути Фрейд оставался верным наследником Просвещения.

Выдающимся достижением научной мысли Фрейда следует признать открытие «психической реальности», сотканной из бессознательных желаний, импульсов, фантазий, всегда ускользающей, призрачной и иллюзорной, как покрывало Майи, и при этом единственно значимой для конкретного человека, определяющей его судьбу. В этом контексте представляются ценными рассуждения Мераба Мамардашвили, приведенные в его лекции «О психоанализе» (*Мамардашвили*, 1994). Наряду с объектами физического мира, данными нам в «беспристрастности» внешнего наблюдения, а также явлениями осознанной душевной жизни, непосредственно данными в самонаблюдении, Фрейд открыл и сделал доступной для исследования особую группу феноменов – так называемые «третьи вещи» или явления третьего рода, как их условно обозначил М. Мамардашвили. Это все те же *lapsus linguae*, *lapsus calami*, то есть ошибки, описки, очитки, особые смысловые сгустки, «семантические монстры», словом, образования, которые наряду с поверхностным, внешним смыслом (или бессмыслицей) содержат другое, скрытое от самого субъекта, тайное, темное, нераспознаваемое значение. И это скрытое значение может быть извлечено посредством аналитической процедуры. Такие классические

установки познания, как абсолютизация внешнего наблюдения в естествознании и постулирование самодостоверности внутреннего опыта в интроспекционизме, благодаря Фрейду дополняются новой исследовательской позицией, что значительно расширяет общую познавательную перспективу в гуманитарных науках. Эта новая позиция предполагает *недоверие очевидному* и особую чуткость по отношению к тем сторонам и аспектам реальности, столкновения с которыми наше сознание всячески избегает ввиду имплицитно присущих ему, неискоренимых особенностей и ограничений. Когда некто нечто говорит или делает, то, за внешней очевидностью и осознанностью сказанного и сделанного, таится – или, точнее, говорится и совершается что-то еще, важное и не проявленное, требующее прояснения.

История второго этапа развития психоанализа показывает нам, как определенная система описаний и интерпретаций способствует существенным изменениям в культурной жизни, обеспечивая конструирование новых форм социальной реальности, как специфическая, частная языковая игра разрастается до масштабов самостоятельной и весьма влиятельной социальной практики.

Вторая психоаналитическая эпоха (приходящаяся на первую половину XX века) характеризуется не только революционными свершениями, но также четким определением допустимых «правил игры», известной догматизацией фрейдовского учения и закономерным диссидентством, отступничеством – появлением несогласных и нежелающих неукоснительно следовать авторитарно утвержденным принципам и догматическим постулатам. Любая языковая игра, вводя собственные строгие правила, порождает и ряд ограничений. В критической литературе неоднократно обсуждались жесткие ограничения психоаналитической языковой игры, осознание которых побудило многих, поначалу преданных, учеников и сторонников Фрейда размежеваться с классическим психоанализом, подвергнуть рефлексивному сомнению и пересмотру фрейдистскую догму.

Отметим некоторые из таких ограничений.

Пансексуализм – аксиоматическое провозглашение сексуальности главной, абсолютно доминирующей движущей силой индивидуального поведения и развития. Безоговорочное принятие данной аксиомы неизбежно приводит к игнорированию других факторов, побудительных сил и источников человеческой мотивации.

Игнорирование культурно-исторического контекста (или, пользуясь метафорой В.Н.Волошинова, «*боязнь истории*») (Волошинов, 1994). Приносящая психоанализу и очаровывающая в нем «тяга к глубине», предполагающая беспристрастное узрение глубин, первопричин, первооснов, на деле

нередко оборачивается уходом от культурно-исторического контекста, нивелированием значимых социокультурных различий между людьми.

Механодетерминизм и тесно связанный с ним *ретроспективный взгляд на душевную жизнь*, обращенность психоанализа к прошлому субъекта. Если две вышеупомянутые «превратности метода» непосредственно проистекают из его идеологического основания, то эта, скорее, связана с его преимущественной направленностью, т.е. с заложенной в нем исследовательской установкой. Психоанализ, с одной стороны, рискует превратиться в бесконечный поиск первопричин, а, с другой, редуцирует, сводит всю временную перспективу душевной жизни к прошлому опыту. В результате создается эффект «обратной перспективы»: жизненные события оказываются для анализанта тем более значимыми, чем более они удалены от него во времени, чем дальше отодвинуты в глубь минувшего. При этом собственное настоящее и возможное или желаемое будущее словно исчезают из его поля зрения. Уже Анри Бергсон в «Опыте о непосредственных данных сознания» (1889) писал о неразрывной связи детерминизма и ретроспекции: мы можем выстраивать каузальные (причинно-следственные) цепочки, только оглядываясь назад (*Бергсон, 1991*). Такая «оглядка» (взгляд Орфея) равносильна утрате свободы воли и приводит к исчезновению активного, свободного субъекта, да и субъектности как таковой в психоаналитическом дискурсе.

Пансексуализм и механодетерминизм психоаналитического учения нередко подвергались критике под общей рубрикой *редукционизма*. Подразумевалось характерное для психоанализа сведение всего многообразия психической жизни к фиксированной (не пополняемой) группе факторов, базовых драйвов, первособытий и предпосылок, скрытых в глубинах прошлого опыта. Это позволило Юнгу определить подход Фрейда как редуцитивный и противопоставить ему собственный «синтетический» или «конструктивный» подход (*Юнг, 1994*).

Другой особенностью психоанализа, которая была отмечена и отрефлексирована М. Фуко, выступает неуклонная *семиотизация психологического дискурса* (*Фуко, 1006*), также приводящая к потере самостоятельного и активного Субъекта, к замене личности игрой бессознательных сил и системой скрытых от сознания значений. Правда, тенденция к семиотизации, согласно Фуко, в XX в. характеризует не только психоанализ – она, так или иначе, обнаруживается во всех науках о человеке, постепенно становясь отличительным признаком современного гуманитарного знания. Гуманистическую и экзистенциальную традиции можно рассматривать, как попытки вернуть в психологию субъекта – значимую в своей уникальности личность, наделенную свободой воли и ответственностью.

Психоанализ также подвергался критике в связи с его метатеоретическими притязаниями, приводящими к *отрицанию потенциальной множественности интерпретаций*. Несмотря на то, что сам Фрейд уже в «Толковании сновидений» писал о необходимости даже в случае максимально успешного анализа допускать возможность *иного объяснения* символики сновидений, в психоаналитическом дискурсе периодически проявляется нацеленность на единственно допустимую, *единственно верную интерпретацию*, в силу чего альтернативные трактовки остаются незамеченными или резко отвергаются.

Наконец, еще одна мишень критических нападок – это *монолизм* фрейдовского учения, предполагающего анализ одинокого и изолированного Я, в отрыве от его актуальных социальных, культурных и семейных связей. Данная особенность психоаналитического дискурса позволила Дж. Хилману назвать век психоанализа «столетием одиночества».

Немалую роль в расколе психоаналитического движения сыграла и авторитарность личности самого Фрейда, его стремление к абсолютному доминированию. Как мне представляется, суть возражений Юнга, Адлера, Бинсвангера и др. критиков фрейдовского учения заключалась не в том или не столько в том, чтобы опровергнуть конкретный научный тезис о «примате сексуальности», а в том, чтобы воспротивиться утверждению и навязыванию еще одной формы «власти-знания», воспрепятствовать еще одной претензии на интеллектуальное господство. Оппоненты Фрейда из числа его же последователей попытались оспорить определенные, слишком узкие «правила игры». Согласно этим правилам, которые должны были безоговорочно принять все, один из множества факторов абсолютизируется, провозглашается первостепенно значимым и доминирующим, одна из движущих сил душевной жизни выступает первоначалом и первопричиной, один из объяснительных принципов признается главенствующим. Именно за такой протест, который, конечно, может быть легко ассимилирован обсуждаемой языковой системой и приравнен к «типичным проявлениям» Эдипова комплекса, упомянутые персоны и оказались в опале. Однако сегодня очевидно, что господство «единственно верной интерпретации» непродуктивно и препятствует развитию соответствующей практики, особенно при том состоянии дел и умов, которое известно как «состояние постмодерна».

В контексте сказанного интересно исследовать трансформацию образа Фрейда и его учения по мере экспансии и институционализации психоанализа. В свете разных ипостасей этого харизматического, ставшего уже отчасти мифическим образа актуализируются разные дискуссионные темы, и само обсуждение поворотных моментов в развитии психоаналитического

движения строится по-разному. Можно условно выделить основные рубрики, под которые, так или иначе, подводятся современные дискуссии о психоаналитической теории. Вот некоторые из них: «Зигмунд Фрейд – первопроходец и Моисей психоанализа», «Фрейд и оппоненты: игра и столкновение научных альтернатив», «Фрейд, прочитанный заново и по-новому» и др. Трансформация образа Фрейда и отношения к нему – в разные периоды, в разных научных и культурных сообществах – могла бы составить тему отдельной исследовательской работы.

Третья, постмодернистская эпоха психоанализа характеризуется так называемым «недоверием к любым метанарративам и метатеориям» (к числу коих относится и психоанализ). Основными задачами на этом этапе, продолжающемся и в наши дни, выступают:

- ревизия психоаналитического наследия, отделение эвристических и продуктивных научных построений от привнесенных элементов мифологии, идеологических примесей, а также иррациональных убеждений;
- признание принципа множественности интерпретаций и интеграция в единое дискуссионное поле научных альтернатив классической теории, которые прежде игнорировались или подавлялись;
- деконструкция уже сложившегося «мифа анализа», вскрытие накопленных противоречий, критическое переосмысление фрейдовской доктрины, с целью открытия новых возможностей и перспектив.

Иными словами, психоанализ уже в середине прошлого столетия вступил в эпоху рефлексивной критики, ревизии и переформулирования его основоположений. Наличие и прохождение этого важнейшего этапа в истории психотерапии выступает необходимым условием последующего обновления аналитической теории и практики. Для психоанализа постмодерн – это и вызов, и искушение, и испытание, и, несомненно, возможность трансформации. Данную эпоху отличает *стремление преодолеть затворничество психоанализа*, его изолированность от других систем знания, присущую ему герметичность, «эзотерическую» замкнутость в кругу собственных теоретических конструкций, в плену богатейшего и, вместе с тем, ограниченного метаязыка. Преодоление такой искусственной изоляции означает прораивание множественных и сложных междисциплинарных связей, новое прочтение психоаналитических концепций в свете достижений и открытий, сделанных в русле как самого психоанализа, так и сопредельных гуманитарных дисциплин. Знаковыми фигурами, обозначающими начало этого плодотворного этапа, можно считать, например, Ж. Лакана, усилиями которого психоанализ был введен в более широкое поле идей структурализма, семиотики, лингвистики, философии языка, или П. Рикера, предложившего рассматривать пси-

хоанализ в качестве особого типа герменевтики в сравнении с другими интерпретационными традициями.

Еще одной важнейшей задачей постмодернистской эпохи следует признать *изучение современных форм социальной репрезентации психоанализа*, то есть характера его представленности в обыденном сознании¹. Это необходимо для более глубокого понимания исторически сложившейся психологии потенциального заказчика, клиента аналитической психотерапии, а также тех коллективных представлений, предубеждений и стереотипов, на основе которых осмысляется все происходящее в ходе аналитических сессий. Кроме того, в последние десятилетия предпринимаются попытки подвергнуть исследованию широкий спектр ранее не учтенных социокультурных факторов, определяющих, наряду с механизмом переноса-контрпереноса, динамику психоаналитического процесса. Сюда можно отнести, например, изучение культурных установок психотерапевта и анализанта, чему, в частности, посвящена монография юнгианца Дж. Хендерсона (*Хендерсон, 1997*).

Подводя итоги, можно охарактеризовать третий этап развития психоанализа, современниками и действующими лицами которого мы являемся, как «*эпоху разночтений*» – время многократного и плодотворного перечитывания, переинтерпретирования, переосмысления классического учения, которое, оставаясь основой всего древа современной гуманитарной психотерапии, тем не менее, уже более не воспринимается в качестве своеобразного метатеоретического монолита. Психоанализ на наших глазах превратился в обширное поле *деконструкции*.

Все отмеченные нами тенденции позволяют говорить о современном психоанализе не просто как о теории или научной школе, но как о многоплановом феномене западной культуры; его облик закономерно изменяется, не только согласно собственной внутренней логике развития, но и в контексте глобальных трансформаций знания, практики, различных сфер социального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Московский Клуб, 1992. С.111–160.
Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вступ. ст. В.М.Лейбин. М.: Республика, 1994. С.269–346.

¹ Своеобразной вехой на пути социально-психологического исследования психоаналитической практики служит известная работа С. Московичи: *Moscovici S. La Psychanalyse, son image et son public*, P.U.F., Paris, 2e éd., 1976.

Лакан Ж. Ниспровержение Субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или Судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С.148–183.

Мамардашвили М. О психоанализе. Лекция // Философско-литературный журнал. М.: Логос, 1994. № 5. С.123–140.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.

Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М.: Добросвет, 1997. – 219 с.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного, «Синтетический, или конструктивный метод» // Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С.123–134.

Moscovici S. La Psychanalyse, son image et son public, P.U.F. 2e éd. Paris, 1976.

НА ПУТИ К ПСИХИКЕ КАК ТЕКСТУ

В качестве предисловия: комментарий к письму З.Фрейда – В.Флиссу

Известно, что переписка поистине с огромным кругом людей – членами семьи, друзьями и соратниками, приверженцами психоанализа и его противниками, деятелями культуры и пр. – была излюбленным занятием З.Фрейда. Если бы все, написанное им, можно было выстроить в хронологическом порядке, получился бы подробный дневник его жизни. Некоторые из писем в этом бесконечном ряду представляют собой ценнейший библиографический источник, непосредственно связанный с теорией психоанализа. Их числу принадлежит и цикл писем, адресованных «другу и аналитику на расстоянии» (Фрейд нередко исповедовался своему корреспонденту), специалисту-отоларингологу и биологу Вильгельму Флиссу, в частности письмо № 52 от 6 декабря 1896 года, перевод которого вперые на русском языке публикуется ниже.

В этом письме – три темы. Одна посвящена разрабатываемой Флиссом теории жизненных периодов, исходно обусловленных сроками женских меноциклов. В соответствии с его гипотезой космического детерминизма, система этих периодов и их действие должна распространяться на все живое. Для мужчин он рассчитал 23 дня, вычтя из 28 дней женского цикла 5 дней менструаций. Флисс часто обращался к математическим спекуляциям и, мы видим, с какой готовностью и научным азартом Фрейд включался в эти рассуждения. Лишь много позже он начал понимать, что «теория» его друга целиком относится к области его фантазии.

Вторая тема – женской бисексуальности. Но и ее мы оставим без комментария.

Третья же тема и составляет тот предмет, ради которого мы публикуем именно это письмо из всего эпистолярного наследия Фрейда. Но здесь нельзя обойти молчанием программную работу французского философа, мэтра постструктурализма Жака Дерриды «*Фрейд и сцена письма*» (1966)¹. В эпиграфе к этой статье он цитирует З.Фрейда: «В чем, собственно, состоит *пролагание пути* – этот вопрос остается открытым» («*Набросок*

¹ Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // От структурализма к постструктурализму. Французская семиотика. М.: Изд. гр. «Прогресс», 2000.

научной психологии», 1895). Письмо Фрейда как раз и служит наглядной демонстрацией «пролагания пути» к... семиотике психики. А Деррида, в свою очередь, демонстрирует, как надо читать Фрейда, пристально всматриваясь в след его рассуждений в строчках письма. Статья открывается следующими словами:

«Наши притязания весьма скромны – найти в тексте Фрейда несколько опорных точек и, не претендуя на систематичность, выделить в психоанализе все то, что не вмещается в рамки логоцентризма, поскольку они ограничивают не только историю философии, но и становление «гуманитарных наук»².

Деррида прибегает к метафоре «нефонетического письма», охватывающей, как он полагает, «все пространство психики».

«Содержание психики будет представлено графическим по своей сути текстом. Структура же психического аппарата будет представлена пишущим механизмом... Спрашивать следует не о том, является ли пишущий аппарат... удачной метафорой, позволяющей представить функционирование психики; но о том, какой аппарат нужно создать, чтобы представить психическое письмо, и что означает – применительно к письму и применительно к психике – задуманное и осуществленное с помощью механизма подражание такому явлению, как психическое письмо. Не о том, вправду ли является психика своего рода *текстом*, но что такое текст и чем должна быть психика, чтобы текст мог ее представить. И, наконец, каким должно быть соотношение между психикой, письмом и *пространственной разнесенностью*, чтобы такой метафорической перенос оказался возможен не только и не просто в рамках теоретического рассуждения, но в самой истории психики, текста, техники?»³.

Начиная с 1895 г., когда Фрейдом был опубликован «Набросок научной психологии» и до 1925 года, когда появилась «Заметка о чудесном блоке»⁴, проблематика «пролагания пути», как отмечает Деррида, все более и более сближается с метафорой «письменного следа», после чего «след» начинает превращаться в «письмо».

В послании Флиссу система представлений, изложенная в «Наброске...», воссоздается в виде начертательного построения, примечательная особенность которого заключается в переходе от нейрологии – к психике.

² Op.cit., с.336.

³ Op.cit., с.337.

⁴ Пользуемся переводом, приведенным в статье Ж.Дерриды данного издания. В другом переводе название статьи Фрейда читается как «Заметка о “вечном блокноте”».

Центральное место в этом письме, в чем читатель получит возможность убедиться, занимают такие термины и метафоры, как «знак», «запись», «знак восприятия» (первая запись восприятия), «перезапись», «перевод»...

Фрейд вводит также аспект *времени*, который выступает не только и не столько в форме «жизненных эпох» или какой-либо иной горизонтальной дискретности в установленном «пишущем механизме», но как разрывы и восстановление контакта между уровнями психического, то есть само «письмо», временная ткань психической работы как таковой.

Основная часть статьи Дерриды посвящена прочтению основополагающей работы Фрейда «Толкование сновидений», где метафора письма охватывает собой одновременно «и проблематику психического аппарата с точки зрения его структуры, и проблематику психического текста в его материальности»⁵.

А сейчас, после этого небольшого предисловия, можно уже мысленно последовать за Фрейдом, его *пролаганием пути* к психике как исполненного смысла *тексту*.

3. ФРЕЙД – В. ФЛИССУ⁶

6 дек. 1896 г.

Дорогой Вильгельм!

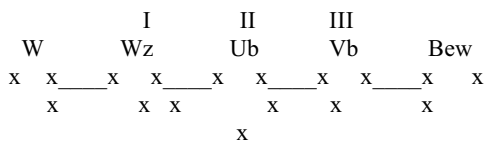
Отработав и заработав сегодня ровно столько, сколько мне для полного счастья потребно (десять часов и 100 флоринов), насмерть усталый и бодрый духом, попытаюсь попроще изложить тебе суть того, о чем в последнее время думаю.

В своей работе я исхожу, как ты знаешь, из той предпосылки, что наш психический механизм возник путем наслаения, в процессе которого наличный материал оставленных в памяти следов образует новые связи и, в соответствии с ними, реорганизуется, *переписывается*. Существенно новым в моей теории является, таким образом, утверждение, что память наличествует не одним-единственным, а многообразным образом, откладываясь в разного рода знаках. Наличие похожей организации предположил я, в свою очередь (афазия), у путей, приходящих с периферии. Сколько имеется таких записей, я не знаю. По меньшей мере, три, а вполне вероятно и больше. Отсюда и нижеприведенная схема, предполагающая, что записи обособлены друг от друга, в частности, тем, что у них различные ней-

⁵ Op.cit., с.346.

⁶ Перевод выполнен по изданию: Sigmund Freud. Briefe an Wilhelm Fliess. 1887–1904 – S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 1986, S.217-226.

тронные носители (не обязательно топически). Предположение это необходимости в себе не несет, но оно – самое простое, и в качестве предварительного вполне допустимо.

Буква *W* [Wahrnehmungen] обозначает на схеме нейроны, в которых возникают *восприятия*. С этими последними, в свою очередь, связано сознание. Однако восприятия эти не сохраняют ни малейших следов происшедшего. *Сознание и память взаимоисключают друг друга*.

Wz [Wahrnehmungszeichen], знаки восприятия, представляют собой первую запись восприятия – запись, не способную стать осознанной и выстроенную на основе ассоциации по признаку одновременности.

Ub [Unbewusstsein], бессознательное, представляет собой вторую запись, сделанную вслед за первой и упорядоченную на основе причинных связей. Следы бессознательного соответствуют, в таком случае, понятийным воспоминаниям, для сознания в равной степени недоступным.

Vb [Vorbewusstsein], предсознание, – это третья транскрипция. Она связана со словесными представлениями и соответствует нашему официальному Я. То, что занимает место в предсознательном, подлежит по определенным правилам осознанию. Причем, это вторичное по своему характеру *мысленное осознание* является по времени более поздним и связано, вероятно, с галлюцинаторным оживлением словесных представлений, так что нейроны сознания оказываются, опять же, нейронами восприятия и сами по себе памяти лишены.

Если бы мне удалось дать полную картину восприятия и трех записей, это стало бы очерком новой психологии. Определенный материал для этого уже имеется, но замысел мой состоит не в этом.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что в этих последовательных записях запечатлена психическая работа, проделанная в последовательно сменяющие друг друга жизненные эпохи. На границе двух таких эпох психический материал обязательно должен подвергнуться переводу. Особенности психоневрозов я объясняю для себя тем, что в отношении определенных материй этот перевод не удался, что влечет за собой определенные последствия. Мы твердо держимся представления о тенденции к автоматическому уравниванию. Каждая последующая транскрипция служит помехой более ранней и смещает процесс возбуждения с соответствующего уровня. Там, где позднейшей транскрипции не оказывается, создаются, согласно законам психологии, условия для возбуждения, характер-

ного для более раннего психического периода и распространяющегося имевшимися тогда в его распоряжении путями. Сохраняется, таким образом, некий анахронизм; остается область, где действует еще «*fueros*», местное право, возникают своего рода «пережитки».

Отказ от перевода и есть то самое, что в клинике мы зовем «вытеснением». Мотивом этого последнего всегда является выплеск неудовольствия, к которому перевод может привести, – создается впечатление, что неудовольствие это провоцирует мыслительное расстройство, которое работе перевода препятствует.

Внутри той же самой психической фазы и под записями того же рода сохраняется и *нормальная* защита против усиления неудовольствия; патологическая защита служит лишь для борьбы с непереуверенными еще следами воспоминаний из более ранней фазы.

То, насколько успешно защитный механизм справится с задачей вытеснения, не может зависеть от величины выброса неудовольствия. Ведь зачастую с теми воспоминаниями, что приносят наибольшее неудовольствие, совладать как раз и не удастся. Вырисовывается следующая картина. Когда действительное событие *A* вызвало определенное неудовольствие, запись этого события в памяти, АI или АII, дает средство помешать высвобождению неудовольствия при пробуждении воспоминания. Чем чаще воспоминание, тем больше, в конечном счете, высвобождение неудовольствия окажется заторможено. Существует, однако, *один* случай, в котором торможения оказывается недостаточно: когда *A*, высвободившее в качестве действительного события определенное неудовольствие, высвобождает при пробуждении воспоминания неудовольствие повторно, торможения не происходит. Воспоминание ведет себя в этом случае как нечто действительное. Подобное возможно лишь в отношении событий сексуального характера, так как величина возбуждения, которым разрешаются эти события, со временем (то есть по мере сексуального развития) возрастает.

Итак, сексуальное событие, имевшее место в одной фазе, в следующей также ведет себя как действительное и, тем самым, не подлежащее торможению. Условием патологической защиты (вытеснения) является, таким образом, *сексуальная природа события и происшествие, имевшее место в более ранней фазе*.

Не все сексуальные переживания разрешаются неудовольствием, большинство из них вызывает удовольствие. Поэтому воспроизведение большинства из них связано с беспрепятственным удовольствием. Подобное беспрепятственное удовольствие создает *навязчивое состояние*. Мы приходим в результате к следующим положениям. При воспоминании об отличном по фазе сексуальном переживании возникает, если оно разреша-

ется удовольствием, навязчивое состояние, если неудовольствием – вытеснение. В обоих случаях перевод в знаки новой фазы оказывается, судя по всему, затруднен. (?)

Клиника учит различать лишь три группы сексуальных психоневрозов – истерию, невроз навязчивых состояний и паранойю. Она учит также, что вытесненные воспоминания в этих трех случаях относятся к событиям, пережитым в разные возрастные периоды:

при истерии – в возрасте 1,5-4 лет,

при неврозе навязчивых состояний – 4-8 лет,

при паранойе – 8-14 лет.

Однако до четырех лет вытеснения не происходит, так что периоды психического развития не совпадают с фазами развития сексуального.

	1½	4	8	14–15
Психические фазы	Ia	Ib	II	III
Сексуальные фазы	I		II	III

Сюда же относится и следующая схема:

Wz Up to 4	Wz + Ub Up to 8	Wz + Ub + Vb Up to 14–15	Ditto
Истерия в действительности	Навязчивое состояние	Вытеснено в область Wz	
Невроз навязчивых состояний	В действительности	Вытеснено в область бессознательных состояний Ub	
Паранойя	–	В действительности	Вытеснено в область предсознательных знаков Vb
Перверсия в действительности	В действительности	Навязчивое состояние (в действительности)	Вытеснение невозможно или не предпринято

Другим последствием ранних переживаний сексуального характера является перверсия. Возникает она, судя по всему, при условии, что защита не имеет места или терпит неудачу в период, когда психический аппарат окончательно не сформирован.

Вот и все, что касается надстройки. Попробуем теперь подвести под нее органический фундамент. Нам предстоит объяснить, почему события сексуального характера, вызывающие удовольствие, когда они происходят в действительности, при воспоминании в последующей временной фазе у одних людей вызывают неудовольствие, у других – становятся навязчивым состоянием. В первом случае они явно разрешаются неудовольствием, которое, поначалу, разрядки не получало.

Предстоит также вывести два рода временных эпох – психологические и сексуальные. Ты сам показал мне, что эти последние оказываются кратными 28-дневному женскому периоду [π].

$100 \pi = 7\frac{3}{4}$ года; кроме того, $20 \pi = 1$ год $6\frac{1}{2}$ месяцев.

$200 \pi = 15$ лет, $50 \pi = 3$ года 10 месяцев.

Если я буду рассматривать все наблюдаемые периоды как такого рода кратные, то, с одной стороны, останутся без применения 23-дневные периоды, а, с другой, будет по-прежнему непонятно, почему психические и сексуальные фазы не совпадают (4 года разницы) и почему в одних случаях возникает перверсия, а в других невроз.

Поэтому я делаю попытку предположить, что есть мужской материал, с 23-дневной периодичностью, разрядка которого воспринимается обоими полами как удовольствие, и другой, с 28-дневной периодичностью, чья разрядка воспринимается как неудовольствие.

Далее я замечаю, что все психические периоды можно представить как кратные 23-дневному периоду (π), если принять при этом в расчет время беременности.

$3 \times 12 \pi = 1\frac{1}{2}$ года

$6 \times 12 \pi = 3\frac{3}{4}$ года

$12 \times 12 \pi = 8$ лет

$18 \times 12 \pi = 12\frac{1}{4}$ года

$21 \times 12 \pi = 14\frac{1}{4}$ года

$24 \times 12 \pi = 17$ лет

Это означает, что психическое развитие происходит в соответствии с фазами, чья продолжительность кратна 23-дневным периодам в пропорции 3, 6, 12, ... 24 – пропорции, соответствующей двенадцатиричной системе числения.

Единицей является в обоих случаях *время беременности*, равное (в приближении), соответственно, 10-ти или 12-ти π . В результате оказывается, что этапы физического развития составляют пропорцию $3 \times 6 \times 12$, где срок беременности составляет двенадцать 23-дневных периодов, а этапы психического развития – пропорцию $5 \times 10 \times 20$, где тот же срок составляет десять 28-дневных периодов.

Следует заметить, что 1) в психическом развитии внутриутробный период следует учитывать, иначе результаты не сойдутся, в то время как, говоря о сексуальном развитии, счет можно начинать с рождения. Это напоминает о том, что во время беременности происходит накопление материала с 28-дневной периодичностью, разрядка которого наступает лишь при рождении, и 2) 28-дневные периоды складываются в периоды большей продолжительности и с большими интервалами, нежели 23-дневные, как если бы им соответствовал высший порядок человеческого развития (стыд, нравственность). Фазы эти соотносятся друг с другом следующим образом.

	1½	3¾	8	12¼	14¼	17
Психическое	3Т	6Т	12Т	18Т	21Т	24Т
Сексуальное			100 π 10 Т			200 π 20 Т

Многочисленность психических фаз хорошо согласовывалось бы с предположением о том, что переводы и обновления происходят в психическом аппарате и в дальнейшем. Очевидно также, что на жизненном пути периоды суммируются во все более продолжительные временные фазы.

Отличить невроз от психоза мне помогает свойственная человеку бисексуальность. У существа чисто мужского на обоих границах сексуальных фаз должен возникнуть избыток мужской разрядки, то есть наслаждения, а с ним и перверсия, а у существа чисто женского в это же время возникает, наоборот, избыток субстанции неудовольствия. В первых фазах обе разрядки должны, по идее, происходить параллельно, то есть давать в итоге нормальный избыток наслаждения. Именно этим следует объяснять предпочтение, которое чисто женские натуры отдают неврозам защиты.

Интеллектуальная природа человека получает на почве этой теории свое подтверждение.

Я не могу отделаться от предположения, что различие между неврастением и неврозом тревоги, о котором свидетельствовало мне клиническое чутье, связано с существованием 23-дневной и 28-дневной субстанций.

Но кроме этих двух, чье существование мы здесь предположили, могут быть и другие.

Истерия преимущественно обостряется, по моим наблюдениям, вследствие *перверсивности* совратителя; наследственность *все больше* выступает в форме совращения отцом. Налицо, таким образом, чередование в поколениях:

Первое поколение: перверсия.

Второе поколение: истерия, оборачивающаяся в этой ситуации бесплодием. Подчас в одном и том же лице происходит метаморфоза: перверт в зрелом возрасте становится, начиная с периода тревоги, истериком. Истерия, таким образом, является, собственно говоря, не уклоном сексуальности, а *уклоном перверсии*.

Отсюда и представление о заброшенных *эrogenных зонах*, то есть о том, что в детском возрасте сексуальная разрядка может иметь место во многих частях тела, которые впоследствии способны разрешиться лишь материалом тревоги с его 28-дневным периодом. В этой дифференциации и в этом ограничении и заложена основа для прогресса культуры, для морального развития, равно как и для индивидуального.

Приступ истерии является не разгрузкой, а *действием*, и сохраняет первоначальный характер действия, представляющего собою средство для воспроизводства наслаждения. Во всяком случае, он является таковым по сути своей, хотя и мотивируется в предсознательном другими, самыми разнообразными, способами. Так, приступы сна случаются с теми больными, у которых сексуальный опыт связан со сном; они засыпают, чтобы пережить то же самое вновь. Провоцируя зачастую при этом истерическое бессилие, обмороки, приступы истерического плача; причем все это рассчитано на *Другого*, в большинстве случаев на того доисторического незабываемого Другого, который ни для одного из позднейших недосягаем. Таким же образом объясняется и хронический симптом *тяги к постели*. Один из моих пациентов до сих пор, как некогда, хнычет во сне (чтобы мама, умершая, когда ему было 22 месяца, взяла его с собой); о приступе как «усиленном выражении душевного движения» здесь, похоже, говорить не приходится.

Небольшой пример из повседневной практики. У одной из моих пациенток, в истории которой главная роль принадлежит в высшей степени первертному отцу, имеется младший брат, слышущий отъявленным негодяем. И вот однажды он является ко мне с заплаканными глазами и начинает доказывать, что никакой он не подлец, а просто больной человек с ненормальными побуждениями и волевой заторможенностью. Вдобавок, вне всякой связи с этим, он жалуется на сильные головные боли в области носа. Я отправляю его к сестре и зятю, и он навещает их. Вечером сестра просит меня придти ввиду ее тяжелого состояния. Посетив ее на следующий день, я узнаю, что после ухода брата у нее случился приступ сильнейшей головной боли, которой она обычно никогда не страдала. Причина: брат рассказал ей о своем сексуальном поведении в двенадцать лет — когда его сестры вечером раздевались, он целовал (лизал) им ноги. К это-

му присоединилось сохранившееся в бессознательном воспоминание о сцене, когда она, в возрасте четырех лет, подглядела, как отец в любовном упоении целовал ноги кормилице. Таким образом, она догадалась, что любовное пристрастие сына унаследовано им от отца, а также о том, что этот последний совратил его. Теперь она могла идентифицировать себя с ним, позаимствовав у него головную боль. Это последнее оказалось, впрочем, возможным еще потому, что в той же сцене отец в любовном пылу не заметил, как заехал спрятавшегося под кроватью ребенку сапогом по голове.

Брат ненавидит всяческие извращения, страдая в то же время от навязчивых побуждений. Это значит, что он определенные побуждения вытеснил и на смену им пришли другие побуждения навязчивого характера. В этом и состоит секрет навязчивых побуждений вообще. Будь у него возможность оставаться первертом, он был бы здоров, как и его отец.

Интересно, что вычисление путем последовательного сложения *ничего* не дает, независимо от того, учитываем мы внутриутробный период, или же нет.

I. $12 \pi = T$ [Tragzeit, период беременности] = 276 дней (в утробе)

+

$3 \times 12 \pi = 3T = 2$ года 3 месяца (вне утробы)

+

$6 \times 12 \pi = 9T = 6$ лет 9 месяцев

+

$12 \times 12 \pi = 21T = 15$ лет 9 месяцев.

II. $12 \pi = 9$ месяцев

+

$3 \times 12 \pi = 4T = 3$ года

+

$6 \times 12 \pi = 10T = 7$ лет 6 месяцев

+

$12 \times 12 \pi = 22T = 6\frac{1}{2}$ лет.

Результат сходится только с учетом внутриутробного периода 12π и при общем суммировании, как в предыдущем письме [имеется в виду первая часть этого же письма – А. Ч.]. Должно же это что-то да значить!

Я очень рад, что они твоего доклада уже не поняли. Можно теперь бранить их со спокойной совестью; народ это недалекий и нужно, чтобы они нас оставили в покое.

Теперь о личных делах: Оскар и Мелани были у нас и произвели хорошее впечатление. Так что я рад буду снова иметь с ним дело. По поводу справедливости слуха о связи между Марией Б[онди] и Робертом Бр[ейером] я не собираюсь *ничего* у тебя спрашивать открытым текстом, но мне, между нами говоря, об этом известно. Я желаю им всего наилучшего, но твердо положил для себя, что с Брейеровской родней общаться не стану.

Работаю я вовсю, по 10-11 часов в день, и зарабатываю, соответственно, неплохо, но при этом почти потерял голос. Интересно, что это – перенапряжение связок, или аневризма? Но ответа я *никакого* не жду. Лучше всего *travailler sans raisonner* [работать, не рассуждая. – А. Ч.], как советовал старина Кандид.

О спонтанном исчезновении неподвижности зрачков при сухотке спинного мозга я фактически ничего не знаю и сомневаюсь, что можно что-то найти. Конечно, *a priori* это весьма маловероятно. Фосфор, разумеется?

Мою комнату украшают теперь гипсовые копии флорентийских скульптур. В свое время они произвели во мне необыкновенный душевный подъем, и теперь я желал бы разбогатеть, чтобы проделать это путешествие снова. Конгресс на земле Италии! (Неаполь, Помпеи).

Сердечный привет всем
Твой Зигм.

Перевод с англ. *А.К. Черноглазова*

ПСИХОАНАЛИЗ И ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ¹

К. ЛЕВИН

Предлагаемый вниманию читателей текст принадлежит перу Курта Левина – крупнейшего методолога естественнонаучного типа исследований в психологии. По существу – это уникальная по глубине и интеллектуальной честности попытка сопоставительного методологического анализа двух типов психологии: научной (то есть экспериментальной естественнонаучной) и практической (то есть психотехнической). Попытка эта особенно интересна тем, что выполнена на материале двух ярчайших и наиболее презентативных – без преувеличения «парадигмальных» – образцов того и другого типа психологии – собственной левиновской, топологической и векторной, психологии и фрейдовского психоанализа. К тому же – это не внешнее, но глубоко внутренне мотивированное для Левина сопоставление. Можно было бы сказать, что дело жизни Левина во многом состояло (и так осознавалось им самим) в том, чтобы в рамках собственно научной психологии изыскать возможность, позволяющую полноценно иметь дело с такими жизненно-значимыми феноменами психической жизни человека, с которыми повседневно и эффективно, но вне собственно науки, имел дело фрейдовский психоанализ.

Но с высоты сегодняшнего дня, увы, очевидно «слепое пятно» в оде великого психолога. Он отчетливо видит, что «неправильно» в теории З.Фрейда с точки зрения классической экспериментальной психологии, но еще крайне далек от понимания тех преимуществ, который обрел психоанализ за счет отхода от ее фундаментальных принципов.

¹ K.Lewin, Psychoanalysis and topological Psychology, Bulletin of Menninger Clinic, vol.1, №6, 1937.

Статья написана на основе приветственного обращения к участникам встречи психоаналитиков и сторонников топологической психологии, состоявшейся в Меннингерской клинике 11-12 апреля 1936 года. Перевод публикуется впервые.

Попытка использовать топологические и векторные понятия в психологии возникла в связи с исследованиями, касающимися потребностей, воли и личности, иными словами – области исследований, относящейся к интересам психоанализа. Более того, представители топологической психологии в течение ряда лет пытались экспериментально исследовать некоторые из основных психоаналитических феноменов, таких, например, как замещение.

Действительно, между двумя этими подходами есть нечто большее, чем просто внешнее сходство:

- 1) для обоих подходов центр интересов лежит в области проблем эмоций, структуры и развития личности;
- 2) оба подхода пытаются разрушить барьеры, разделяющие различные области психологии;
- 3) оба подхода подчеркивают психологический смысл действий и объектов в противовес их физическому облику и «внешним» качествам,
- 4) оба подхода не довольствуются описаниями и пытаются иметь дело с условиями и каузальными взаимосвязями психологических феноменов.

Тем не менее, как мне кажется, между этими двумя подходами существуют и важные различия, которые грубо можно было бы классифицировать следующим образом:

- 1) Относительно используемой *методологии* –
 - а) психоаналитические идеи основываются главным образом на изучении отдельных случаев и на весьма своеобразном типе исследования и терапевтической техники; – топологическая же психология использует различные научные методы, но, главным образом, опирается на эксперимент;
 - б) топологическая психология не удовлетворяется тем способом доказательств [истинности] теорий, который характерен для психоанализа. Она настаивает на более жестких и высоких стандартах экспериментальной психологии, как, например, они сложились в психологии восприятия.
- 2) Что касается *формы* этих теорий, то психоанализ более или менее сознательно предпочитает богатство содержания – логической строгости теории. Эта установка Фрейда была, как мне думается, своевременной и, вероятно, более плодотворной, нежели противоположная позиция, и особенно, быть может, – с точки зрения терапевтических целей психоанализа. Сегодня же все большее число психоаналитиков, вероятно, согласилось бы с тем, что психоаналитические построения антропоморфны и недостаточно понятийны по своему характеру. Психоанализ сохраняет еще слишком много черт спекулятивного «схоластического» мышления и ис-

пользует выводы, которые, скорее, инстинктивны, чем логичны. Иными словами, психоанализ представляет собой, скорее, корпус идей, нежели систему теорий и понятий.

3) По поводу содержания *теории*:

а) психоанализ склонен давать исторические ответы на систематические проблемы; – топологическая же психология подчеркивает необходимость строгого различения этих двух типов проблем и имеет дело, главным образом, с систематическими проблемами.

б) топологическая психология подчеркивает необходимость разработки понятий, касающихся психологической среды, именно потому, что они распространяются на личность; она выводит все психологические события из жизненного пространства в целом, включающего как личность, так и ее окружение, тогда как психоанализ имеет дело главным образом с личностью.

Теперь было бы неплохо разобрать некоторые из этих проблем более подробно. Позвольте мне начать с рассмотрения тех пунктов, по которым психоанализ превосходит любой вид теорий, основанных на экспериментальной процедуре.

Психоаналитик имеет возможность достигать гораздо более полного и детального знания интимной истории личности. Его богатая и детально разработанная система идей касается глубинных слоев личности.

Когда Фрейд разрабатывал свои идеи, даже среди самих экспериментаторов было распространено мнение, что экспериментальная психология будто бы неспособна достичь глубоких слоев личности. Теперь же во множестве экспериментов показано, что это возможно, однако, знания психоаналитика касаются более широкой жизненной ситуации и более глубоких целей пациента, значительно превосходя здесь результаты, достигнутые внутри экспериментального подхода.

Психоанализ имеет особое превосходство в том, что можно было бы назвать историческим аспектом психологических событий. Однако и современная экспериментальная процедура становится, как можно думать, все более и более «исторической». Это означает, во-первых, что начинают учитывать историческую ситуацию личности в целом и, во-вторых, в целом ряде случаев пытаются экспериментально создать особую историю, позволяя испытуемому пройти через ряд ситуаций, чтобы построить ту, которую хотят изучать.

Бесспорно, эффективность психоанализа в области «исторических» проблем – это не только его сила, но и слабость. Именно для периода схоластического мышления характерно, что исторические проблемы (ка-

сающиеся источников) и систематические проблемы (касающиеся общих законов) не различаются достаточно ясно. Исторические и систематические проблемы в равной мере важны и, по крупному счету, не могут разрабатываться независимо друг от друга. Однако для психологии настало время понять, что эти группы проблем достаточно различаются между собой, чтобы иметь свои собственные логические качества и методологические требования.

Недостаток психоанализа, состоящий в недостаточном различении исторических и систематических вопросов, можно считать одним из самых слабых мест в его методологии и в его содержании.

Коль скоро речь идет о методологии, необходимо подчеркнуть, что законы в психологии могут быть установлены только посредством экспериментальной процедуры.

Часто считают, что процедура психоанализа является чем-то похожим на эксперимент, и выздоровление больного доказывает истинность теории. Я вполне признаю ценность этих «естественных экспериментов» для того, чтобы сделать определенные идеи более вероятными. И все же они не могут в достаточной мере выполнить функцию систематического экспериментирования.

Превосходство экспериментального метода основывается главным образом на двух вещах.

Во-первых, если изучают какой-то феномен посредством анализа случаев, то лишь с трудом предотвращают угрозу просмотра одного из многих важных факторов, которые всегда действуют совместно в образовании определенного феномена.

Первая задача экспериментальной процедуры состоит в создании того феномена, который мы хотим изучать. Экспериментатор, поэтому, старается отказаться от всякой частной точки зрения, которая является слишком узкой, поскольку феномен просто не проявится, если какой-нибудь важный фактор будет просмотрен теорией. Экспериментальная процедура, по самой своей сути, является всеобъемлющей процедурой, поскольку она принимает во внимание, как ситуацию, так и личность в целом. Одна из основных черт экспериментального метода состоит, поэтому, в том, что он является хорошим средством опровержения теорий и что он в большой степени сам себя корректирует.

Во-вторых, экспериментальный метод допускает количественные утверждения в отношении соответствующих динамических факторов.

Недостаточное разделение исторических и систематических проблем оказывает огромное влияние на содержание психоаналитической теории. В этом отношении психоанализ очень близок к прежней ассоциативной

психологии. Обе эти теории часто, отвечая на вопрос «почему личность ведет себя тем или иным образом?», указывают на сходное поведение в онтогенетическом или филогенетическом прошлом человека. Например, травма, фиксация или другие переживания, имевшие место в детстве, рассматриваются как причина поведения или установок взрослого.

С другой стороны, топологическая психология строго проводит принцип конкретности, в соответствии с которым только существующие в настоящем факты могут оказывать влияние на поведение. Это означает, что психологический процесс сегодня не может испытывать влияния со стороны вчерашних психологических фактов, которые сегодня имеют не большее существование, нежели психологические факты будущего².

Возможно, психоаналитик отреагирует на эту критику так же, как это делал приверженец ассоциативной психологии десятилетие назад, и ответит: «Указывая на прошлое при объяснении поведения в настоящем, мы имеем в виду, конечно, те факты поведения личности в настоящем, которые проистекают, или же испытывают влияние со стороны событий прошлого личности. Нет нужды говорить об этих очевидных вещах. Наш исторический язык нужно понимать просто как сокращенный способ выражения».

Я вполне признаю важность исторических факторов как источника состояния личности и ситуации в настоящем. Тем не менее, я не считаю, что исторический язык психоанализа является просто «сокращенным способом выражения». Это нелегко доказать, поскольку неопределенность понятийной стороны психоанализа, при существовании некоторых вполне законных аспектов исторического подхода, вообще-то дают возможность провести ряд оправданий и оставить двери открытыми в каждом отдельном случае, если только отделить его от целого психоаналитической системы и процедуры.

Этот недостаток может быть выявлен при обсуждении способа употребления психоанализом понятия «сходства» между двумя событиями в качестве критерия их исторической зависимости. Например, устанавливается, что определенные эмоциональные выражения взрослого обладают своими особыми качествами потому, что, будучи ребенком, человек вел себя аналогичным образом при сходных обстоятельствах. Равно и сходство эмоциональных выражений у различных людей выводится из их общего источника и, более специально, – из аналогичных переживаний их прародителей. Но такое выведение столь же неправильно, как

² Конечно, по содержанию психологические факты могут соотноситься с прошлым или будущим.

если бы мы стали выводить эмоциональную жизнь ребенка из аналогичного поведения, которое могло бы при сходных условиях наблюдаться у человека во взрослом возрасте. Топологическая психология придерживается принципа: «одни и те же условия ведут к одним и тем же эффектам», поскольку это положение выражает собой только то, что называют «закономерностью», а именно, – независимость от абсолютных временных и пространственных индексов. Если, поэтому, при одних и тех же условиях происходит одно и то же поведение, это не должно рассматриваться как нечто, нуждающееся в каком-либо объяснении, – это есть просто выражение закономерности рассматриваемого поля. С точки зрения научности, было бы неправильным давать какое бы то ни было «историческое объяснение» такому свойству.

Напротив, какое-то историческое влияние можно предполагать только тогда, когда повторение некоторой ситуации ведет к иному поведению. Не сходство, но различие эффектов в сходных ситуациях (или сходство эффектов в различных ситуациях) имеет историческое значение. В таком случае мы можем предположить, что имело место некоторое изменение личности или ситуации, и что сходные ситуации в силу исторических причин стали в действительности различными. Если мы установили, что структура жизненного пространства при определенном эмоциональном состоянии, например, при отчаянии, по сути одна и та же на различных возрастных уровнях, то историческое объяснение в этом случае было бы излишним или даже недопустимым. Вместо этого, специфический характер поведения можно было бы «объяснить» (или «вывести из») специфических динамических качеств жизненного пространства в настоящем.

На мой взгляд, проблема оппозиции систематического и исторического объяснения является основной почти для каждого важного вопроса психоанализа. Если только состояние личности в настоящем влияет на ее текущее поведение, как это предполагает топологическая психология, и если в то же самое время определенные переживания и структуры ребенка имеют прямое влияние на взрослого, как считает психоанализ, то нужно было бы предположить чрезвычайную ригидность приобретенных структур. Вопрос о том, в какой мере динамическая структура личности сохраняется неизменной в ходе развития, и какого рода изменения действительно происходят, есть один из основных вопросов психологии. Но всякий подход к нему будет неудовлетворительным, пока не будут в достаточной мере уяснены различия между историческими и систематическими проблемами, и каждый из этих типов не будет разрабатываться соответственно его природе. (Мы еще вернемся к этому вопросу при обсуждении проблемы регрессии).

Последний вопрос, который я хотел бы упомянуть, касается понятийной стороны психоанализа.

Всякая попытка научного рассмотрения каузальных проблем означает необходимость покинуть поле непосредственно наблюдаемых феноменов и требует введения «промежуточных понятий» (Толман), т.е. «конструктов», таких как «сила», «либидо», «побуждение», которые могут наблюдаться только опосредованно. В этом отношении и психоанализ, и топологическая психология противостоят примитивному эмпиризму, основная идея которого состоит, по-видимому, в ограничении науки сбором непосредственно наблюдаемых фактов. Необходимыми следствиями конструктивного метода являются:

- 1) ясно определенные логические качества конструктов и
- 2) координирующие определения, устанавливающие отношения между конструктами и непосредственно наблюдаемыми феноменами.

Без этих четких координирующих определений и без самой жесткой процедуры их фактического применения конструктивный метод становится просто спекуляцией. Стандарты топологической психологии в этом отношении гораздо выше, чем психоанализа.

Как и большинство психологических теорий, касающихся потребностей, личности, фантазии и т.д., психоанализ является неудовлетворительным с логической точки зрения. Используемые в нем понятия по своей строгости далеки от математических понятий; иначе говоря, выводы и заключения делаются больше по смыслу, чем по логике в строгом смысле. Если, например, спросить психоаналитика, является ли «либидо» энергией или силой, он обычно в соответствии с определениями, даваемыми в психоаналитической литературе, ответит, что либидо – это «направленная энергия».

Вероятно, нельзя принимать такой язык совершенно всерьез и спрашивать, в каком поле либидо осуществляет свои переходы, каким образом могут быть определены направление и степень изменения этого направления; как может быть измерен «момент» либидо и т.д. Однако, психология никогда не достигнет состояния логически и эмпирически строгой науки, если она сначала не приведет в соответствие своему уровню притязаний свое понятийное оснащение. Более того, топологическая и векторная психология способна, по-видимому, предложить ряд понятий, строгих в математическом отношении и вместе с тем вполне адекватных природе психологических процессов и не ограниченных принадлежностью к той или иной школе. В качестве примера математизации психоаналитических проблем с помощью топологических и векторных понятий я остановлюсь коротко на проблеме «регрессии».

«Регрессия» в психоанализе означает обращение либидо от прогрессивного развития к состоянию или направлению, характерному для более примитивной ступени. Некоторые психоаналитики помимо «регрессии либидо» выделяют «топическую», «темпоральную» и «формальную» регрессии.

Содержание, выраженное в терминах регрессии и примитивизации, представляется не допускающим возможность математизации. Тем не менее, как только нам удастся представить неким математическим образом основные различия между ребенком и взрослым, такая возможность легко себя обнаруживает.

Одно из различий между взрослым и ребенком состоит в том, что взрослый представляет собой более расчлененную систему. Степень дифференциации должна определяться как число подсистем внутри личности, которые до известной степени функционально обособлены. Мы здесь не располагаем местом, чтобы указать значение термина «функциональная обособленность» и способ, посредством которого она может быть определена. Достаточно лишь подчеркнуть, что функциональная обособленность соседних систем является относительной. Более того, степень расчленения, или иными словами, число подсистем внутри личности следует признать различной для различных типов процессов и для различных по величине сил, включенных в эти процессы. По отношению к большим силам, например, в ситуации сильного давления, личность оказывается менее дифференцированной системой, чем при нормальных условиях. Другими словами, личность под давлением будет «регрессировать» к более «примитивному» уровню, по крайней мере, в том, что касается степени ее расчлененности.

Этого схематического представления способа рассмотрения регрессии с помощью топологических и векторных понятий, быть может, достаточно, чтобы показать то, что я имею в виду.

Для такого способа рассмотрения характерно, что понятие «расчленения» всерьез берется в отношении к его математическим свойствам и, вместе с тем, – как репрезентирующее ряд конкретных систем. Для расчленения принимается функциональный критерий, а именно – «функциональная взаимосвязь». Из этих понятий, предполагающих относительный характер степени расчленения, следует также, что степень расчленения данной системы при определенных обстоятельствах будет динамической.

До сих пор процедура состоит в разработке системы понятий, положений и заключений в сфере логической динамики. Затем вводятся координирующие определения (Райхенбах).

Иными словами, появляются эмпирические аспекты процедуры, когда более юная личность координируется с менее расчлененной системой, чем личность более взрослая. Эта координация, конечно, должна допускать эмпирическую проверку. Ибо при нашем способе рассмотрения проблемы регрессии процедура достигает успеха не только в представлении регрессии в математически определенных терминах, но она предполагает также ряд утверждений относительно условий и эффектов регрессии, иначе говоря, она включает дедуктивную теорию регрессии, которая может быть проверена экспериментально.

Эксперименты Баркер, Дембо и Левина, по-видимому, показывают, что эти заключения действительно верны. Они допускают количественные измерения регрессии. Коль скоро регрессия определяется посредством математических понятий в рамках других строго определенных понятий и положений, то становится возможным вывести заранее определенные типы регрессии и связать их, например, с вопросами внимания, мозговых поражений и с другими условиями, при которых ряд систем личности, включенных в данную деятельность, претерпевает редукцию постоянную или временную.

Таким образом, связывается ряд внешне несвязных фактов. Возникают замыслы новых экспериментальных исследований, и открывается ряд независимых возможностей для доказательства или опровержения теории.

Намечаемая таким образом теория регрессии полностью внеисторична. В соответствии с ней, регрессивное поведение будет происходить при описанных условиях, даже если рассматриваемая личность уже взрослой была бы вылеплена из глины.

Иными словами: даже личность без детства, которая никогда не испытывала характерного для ребенка поведения, все равно регрессировала бы к поведению, подобному поведению ребенка. Это предполагает возможность того, что регрессия может вести к поведению, совершенно отличному от того, которое действительно встречалось в истории индивида. То тесное отношение, которое психоанализ находит в случае регрессии между поведением взрослого в настоящем и определенными переживаниями детства, само до известной степени может быть результатом психоаналитического метода раскрытия истории личности, т.е. раскрытия ее посредством свободных ассоциаций, анализа сновидений и других процедур. Но, в соответствии с точкой зрения топологической психологии, сами эти процедуры зависят от состояния личности в настоящем. Является, по меньшей мере, возможным, что история «позади» психоневроза, как она раскрывается психоаналитическим методом, силь-

но отличается от действительной истории личности. Такое расхождение не будет, вероятно, интерферировать с терапевтическим эффектом аналитической процедуры, поскольку и болезнь, и ассоциации, и лечение зависят от настоящего состояния личности и могут соответствовать друг другу, несмотря на важные различия между действительной историей личности и той, что раскрывается психоанализом.

Историческая сторона проблемы регрессии становится доступной изучению удовлетворительным образом, только если установлены действительные исторические факты³.

Хорошо было бы теперь закончить кратким рассказом об экспериментальном подходе к фундаментальной психоаналитической проблеме «замещения». Этот термин связывается с культурологическими проблемами, проблемами психопатологии, сновидений и др. Здесь мы вновь замечаем, что степень совершенства понятия полностью соответствует тщательности его разработки и разнообразию его применения.

Конечно, трудно разработать понятие замещения, пока понятийно неясны основополагающие идеи потребности и побуждения.

Топологическая и векторная психология дает средства для разработки, понятийно более определенного и эмпирически более доступного проверки, понятия потребности благодаря тому, что ставит потребность в соответствие некой напряженной системе.

Это делает возможным, кроме всего прочего:

- 1) ввести понятие «замещающей ценности» и дать эмпирические критерии для нее;
- 2) вывести условия, при которых деятельности будут обладать замещающей ценностью.

Отправляясь от этих вполне определенных рабочих гипотез, мы получаем возможность исследовать экспериментально то, каким образом замещающая ценность зависит от сходства двух деятельностей, от степени трудности замещаемого действия, от податливости используемого материала, а также от степени реальности и подвижности ситуации.

Здесь опять эксперимент дает нам преимущество количественных утверждений. Большая понятийная точность позволяет делать определенные заключения в различных психологических областях, например, в области личности или в сфере умственной отсталости. В то же время она открывает ряд возможностей для более строгой, чем в условиях психоаналитической процедуры, проверки эмпирической ценности теории.

³ Психоанализ и сам сделал важный шаг в этом направлении.

Резюмируя, можно было бы сказать, что психоаналитическая теория выработала систему идей, не имеющую себе равных по богатству и детальной разработанности в области потребностей, сновидений и личности. Ее метод изучения отдельных случаев обладает тем преимуществом, что позволяет раскрыть интимную историю индивида и глубокие слои личности таким образом, который недоступен никаким другим методам. Психоаналитический метод, однако, не имеет таких возможностей для проверки законов, которые дает экспериментальная процедура. Необходимо довести рассматриваемые проблемы до существенно более высокого – понятийного – уровня. Топологическая и векторная психология, которая сама по себе нейтральна по отношению к различным психологическим школам, по-видимому, может оказаться полезной в этом отношении. Прежде всего, необходимо различить исторические и систематические проблемы и свести исторические вопросы к систематическим. Поскольку же систематические и исторические проблемы в психологии могут быть окончательно разрешены только при совместном их рассмотрении, кооперация двух подходов может оказаться плодотворной⁴.

Перевод с англ. *А.А. Пузыря.* 1975 г.

⁴ Работа доктора Х.Мэррей и его сотрудников в Гарвардской психологической клинике и д-ра Дж.Ф.Брауна в Меннингерской клинике является, по-видимому, важным шагом в этом направлении.

ИНДИВИДУАЦИЯ И ВЗАИМНОЕ ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

К. ЛАМБЕРТ

В 1913 году произошел окончательный разрыв отношений между К.Юнгом и З.Фрейдом, вслед за которым началось параллельное развитие двух крупнейших школ в мировой психотерапии минувшего столетия. За вековую историю оба направления выработали свои принципы, правила работы, развили и обогатили свои взгляды на теорию и практику психотерапии. И теперь с обеих сторон все громче начинают звучать голоса тех, кто вспоминает об общих корнях и хочет обратиться к опыту «соперников» для того, чтобы удивиться, обогатиться и сделать шаг к взаимному сближению. Подобную попытку предпринимает и британский аналитик К.Ламберт в своей книге «Анализ, выздоровление и индивидуация», глава из которой предлагается читателю.

Предисловие

Я написал эту книгу как один из первых практикантов Общества аналитической психологии, став ее ассоциированным членом в 1950 году. Для меня членство в этом обществе, как и участие в деятельности лондонских психоаналитиков в течение более чем тридцати лет, послужило опорой и стимулом к созданию данного труда. Я вхожу также в группу фрейдистов-юнгианцев с начала ее официального образования в 1964 году. В Лондоне ее возглавляет Д-р Уильям Кремер. Здесь аналитические психологи регулярно встречаются и обсуждают клинические проблемы. В результате данного периода нашей работы был достигнут существенный прогресс в деле объединения обоих важнейших направлений аналитической теории и практики, которые ранее, на протяжении предшествовавшего тридцатилетия (с 20-х по 40-е годы XX века) развивались либо изолированно, либо в прямом противостоянии друг другу. Такое разделение на противоположные лагеря позволило заполнить свободное про-

странство, в рамках которого каждый мог работать и развиваться изнутри. Однако в дальнейшем, под давлением накопившихся проблем самих пациентов, с одной стороны, а также под влиянием естественного научного любопытства – с другой, аналитики стали «подглядывать» за соседями. В более явной форме это происходило у лондонских юнгианцев, менее открыто, приватно, – у фрейдистов.

Таким образом, процесс раскола привел к постепенному росту взаимного интереса. Для аналитической теории и практики такой интерес представляется полезным в долгосрочной перспективе, но, конечно, не в ранний период становления обоих направлений, когда он был невозможен; причем это относится не только к собственному анализу аналитиков, но и к тому, что они предлагали в то время своим пациентам. Так уж случилось, что «юнгианцам» довелось появиться на свет в начале века – но, возможно, что это не так уж и плохо, раз аналитики смогли сохранить жизненные силы для нового развития и регулярно участвовать в клинических обсуждениях и спорах.

Таким образом, оказывается, что по мере роста нашего самопонимания все больше людей приходит к выводу о том, что не следует рассматривать отношения между обеими школами как совершенно антагонистические, способные порождать лишь взаимную деструктивную враждебность. Если быть объективным, то можно сказать, что в настоящее время их отношения становятся взаимодополнительными. Даже изначальный личный разрыв отношений между Фрейдом и Юнгом, который в прошлом часто рассматривался как результат несовместимости темпераментов или типов личности, представляется сегодня менее важным... [Эти] расхождения коренятся, скорее, в смысловых акцентах, часто порождаемых разницей в происхождении, чем в полной несовместимости философии или темперамента двух этих неординарных фигур, хотя Юнг и подчеркивал типологические различия между собой и Фрейдом (*Jung, 1963*). Значительно позднее Винникотт в своем известном обзоре книги Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления» отмечал, что в тот первый период развития аналитической теории обеим личностям едва ли возможно было понять друг друга, настолько сильно различались их личные проблемы (*Winnicott, 1964*).

Что касается теории и клинической практики, то одним из способов продемонстрировать комплементарность обоих направлений является метод контраста. Можно, например, противопоставить друг другу столбцы с изложением некоторых точек зрения, принятых в обеих школах, которые традиционно считались характеризующими их полную несовместимость. Я попытаюсь это сделать, а затем коротко опишу, каким обра-

зом, базируясь на своей внутренней логике и под давлением клинических нужд, обе школы смогли преодолеть эти, кажущиеся непреодолимыми, барьеры и приблизиться друг к другу. Ниже приводятся составленные мной столбцы, *которые не следует понимать как имеющие отношение к современной ситуации.*

**Некоторые установки классического психоанализа
и аналитической психологии, соответствующие
традиционным моделям**

Традиционный психоанализ	Традиционная аналитическая психология
<p>Основной интерес заключался в анализе психопатологии, которая может быть соотнесена с ранними деформациями, поддержанными инстинктивными процессами побуждений, в высвобождении нормального развития и в усилении эго с целью достижения лучшего отношения с Суперэго и Ид.</p>	<p>Основной интерес заключался в индивидуации, интеграции и реализации самости. Психопатология понималась как возникающая из важных элементов самости, остающихся в бессознательном, «в тени», и тем самым способных функционировать искаженно и неполноценно. Считалось, что процессы побуждений структурированы и архетипичны по природе.</p>
<p>Аналитик был, в основном, «экраном», а перенос – проекцией на него фигур раннего детства и вообще, прошлого в жизни пациента.</p>	<p>Аналитик выступал как другой человек, находящийся в диалектическом единстве со своим пациентом.</p>
<p>Большую часть времени аналитик занимался, в рамках переноса, <i>реконструкцией раннего периода жизни</i> пациента, устанавливая его связи с переживаниями, имевшими место в прошлом, тем самым освобождая его от идентификации с ними.</p>	<p>Перенос принимался, в основном, через архетипическое содержание здесь и сейчас. Имела место тенденция пренебрегать прошлым, хотя признавался <i>редуктивный (reductive)</i> анализ с противопоставлением ему <i>синтетического</i> анализа.</p>
<p>Аналитик, в соответствии со своим методом, был относительно пассивен. От него требовалась способность слушать сообщения пациента. Его вмешательство заключалось в словесных интерпретациях, которые строго соответствовали анализу как по содержанию,</p>	<p>Аналитик стремился понять сущность архетипических процессов своего пациента, появляющихся здесь и сейчас, а в перспективе как внутри переноса, так и вне его. Для этого ему требовалось знание архетипического материала, который мы находим в религии, ми-</p>

так и по намерениям, по крайней мере, в расчете на долгий период, даже если предполагалось, что они должны способствовать коммуникации.

Пациенту предназначалась **кушетка**. Сеансы, по возможности, проводились ежедневно и, как правило, продолжались 50 минут. Во время прохождения анализа у пациента могла развиться сильная зависимость от аналитика.

Сновидения рассматривались как защитные маневры пациента, направленные против признания основных инстинктов. Возникая спонтанно в виде своего рода компромисса, или замены удовлетворения от давления ид и суперэго, они могли использоваться в качестве уклончивых воображаемых образов для скрытия проблем в целях защиты.

Считалось, что **бессознательные процессы** состоят из подавленных материалов, из поврежденных или неприемлемых элементов прошлого – наряду с элементами защиты. Как полагали, ас-

фологии, сказках и т.д. Его вмешательство могло быть много- и разнообразным. Аналитик был слушающим участником диалектического общения с пациентом. Применялись несловесные методы общения, а также рисование, моделирование и т. д. Общение было взаимным и для пациента включало признания, просвещение, обучение, а также трансформацию, и этот процесс позволял и аналитику изменяться самым различным образом.

Обычно пациент сидел на **стуле** прямо перед аналитиком или несколько наискось от него. Сеансы проводились не столь часто. В определенной степени пациент и аналитик совместно работали над изучением материала пациента, а также архетипическим материалом, сознательным и бессознательным, личным и коллективным.

Содержание **сновидений** интерпретировалось значительно проще, как если бы сновидец верил в сказанное им, но пользовался языком символов, типичным для стороны психики, известной поэтам и художникам, но часто менее развитой или находящейся в области бессознательного у современного рационального человека. Оно рассматривалось в качестве важного продукта бессознательной матрицы личности. Игра архетипических образов, различных внутренних и внешних фигур и процессов в сновидце обуславливала содержание и смысл сновидения.

Бессознательные процессы воспринимались как (а) подавленные личные переживания и тем самым непережитый личностный потенциал, и (б) более структурированная архетипическая

пекты эго и суперэго подавлялись, как и большая часть ид, которое воспринималось как слепая, бессознательная недифференцированная воля к выживанию и воспроизводству. Психологическая зрелость должна была заключаться в усилении эго, с тем, чтобы восприятие индивидом внешней реальности (закон реальности) могло быть свободным от искажений за счет давления со стороны ид и суперэго. Тогда рост эго позволял бы ид и суперэго находить более яркое выражение, подчеркивая выразительность личности в целом.

Аналитику необходимо подвергаться **анализу**, чтобы сохранять свои границы и оставаться максимально свободным от проецирования своей психологии, невротической или психотической, иллюзорной или бредовой, на психологию пациента; а также для того, чтобы в достаточной мере осознавать свои собственные проблемы и механизмы защиты и уметь увидеть в пациенте сходные элементы, не оставив их без внимания. В тех случаях, когда практикующие аналитики подвергались анализу, движимые собственными потребностями, они часто обнаруживали, что такой анализ важен для их эмоционального здоровья и для сохранения способности практиковать психоанализ.

предрасположенность, обусловленная строением бессознательной матрицы личности, называемой коллективной, ибо она формирует стереотипные образцы, общие для всех людей или больших и малых человеческих сообществ (групп). Бессознательной целью психики может явиться индивидуация, интеграция или реализация самости через плоть и кровь, пространство и время. С наступлением старости Юнг все в большей степени подчеркивал важную роль эго-сознания (*Jung, 1976, с. 112*).

Аналитику следовало подвергаться **анализу** не только для того, чтобы избавиться от иллюзий, слепоты и заблуждений в отношении своих пациентов, но и потому, что его собственная индивидуация и интеграция, достаточно важные для него самого, считались жизненно важными для терапии пациентов. При этом большое значение имели процессы межличностного взаимодействия и индукции. Иными словами, считалось, что личность аналитика играет первостепенную роль даже по сравнению с проблемами техники.

Совершенно очевидно, что при вышеприведенном разграничении не только искажается, но и чрезмерно поляризуется вклад фрейдистов и юнгианцев в анализ, а также не учитывается историческое развитие. То обстоятельство, что многие аналитики и пациенты любой из указанных школ назовут приведенное разделение карикатурой на их работу, убеждения и практику, определив его как совершенно устаревшее, свидетельствует о переменах, происходивших, как правило, спокойно и незаметно. И в целом они будут правы. Однако это не обусловлено попыткой сторонников этих школ создать новое направление путем, своего рода, синтеза

или интеграции. Суть заключается в том, что в своем большинстве приверженцы каждой из школ предпочитают оставаться членами своих первоначальных профессиональных сообществ, внутри которых, согласно природе проведенных ими экспериментов, было разрешено так много личностных проблем. В результате они расширили диапазон своих клинических наблюдений и развили внутреннюю логику фундаментальных открытий, которые были совершены в рамках их психологических направлений.

Только позднее, в процессе медленного восприятия, а затем усвоения или отторжения, они нашли общий язык с другим направлением, порой открыто, порой неявно, а иногда и под воздействием давления, возникающего как внутри их самих, так и обусловленного их взаимодействием с пациентами.

Для подробного изложения тех событий в психоанализе и аналитической психологии, что сделали столь устаревшим мое вышеприведенное противопоставление, потребовалась бы большая книга, но в данной работе подобная задача не ставится. Однако, поскольку эти события частично составляют фон, с учетом которого данная книга была написана, я попытаюсь кратко прокомментировать их с юнгианской точки зрения в виде восьми приведенных ниже небольших разделов.

События в психоанализе и аналитической психологии и изменение традиционных моделей

Предметы особого интереса

В круг своего особого интереса психоаналитики стали включать понятие *самости* и исследовать условия, способствующие его развитию или препятствующие ему на различных этапах раннего периода жизни индивида. Здесь, среди ключевых фигур, следует назвать Якобсона, Винникотта, Кернберга, Кохута и Волкана. Одновременно, Гартманн и эго-психологи (*ego-psychologists*) работали над исследованием природы и сложностей развития *эго*. Фактически все школы занимаются исследованием связей, объединяющих *эго* и *самость*.

Аналитические психологи также продолжают исследования *самости*, особенно в отношении устранения повреждений, которые были нанесены ей на ранних этапах развития; аналитики также с большим вниманием относятся ко всему процессу индивидуации и интеграции. Появилась необходимость учитывать психопатологию развития *самости*, которую нельзя игнорировать. Особенно наглядно это вытекает из теории Фордхама, согласно которой при рождении исходную *самость* можно рассматривать как недифференцированную целостность, обладающую мини-

мальным сознанием, однако несущую в себе потенциал деинтеграции в ответ на архетипические побуждения при столкновении с соответствующими им внешними объектами (*Fordham, 1957*). С надеждой на возможность восстановления душевного здоровья мы можем изучать теперь: (1) нарушения в процессе деинтеграции (*Fordham, 1976*), и (2) поражения самих факторов деинтеграции. Важные исследования самости были выполнены Редферном. В своей работе (*Redfearn, 1969*) он сравнивает концепцию самости Юнга с концепцией Якобсона (*Jacobson, 1964*). Важный вклад в изучение проблем ранних нарциссистических поражений внесли Алан Эдвардс (*Edwards, 1976; 1978*), Руши Ледерманн (*Ledermann, 1979*) и Розмари Гордон (*Gordon, 1980*), исследования которых тесно связаны с работами Кохута (*Kohut, 1971*), Кернберга (*Kernberg, 1974*) и Волкана (*Volkman, 1976*). В юнгианских кругах дебатировался вопрос о целесообразности использования понятия эго-самость или о предпочтительности понимания эго-сознания в качестве сознательного аспекта самости, за исключением тех случаев, где оно жестко противопоставляется личности в целом. В экстремальных противостояниях мы являлись даже очевидцами нападков на эго как таковое, как если бы оно действительно представляло собой всего лишь ложное «героическое эго», являясь сдерживающим или придуманным фактором, противостоящим спонтанности (*Hillman, 1975, с. XIV и 21*).

Функция аналитика

Что касается функции аналитика, то в психоанализе существенно изменилось представление о пассивном, почти бесстрастном, аналитике, и были разрешены взаимодействия между аналитиком и пациентом. Райкрофт (*Rycroft, 1968*) пишет о формировании у аналитика такого настроения по отношению к пациенту, который позволяет ему влиять на поведение последнего. Рэkker (*Racker, 1968*) описывает некоторые действия по активации динамики взаимодействия с пациентом, обусловленные мобилизацией настроения аналитика, его сопереживания, попытками распознать внутри себя функционирование *закона воздаяния*, который слепо вознаграждает за добро, сделанное ему пациентом, и наказывает за зло, а также его способностью использовать эмоции воздаяния для развития аналитического инсайта. Винникотт описывает возможность долговременного удержания пациента в случае необходимости и полное принятие его нигилистического сопротивления. Балинт (*Balint, 1968*) открывает вопрос о необходимости особого обращения в тех случаях, когда предполагается, что в самости ребенка возникло чувство «основной вины». Бион подчеркивает, что «полное толкование» рассматривается как действие, предпринимае-

мое аналитиком в одиночестве и с полной ответственностью. Шафер (*Schafer*, 1973) настаивает на полностью межличностном характере процессов взаимодействия в анализе; при этом сопротивление понимается как сопротивление проникновению при преследовании и поглощении не только со стороны самого аналитика, но и со стороны отцовских или материнских образов и объектов, перенесенных пациентом на его личность. Все перечисленные авторы подчеркивают личностную и интерактивную функцию аналитиков в связи с их пациентами, куда, в процессе вербальных и невербальных действий последних, входит гораздо больше всего, нежели беспристрастные выдумки и ухищрения, сработанные аналитиками, действующими в качестве экрана.

Однако аналитическая психология, особенно в Лондоне, начала значительно полнее осознавать потребность пациента в зависимости, особенно в состояниях регрессии. Это стало возможным в результате возросшего понимания среди аналитиков-юнгианцев важности роли ранних периодов развития и недавнего введения обучения детскому анализу, вследствие чего появились первые детские аналитики. Теперь полностью признается, что в зрелом возрасте может появиться потребность в анализе детского периода как для устранения травмы, нанесенной в детстве, так и для последующего высвобождения задержанного развития и установления у пациента эмоциональной связи с периодом детства и, в результате, более реалистичной связи с архетипом Божественного Младенца. В этих обстоятельствах пациент обнаруживает у себя потребность в асимметричной зависимости от аналитика, что не должно рассматриваться как умаление его достоинства, по сравнению с достоинством аналитика, или равноправия с ним в отношении человеческого статуса. В этом случае признается, что перенос содержит значительный по объему материал, относящийся к периоду младенчества и раннего детства, в котором различимы архетипические темы. Юнгианский аналитик, понимая преимущества функционирования в качестве экрана, стремится сегодня найти для такого преимущества несколько иное место, заняв срединную позицию и сохраняя тот доступный уровень, который позволит удовлетворить потребности пациента в наличии отношений и переноса, не теряя своей самости. Он не делает попыток действовать как нереальное существо или как пустой экран, но и не пытается проявлять свою личность в чрезмерно эмоциональной или активной манере. Разумеется, он может порой ощущать внутри себя стремление к проявлению какой-либо из перечисленных экстремальных функций. В таких случаях, независимо от того, проявит ли современный аналитический психолог такие чувства, или сдержит их, он поймет, что участвует в процессе контрпереноса, тре-

бующего дальнейшего анализа и исследования личности психолога. С другой стороны, при лечении психотических пациентов признается, что может потребоваться некоторая модификация структуры «экранического» типа, а также применение несколько более активных методов.

Деятельность аналитика

В отношении роли реконструкции и анализа периода раннего детства в психоанализе произошли существенные изменения. Появилась теория объектных отношений, созданная Винникоттом (1941-1969), Фэрберном (*Fairbairn*, 1952), Гантрипом (*Guntrip*, 1961) и многими другими, а М. Кляйн было детально разработано представление о бессознательных детских фантазиях. Представление указанных авторов об интернализированных объектах существенно повлияло на аналитическую практику. Внутренние объекты и образы, содержащие бессознательные детские фантазии, населяют сновидения и другие материалы, встречающиеся при переносе, сближая их с архетипическими образами, которые близки юнгианцам. Некоторыми психоаналитиками предпринимались даже попытки интерпретировать перенос, исходя из понятий «здесь» и «сейчас», с небольшой исторической реконструкцией (*Blum*, 1980).

С другой стороны, аналитические психологи в Лондоне заново осознали важность централизации при реконструкции в рамках переноса и контрпереноса. Имеет место рост понимания двусторонней взаимосвязи между личной историей индивида и его архетипическим развитием (*Fordham*, 1978). Многие случаи свидетельствуют о том, что события раннего периода жизни индивида могут заметно активизировать определенные группы архетипического процесса за счет других групп. Реконструкция, которая может показать, каким образом это происходит на протяжении раннего периода жизни пациента, и как функционирует при переносе и в других ситуациях, способна открыть путь к столь необходимому пониманию происшедшего искажения, высвободив тем самым процессы синтеза в будущем.

Экран и взаимодействие

По вопросу об относительной пассивности аналитика в клинической ситуации такие психоаналитики, как Райкрофт, Рэккер, Шафер и другие, признают тот предел, в рамках которого аналитики передают послания и эмоциональные переживания наибольшую часть времени и от всей своей личности. Отсюда следует, что значение тщательного анализа того, что происходит между пациентом и аналитиком, возрастает вдвое. Это показывает, что проблема значительно сложнее, чем представлялось ранее,

когда казалось, что словесное толкование, выполняемое «объективным», наблюдающим, слушающим и «ученым» аналитиком, является его основной функцией в процедуре терапии. Сегодня многим кажется, что этот взгляд представляет собой искаженное понятие «научной объективности», поскольку в нем не учитывается значение личного участия наблюдателя в наблюдаемом, т.е. аналитика в пациенте.

С другой стороны, аналитическим психологам требовалось пересмотреть несколько недисциплинированное и технически чрезмерно небрежное поведение – спонтанное в лучшем, но ошибочное в худшем случае, – которое часто имело место на протяжении первых десятилетий их терапевтической практики. Таким образом, работая над классическими элементами признания, разъяснения, обучения и трансформации, описанными Юнгом, многие аналитические психологи сегодня считают, что их наиболее эффективным инструментом являются аналитические способности, которые проявляются спонтанно при интеграции и индивидуации терапевтически одаренного и надлежащим образом подготовленного индивида, регулярно участвующего в клинической группе. Я хотел бы это усилить внесением модифицированной и расширенной концепции *agape* в качестве центрального элемента «бытия» или «онтоса» терапевта. Все вышесказанное представляет сущностное личное уравнение, необходимое в качестве основы для интерпретаций, которые предназначены, например, для облегчения восстановления душевных сил и поврежденных способностей пациента, не говоря уже об их первичном выявлении. Одним из примеров служит действительно надежная непрерывность и вовлеченность, необходимые для рождения и выращивания такого глубокого доверия в пациенте, о котором Плаут убедительно говорил как об условии появления способностей к созданию творческих фантазий (Plaut, 1966). Помимо того, значительный интерес вызвала реакция пациентов на вмешательство их аналитиков в общую психопатологию. Такие реакции могут восприниматься не только как относящиеся к ситуации переноса, но и, в первую очередь, как свидетельство о реакции пациента на присутствие других лиц как таковых. Однако, получив такой инсайт, аналитические психологи, подобно другим аналитикам, приступают к процессу, описанному Мельцером (Meltzer, 1967) как «собрание переноса».

Стул и кушетка

В практике произошли значительные перемены в отношении старой проблемы выбора между стулом и кушеткой. В этом плане обе школы смягчили жесткость своих стандартов. Психоаналитики стали использовать при терапии стул в тех случаях, когда особо не обозначены

существенная регрессия и потребность способствовать процессам первичного мышления. Вопрос об относительных достоинствах стула и кушетки был пересмотрен, и, например, Рубинфайн (*Rubinfine*, 1967) привел убедительные доводы в пользу использования кушетки.

Многие аналитические психологи в Лондоне широко используют кушетку, что противоречит их прежней практике. Это происходит одновременно с возобновившимся у них интересом к психопатологии как функции ранней травмы, а также потребности многих пациентов регрессировать и ощущать себя не только зависимыми, но и полными гнева, отчаявшимися и сопротивляющимися, как оно и происходит. Такой пациент обнаруживает настоятельную потребность предпочесть стул, поскольку ощущает необходимость поддержания равенства отношений *Я – Ты*, что само по себе не зазорно, но в данное время и нереально, и неприемлемо. Для пациента возможность расслабиться в асимметричном союзе с терапевтом становится вопросом жизни и смерти, среди лишений и страданий эта возможность позволит встретить находящегося внутри «ребенка», заботиться о нем, возвращать его к жизни символическим образом, пригодным для взрослого существования. Многие юнгианские аналитики находят, что свободное и экспериментальное применение кушетки может, вследствие измененного соматического состояния, связанного с изменением позиции, способствовать высвобождению чувств, эмоций и воображения из ранних периодов жизни. Это может оказаться особенно полезным для пациентов, высоко организованных с точки зрения логического, рассуждающего мышления и целенаправленной деятельности. У таких пациентов доминирование левого полушария требует коррекции со стороны правого.

В конечном итоге была определена полезность толкования бессознательных процессов, протекающих у пациентов, не только на основании того, каким образом они используют кушетку, но и в зависимости от их выбора между кушеткой и стулом.

Сны и сновидения

В вопросе установки по отношению к снам и сновидениям пациентов и сообщениям о сновидениях существуют важные свидетельства в пользу того, что психоаналитики внесли изменения в раннюю классическую теорию, согласно которой сон частично представляет собой психопатологическую деятельность пациента, содержащую защитные элементы, хотя для раннего Фрейда понимание снов во многом представляло собой, по его собственному выражению, «королевскую дорогу к познанию бессознательной деятельности разума». Они по-разному истолковывали снови-

дения в плане защитных действий со стороны пациента. Сегодня они исследуют содержание сновидений, рассматривая их как игру между внутренними объектами, фигурами и образами внутреннего мира пациентов (см. *Altmann, 1975*). Помимо того, бессознательные детские фантазии, представленные в сновидениях, хотя часто и в затемненной форме, однако интерпретируемые в контексте реального материала, являются нередко составной частью кляйнианского мира. То обстоятельство, что все это приближается к методу, принятому Юнгом, достаточно очевидно; но в то же время еще ближе к этому подошел Райкрофт в своей работе «Невинность снов» (*Rycroft, 1979*). В качестве юнгианца я извлек значительную пользу из его произведений и нашел в них многое, с чем я согласен. Однако я полагаю, что он недооценивает то, в какой мере содержание снов, память о них, а также изменчивость их привязки ко времени и объема воспоминаний о них свидетельствуют в пользу возможности не столь уж невинного их использования сновидцем, по крайней мере, в случаях отношений переноса между пациентом и аналитиком.

С другой стороны, аналитические психологи в более значительной степени стали осознавать влияние детской архетипической фантазии и формирования внутренних объектов на содержание снов. Помимо того, в своей клинической работе они стали в большей мере осознавать, что видение снов как таковое, независимо от их содержания, может пониматься как *поведение* пациента, которое часто имеет переносный смысл. Стало также более ясным, что классический фрейдовский взгляд на видение снов может толковаться как одна из многих поведенческих уловок (*Fordham, 1978*).

В дополнение к уже описанным признакам *сближения*, очевидно, что существует вероятность параллельного влияния на обе школы как со стороны лаборатории, занимающейся исследованиями сна, так и нейрофизиологов мозга, которые поддерживают взгляды Юнга на сновидения (см. *Henry, 1977*).

Эго и самость

Что касается вопроса относительной значимости эго и самости, то в психоанализе мы можем ощутить некоторый незначительный сдвиг от первого представления, согласно которому эго, стремящееся более четко осознавать как себя, так и закон (принцип) реальности, ид и супер-эго, может тем самым оказаться способным функционировать «королевским», командным и регулирующим образом в отношении указанных параметров и их взаимоотношений. Понятие самости рассматривается рядом авторов, в частности, такими учеными, как Якобсон (*Jacobson, 1964*) и Кохут (*Kohut, 1971*). В методах терапевтического попечения Винникотта и

Гантрипа об «истинном» Я заложено такое же представление о центральном ядре личности и ее потребности в том, чтобы эго-сознание способствовало ее переходу к здоровому «существованию» и «становлению». Помимо того, Кохут (*Kohut, 1971*), Кернберг (*Kernberg, 1974*) и Волкан (*Volkan, 1976*) в США, а также Винникотт и его последователи в Англии, хотя и с несколько другим уклоном, занимались исследованием ранней травмы, нанесенной развитию самости, особенно в случае проявления у индивида инфляции эгоистического себялюбия, заменявшего необходимую ему заботу и любовь со стороны родителей, которой он был лишен в силу субъективных или объективных причин. Согласно аналитической психологии, такой перенос центра тяжести в психоанализе представляет собой движение в сторону понимания самости.

С другой стороны, в аналитической психологии было разработано описание самости, отличающееся от *самопредставления*, особенно по отношению к динамическим процессам, когда изначальная, недифференцированная самость при благоприятных обстоятельствах начинает деинтегрироваться и реинтегрироваться во время внутреннего развития и роста, так что индивид приобретает все более высокую готовность к встрече с внутренней и внешней реальностью на каждом жизненном этапе (*Fordham, 1957*). Происходящую *деинтеграцию*, а также искажения, сопутствующие ей при функционировании, необходимо отличать от *распада (дезинтеграции)*, который может явиться следствием разрушительной ярости, возникающей в младенчестве вследствие неблагоприятных окружающих условий. Процессы распада могут порой быть столь интенсивными, что возможно возникновение ситуации, при которой находящийся в ней индивид оказывается полностью захваченным механизмами, названными Фордхамом «средствами защиты самости», которые способны вызвать крайне негативное проявление психологии «сделай-это-сам», требующей бесконечного терпения, умения и веры со стороны аналитика, пытающегося проводить лечение (*Fordham, 1974*). Таким образом, аналитическая психология, с помощью психоанализа, внесла свой вклад в выполненное Юнгом тонкое и глубокое описание самости, который включает результаты изучения процессов, протекающих на ранних этапах развития, приводящих к описанным им состояниям взрослого человека, позволив также понять сопутствующие этим процессам опасности и сложности.

Анализ обучаемого

Наряду с различными установками по отношению к анализу обучаемого-аналитика, существующими в психоанализе и в аналитической пси-

хологии, мы сталкиваемся с различиями во всех остальных направлениях. Так, Райкрофт (*Rycroft*, 1968), Рэкер (*Racker*, 1968) и, в некоторой степени, Блон (*Bion*, 1962) продемонстрировали, что требования к аналитику идут значительно дальше требований к технической компетентности или аналитического инсайта. Они включают еще и высокие моральные качества, способность к долговременному участию, надежность, сознательное сдерживание срабатывания закона воздаяния, способность жертвовать своим умением и пронизательностью и переносить тревогу, сопутствующую тем фазам анализа, что связаны с чувством утраты и неспособностью ощущать какие-либо светлые моменты.

Когда дело доходит до аналитической психологии, люди все ответственнее осознают, что любое искушение полагаться на «интеграцию» аналитика, его «индивидуацию» или «самость» в тех случаях, когда игнорировался анализ его детства и младенчества, помещает аналитика в бессознательную область ранних деформаций, искажающих его восприятие, и оставляют его во власти деструктивных импульсов по отношению к пациентам, делая его слепым относительно их глубинных проблем. Такое развитие, без сомнения, возложило на аналитиков и, конечно, обучаемых, еще более тяжелую ношу. Некоторым утешением тут служит мысль о постоянно растущей доступности усовершенствованного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Altmann L.L.* (1975) *The Dream in Psychoanalysis* (Rev.edn.). New York, International Universities Press
- Balint M.* (1968). *The Basic Fault*. London, Tavistock.
- Bion W.R.* (1962). *Learning from Experience*. London. Heinemann.
- Blum H.P.* (1980). The value of reconstruction in adult psychoanalysis // *Int. J. Psychoanal.* 61, 1.
- Edwards A.* (1976). Review of Volkan V.D. Primitive internalized object relations // *J. analit. Psychol.* 23, 2.
- Edwards A.* (1978). Review of Kohut H. The restoration of the self // *J. analit. Psychol.* 23, 3.
- Fairbairn W.R.* (1952). *Psychoanalytic Studies of the Personality*. London, Tavistock.
- Fordham M.* (1957). *New developments in Analytical Psychology*. London. Routledge and Kegan Paul.
- Fordham M.* (1976). *The self and Autism*. L.A.P. Vol.3, London. Heinemann.
- Fordham M.* (1978). *Jungian Psychotherapie: A study in analytical psychology*. Chichester, John Wiley&Sons.
- Gordon R.* (1980). Narcissism and the self; who am I that I love? // *J. analit. Psychol.* 25, 3.

- Guntrip* (1961). *Personality Structure and Human Interaction*. London.
- Hillman J.* (1975). *Revisioning Psychology*. London and New York, Harper and Row.
- Henry J.P.* (1977). Comment on Rossi, E. The cerebral hemispheres in analytical psychology. *J. analit. Psychol.* 22, 1.
- Jacobson E.* (1964). *The self and the object world*. New York, Int. Univ. Press.
- Jung C.G.* (1963). *Memories, Dreams, Reflexions*. London. Routledge and Kegan Paul.
- Jung C.G.* (1976). *Jung Letters*. Vol. II (ed. G.Adler). London. Routledge and Kegan Paul.
- Kernberg O.F.* (1974). Further contribution to the treatment of narcissistic personalities // *Int. J. Psycho-anal.* 55, 2.
- Kohut H.* (1971). *The analysis of the Self*. New York, Int. Univ. Press.
- Ledermann R.* (1979). The narcissistic roots of personality disorder // *J. analit. Psychol.* 24, 2.
- Meltzer D.* (1967). *The Psychoanalytical Process*. London. Heinemann.
- Plaut A.J.P.* (1966). Reflections on not being able to imagine // *J. analit. Psychol.* 15, 1.
- Racker H.* (1968). *Transference and Counter-Transference*. London. Hogarth.
- Redfearn J.W.T.* (1969). Several views of the self // *J. analit. Psychol.* 14, 1.
- Rubinfine D.L.* (1967) Notes on a theory of reconstruction. *Brit. J. med. Psychol.* 22, 20.
- Rycroft C.* (1968). *Imagination and Reality*. London. Hogarth.
- Rycroft C.* (1979). *The Innocence of Dreams*. London. Hogarth.
- Schafer R.* (1973). The idea of resistance // *Int. J. Psychoanal.* 54, 3.
- Volkan V.D.* (1976). *Primitive internalized object relations*. New York, Int. Univ. Press.
- Winnicott D.* (1964). Review of *Memories, Dreams, Reflexions* by Jung, C.G. // *Int. J. Psycho-anal.*, 45, 45-455.

ПСИХОАНАЛИЗ З.ФРЕЙДА И КЛИЕНТ-ЦЕНТРИРОВАННАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ К.РОДЖЕРСА (РАЗЛИЧИЯ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ)

В.В. КУЗОВКИН*

Открытый кризис в психологии, разразившийся с наступлением второго десятилетия XX века и закончившийся расслоением психологии в предметной области, показал, что различные теории и концепции могут свободно сосуществовать и даже развиваться благодаря либо взаимной конструктивной критики, либо взаимной ассимиляции идей друг друга. На волне кризиса какие-то школы психологии прекратили свое существование (структурализм, функционализм, несколько позднее гештальтпсихология), другие, наоборот, появились на свет и развили свои теоретические воззрения (бихевиоризм, вслед за ним – когнитивная и позже гуманистическая психология).

Так, бихевиоризм Дж. Уотсона возник на волне критики структурализма и функционализма, а также на новом витке в развитии психоанализа, проходившего свое новое становление в США. Но, если структурализм и функционализм фактически прекратили свое существование как ведущие школы психологии, то психоанализ, благодаря его практической направленности, весьма ценившейся в Америке, как «непотопляемый крейсер», продолжил уверенное «плавание» по американскому континенту. Правда, в последующем и ему довелось претерпеть существенные преобразования, уже в русле неофрейдистских теорий.

Еще одним примером может служить гуманистическая психология, возникшая в 40-50-х годах как «третья сила» в психологии, в противовес

* *Кузовкин Виктор Владимирович* – кандидат психологических наук, декан социально-гуманитарного факультета Института бизнеса, психологии и управления, профессор кафедры общепрофессиональных психологических дисциплин факультета психологии Национального института имени Екатерины Великой, действительный член Русского психоаналитического общества, психолог-психотерапевт.

двум, ставшим уже классическими, направлениям – бихевиоризму и психоанализу. В манифесте Американской ассоциации за гуманистическую психологию, образованной в 1962 году, подчеркивалось, что с самого начала гуманистическая психология занималась изучением тех способностей и возможностей человека и тех категорий человеческого существования, к которым никогда не обращались ни позитивизм, ни бихевиоризм, ни психоанализ. В их ряд входят такие понятия, как *психическое здоровье, любовь, творчество, самоактуализация, личностный рост, высшие ценности бытия, открытость опыту, ответственность, смысл, трансцендентальный опыт* и другие, близкие перечисленным. В целом, речь шла о психологии, целью которой явилось изучение *здорового, способного к творчеству и полноценному функционированию* человека.

Тем не менее, по прошествии десятилетий мы можем с уверенностью сказать, что ни одно из ведущих направлений в психологии (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология), строя свою теорию и методологию и в ряде случаев (психоанализ, гештальтпсихология) претендуя на то, чтобы считаться универсальной общепсихологической теорией, не смогло завоевать главенствующих позиций. Выполнение роли общепсихологической теории, по утверждению А.Н.Ждан (2002), оказалось не по силам каждому из этих направлений, и поэтому в истории их развития неизбежно наступал этап, когда они были вынуждены ассимилировать идеи других подходов. Так возник гуманистический психоанализ, когнитивный бихевиоризм и др. Мы могли наблюдать, как Х.Кохут (2002) интегрировал многие понятия К.Роджерса в психоанализ (Гулина, 2001; Смит, 2003), тем самым, в известной мере преодолев пропасть, разделяющую психоанализ и гуманистическую психологию.

В современных условиях каждое из ведущих направлений в психологии, упоминавшихся выше, имеет собственную психологическую практику. При этом существует большое количество подходов внутри каждого из этих направлений, ввиду все той же взаимной ассимиляции идей.

Мы также наблюдаем попытки, хотя и не столь многочисленные, осуществления интеграции различных психотерапевтических направлений посредством отказа от ортодоксальных, монистических точек зрения и создания *метатеорий более высокого уровня*. Так, например, А.Хайгл-Эверс с соавторами (Хайгл-Эверс и др., 2002) ссылаются на К.Граве, который отстаивает идею разработки теории «общей психотерапии». К.Граве рассматривает существующие в психотерапии школы в целом как устаревшие. По его мнению, они не смогли преодолеть противоречий в знаниях, полученных в результате психотерапевтических исследований. На

этом основании он настаивает на теориях «второго поколения», способных интегрировать многочисленные новые эмпирические данные.

В отечественной психологии аналогичные попытки предпринимаются в рамках *психотехнического подхода* (Василюк, 2003). В роли искомой метатеории, по мнению автора, могут выступить переработанные под новую задачу культурно-историческая теория Л.С.Выготского и деятельностный подход А.Н.Леонтьева, послужив началом «философии практики» во благо новой психотехнической теории психотерапии.

Произойдет ли сближение различных психотерапевтических направлений в дальнейшем, покажет время. Но уже сейчас можно сказать, что без четко выстроенной, внутренне согласованной *метатеории более высокого уровня*, без осознания необходимости такой работы и дальнейшего стимулирования друг друга психотерапевтами всех направлений с этой идеей можно распрощаться. Но надо заметить, что даже и разработкой метатеории вопрос не будет исчерпан. Необходимо, чтобы следующим шагом стал перевод категорий метатеории в термины «родных» теоретических систем *без потери их исходного профиля*. Последний вопрос обычно более всего беспокоит приверженцев того или иного подхода в психотерапии. Ведь целый ряд школ и направлений разделяют, порой, существеннейшие отличия. И закономерно возникает вопрос: а как отразится метатеория на их ядерном содержании, не приведет ли к его утрате, нанеся тем самым ущерб, как научному развитию существующих систем, так и терапевтической практике?

И на подступах к синтезу, интеграции мы пока в большей мере склоняемся к разговору об отличиях в подходе к решению одних и тех же проблем в различных системах психотерапии, нежели об их сближении. На наш взгляд, размышления в этом плане далеко не бессмысленны и по своему тоже могут внести вклад в дело сближения.

Нам бы хотелось на примере *психоанализа З.Фрейда и клиент-центрированной психотерапии К.Роджерса* показать, насколько они различны и в то же время близки.

Прежде всего, будет правильным напомнить, что сам К.Роджерс в своих работах признает факт влияния, которое представители современного ему психоаналитического движения оказали на развитие клиент-центрированной психотерапии. В неофрейдизме он видел один из источников сформированной им психотерапии, который, по его словам, «достаточно окреп, чтобы отнестись с должной критикой к психотерапевтическим процедурам самого Фрейда и усовершенствовать их» (Роджерс, 2006, с. 39). Среди психоаналитиков К.Роджерс особо выделяет К.Хорни и

О.Ранка. Во взглядах О.Ранка, который подчеркивал, что для успешной психотерапии гораздо важнее личные качества психотерапевта, нежели его умение использовать определенные технические приемы (*Проходка, Норкросс, 2005*), Роджерс не только находил подтверждение собственных мыслей, но и черпал в них вдохновение.

Еще один факт: в 1931 году Роджерс окончил аспирантуру Педагогического колледжа Колумбийского университета, получив степень доктора философии. В работе «Становление личности. Взгляд на психотерапию» (*Роджерс, 2001*) он вспоминает свой опыт обучения и замечает, что пропитался «насквозь» и динамической теорией Фрейда, и строгими, отстраненно объективными, статистически выверенными положениями научной психологии, которые доминировали в то время в Педагогическом колледже, как и в психологии в целом. Но, переняв активную фрейдистскую позицию, он обнаружил, что она находится не в ладу с методологией научной психологии. «Оглядываясь назад, – пишет К.Роджерс, – могу с уверенностью сказать, что именно необходимость разрешения этого конфликта стала для меня самым ценным обучающим опытом. В то время я начал понимать, что работаю в двух абсолютно разных мирах “и эти двое никогда не встретятся”» (*Роджерс, 2001, с. 16*).

Впоследствии, как известно, К.Роджерс приложил немало сил к тому, чтобы применить объективные научные методы к исследованию процесса психотерапии, чего никогда не пытался делать З.Фрейд. Последний мало полагался на принятый в научной психологии экспериментальный метод, будучи вместе с тем убежденным, что его работа носит подлинно научный характер, а анализ историй болезни пациентов и собственный самоанализ дают достаточно оснований, чтобы сделанные на их основе выводы могли считаться более чем достоверными.

Вместе с тем, как и Фрейд, Роджерс находил, что именно клинический материал, полученный в процессе терапии, является ценнейшим источником феноменологических данных. В своих попытках понять человеческое поведение он всегда начинал с клинических наблюдений и затем использовал эти наблюдения, чтобы сформулировать гипотезы, которые подлежали дальнейшей проверке уже более строгими методами. К исследованию он относился как к инструменту подтверждения этих гипотез.

В своей работе «Клиент-центрированная психотерапия» (2002) Роджерс замечает, что, первоначально, ориентированная на клиента психотерапия подвергалась критике ввиду отсутствия в ее основании связанной теории личности. Однако подобного рода критика, по мнению К.Роджерса, отражает совершенно искаженные представления о действительном месте теории в развитии науки. Как он полагал, *необходимость в теории отпадает,*

если отсутствуют требующие объяснения явления. В контексте психотерапии лишь с появлением в психотерапевтическом процессе и в результате его видимых изменений, природа которых остается не ясной, появляется необходимость в обобщающей теории, способной помочь понять, что произошло, и выдвинуть гипотезы, которые впоследствии должны пройти проверку в научных исследованиях и последующей практике.

Здесь обнаруживается момент, который относительно сближает позиции З.Фрейда и К.Роджерса, и касается он общей для того и другого тяги к исследованиям, хотя нельзя не заметить и разницы их мотиваций. К.Роджерс писал: «Терапия – это деятельность, в которой я могу позволить себе субъективность. Исследования – это область, в которой я могу отстраниться и попытаться объективно взглянуть на этот богатый субъективный опыт, применяя элегантные и строгие методы науки, чтобы установить, не обманываюсь ли я» (Роджерс, 2001). Несмотря на очевидное уважение к науке, все-таки понятно, что наука здесь в некотором смысле вторична. Что касается З.Фрейда, то он считал себя в большей степени исследователем, нежели терапевтом, а методы свободных ассоциаций и толкования сновидений рассматривал преимущественно как способы сбора данных; само же обстоятельство, что эти методы обладали еще и терапевтическими качествами, имело, по его мнению, лишь вторичное значение. Его страстью и подлинным интересом было научное исследование, создание теории функционирования человеческой личности (Джонс, 1997; Д.Шульц, С.Шульц, 2002)¹.

Парадокс в том, что фрейдовский метод сбора данных неоднократно подвергался критике с разных сторон. Известно, что З.Фрейд строил свои заключения на основе тех сообщений, которые он получал во время психоаналитических сеансов. Приверженцы объективных методов исследования, в частности экспериментального метода сбора объективных данных в контролируемых условиях наблюдения, не уставали предъявлять З.Фрейду свои претензии. В систематизированном виде они представлены в работе Д.Шульца и С.Шульц «История современной психологии» (2002). Обратим внимание на некоторые из них.

Во-первых, все свои наблюдения З.Фрейд проводил несистематическим и неконтролируемым образом. Это выразилось в том, что он не вел

¹ Хотя известны свидетельства, подтверждающие обратное: в 1934 г. Фрейд дал интервью итальянскому писателю и философу Джованни Папини, где сделал сенсационное признание, что он «ученый по необходимости, а не по призванию». «В действительности я прирожденный художник, – заявил Фрейд, – ...Мне удалось обходным путем прийти к своей цели и осуществить мечту – остаться писателем, сохраняя видимость, что я являюсь врачом» (цит. по: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб.: Б.С.К., 1997. С. 5).

дословных записей во время сеанса, а делал отдельные заметки по истечении нескольких часов после его окончания. Ввиду несовершенства человеческой памяти часть исходных данных неизбежно терялась.

Во-вторых, представляется вероятным, что, воспроизводя по памяти сообщения пациентов, З.Фрейд тут же подвергал их некоторой интерпретации.

Третья претензия касается сообщений о детских переживаниях, с которыми работал Фрейд и достоверность которых, по мнению его критиков, должна была тщательно выверяться посредством опроса родственников и друзей пациентов.

Таким образом, заключают Д.Шульц и С.Шульц, исходный момент в построении любой теории – сбор данных – в данном случае может быть охарактеризован как неполный, несовершенный и неточный.

З.Фрейд в своих работах не скрывал того, как именно осуществляет им сбор данных, и обосновывал возможные огрехи этой практики теми трудностями, с которыми приходится сталкиваться практикующему психоаналитику. Так, в работе «Фрагмент анализа одного случая истерии» (Фрейд, 2007) З.Фрейд повествует о том, что приходится преодолевать врачу, который принимает по шесть или восемь пациентов в день. И если он не имеет при этом возможности делать какие-либо записи, то лишь потому, что опасается пробудить недоверие больного, и старается не мешать себе в осмыслении воспринимаемого материала. История болезни пациентки, известная как *Случай Доры*, была записана им по памяти только после завершения лечения, «пока, – пишет З.Фрейд, – мое воспоминание еще было свежим, а из-за интереса к публикации – обостренным. Таким образом, эта запись не верна абсолютно, то есть фонографически, но она может претендовать на высокую степень достоверности. Ничего существенного в ней не изменено, за исключением последовательности объяснений в некоторых местах, что сделано мною ради связности» (Фрейд, 2007, с. 48-49).

Кроме того, в статье «Психоанализ» («Настольный словарь по прикладной сексологии», Бонн, 1923 г.) З.Фрейд подчеркивает, что видит в созданном им учении не раз и навсегда законченную систему, где не находится места для свежих открытий, а область знания, стремящуюся «разрешить непосредственные проблемы наблюдения, нащупать свой путь вперед с помощью опыта». Психоанализ «всегда *неполный* и всегда готов исправить или модифицировать свои теории» (Фрейд, 2006, с.36-37). Тем самым З.Фрейд признает возможность ошибок, разрешением которых, с «помощью опыта», займется его непосредственные последователи и будущие поколения психоаналитиков.

И действительно, как говорят Д.Шульц и С.Шульц, многие понятия и положения фрейдовского психоанализа подвергались экспериментальной проверке на основе анализа случаев из психиатрии, психологии, антропологии и ряда других дисциплин, и научная достоверность выводов З.Фрейда по многим проблемам, поднятым в его работах, получала новые подтверждения.

Сбор данных в работе К.Роджерса был более объективным, прежде всего, ввиду использования им фонографических записей психотерапевтических сессий и четкого выстраивания экспериментальных планов (*Роджерс*, 2001, 2002, 2006). В частности Ролло Мэй в одной из своих статей (*Мэй*, 1996) вспоминает, как однажды, будучи в Медисоне, он остановился у К.Роджерса, который в то время проводил эксперимент по психотерапии больных психозом в больнице для ветеранов. Когда Карл и его ученики закончили длившуюся на протяжении шести месяцев работу с этими больными, он разослал двенадцати специалистам, отобранным им по всей стране, магнитофонные записи сеансов, попросив их высказать свое мнение о том, что там происходило.

Как мы понимаем, здесь нашли применение как минимум два способа проверки объективности эмпирического исследования: сбор данных с использованием объективного контроля методом фонографической записи и анализ деятельности посредством экспертного опроса.

Сам Роджерс утверждал, сильно отличаясь своей позицией от Фрейда, что успех психотерапии напрямую зависит от точности записи, так как в ходе психотерапевтического взаимодействия мы имеем дело с тончайшими и неуловимыми факторами (*Роджерс*, 2006). И чем достовернее фиксируется процесс, тем точнее мы можем определить, что же на самом деле происходит и какие были допущены ошибки. Кроме того, К.Роджерс делал важную оговорку, уточняя, что непрерывное ведение записей зависит также от задач и функций организации, где ведется психотерапия: преследует ли она учебные либо исследовательские цели или ограничивается сугубо психологическими услугами. По его мнению, полная запись необходима, главным образом, в двух первых случаях (*там же*).

В цели автора не входит намерение выступать арбитром в этом противостоянии. Заметим лишь, что критика метода Фрейда не помешала его знаменитым «случаям» по сей день служить источником ценнейшего психоаналитического опыта. Они не умирают. Но и научная скрупулезность К.Роджерса продолжает оставаться образцом исследований в психотерапии.

Но, конечно, наиболее серьезные расхождения между этими двумя великими представителями мировой психотерапии касаются понимания *человеческой природы, ее ядра*.

Взгляды З.Фрейда, представленные в его теории психического аппарата, где огромная роль отводится Оно, которое рассматривается как «котел, полный бурлящих возбуждений» (главным образом, агрессивных и сексуальных) и «резервуар либидо», К.Роджерсом восприняты не были. Он не считал человека ни эгоистичным, ни разрушительным в своей основе, и если некоторые представители человеческого рода, все же, встают на путь разрушения, то это случается, скорее, вопреки истинной природе человека и вследствие ее искажения (Роджерс, 2001).

В основе понимания, определившего взгляд на человека в психоанализе З.Фрейда, лежит психопатологический подход, который придает основное значение болезненным проявлениям и низшим аспектам человеческой природы. Соответственно, теория и техника психоанализа базируются в основном на клинических данных, полученных при изучении неврозов. Совершая новые открытия, строя свои концепции, разрабатывая понятийный аппарат, З.Фрейд, с присущей ему тщательностью, непременно приводил все это в соответствие с принятой в его время психиатрической нозологией.

К.Роджерс и его соратники создавали концепцию, где, в противовес психоанализу, акцент ставился на стремлении человека к здоровью, сознательной саморегуляции и личностному росту (Роджерс, 2006). Развивалось убеждение, что в природе каждого человека заложены для этого потенциальные возможности.

И еще одна линия противостояния: вопреки значению, которое в психоанализе придавалось прошлому опыту пациента, К.Роджерс был убежден в не меньшей важности того, как жизнь представляется человеку и переживается им в настоящий момент. Предопределенность того или иного поведения кроется, по его мнению, не столько в прошлой истории, сколько в настоящем, за которое человек может осознанно отвечать сам и активно его строить. Из всего сказанного выше вытекают и различия в том, как мы определяем индивида, нуждающегося в психологической помощи. Именно убежденность К.Роджерса в позитивном значении признания за человеком, переживающим психологические трудности (в том числе и за пациентом с определенным психиатрическим диагнозом), ответственности и свободы выбора коренным образом изменила *всю философию отношения к больному*. В области практической психологии появилось новое лицо – *клиент в противовес традиционной фигуре пациента* (Сokolova, 2002).

И хорошо известно, что с годами обозначение «клиент» эволюционировало, будучи преобразовано в «личность». Но и термин «личность» в этом контексте также пережил трансформацию, разделив свое

место с «человеком» («клиенто/лично/человекоцентрированный подход»).

Л.Первин и О.Джон рассмотрели разницу взглядов З.Фрейда и К.Роджерса на процессуальные и структурные компоненты личности (Первин, Джон, 2001). Они обращают внимание на то, что З.Фрейд наиболее существенные компоненты личности считал относительно фиксированными и стабильными, что легло в основу разработанной им структуры личности (Ид, Эго и Суперэго). К.Роджерс сместил акцент на *изменение* и ввел новые понятия (поле опыта, Я-концепция, Я-структура, Я-воспринимаемое и Я-идеальное).

З.Фрейд рассматривал человека как энергетическую систему и создал динамическую теорию личности, позволяющую объяснить, каким образом энергия разряжается, трансформируется или сдерживается. К.Роджерс считал, что человек развивается, движется вперед постоянно, и перенес акценты с поведения, связанного с напряжением и разрядкой энергии, на *самоактуализацию*. В то время как Фрейд подчеркивал роль инстинктивных влечений (сексуального и агрессивного) как движущих сил развития личности, Роджерс отказался от самой идеи побудительных влечений, включая и понятие мотивации (а также концепцию множества мотивов). Единственная потребность, за которой он оставил право на существование, – фундаментальная тенденция к самоактуализации. «Организм², – пишет К.Роджерс, – обладает единственной базовой тенденцией или стремлением – актуализироваться, сохраняться и укрепляться» (Роджерс, 2002, с. 447). Он признавал, что эту тенденцию, при неблагоприятных условиях развития личности, можно притормозить, но уничтожить ее в человеке невозможно.

К.Роджерс внес своими работами значительный вклад в *психологию личностного роста* – тему, которая получила широкое распространение в современной психологии. Его обширные исследования касались сущности, характеристик, направления, целей и природы этого процесса, а также условий его актуализации и осуществления в ходе психотерапии. Основными составляющими концепции личностного роста, по Роджерсу, выступают: • положение об определяющей роли опыта в жизни личности и открытости опыту; • положение об изначально позитивной, социализированной, рациональной, реалистичной природе человека и стремлении к актуализации этой природы; • понятия внутриличностных

² Роджерс, в разработанной им теории личности, различает две регулирующие системы: *организм*, стремящийся сохранить и усилить себя, и «Я» личности как особую область в поле опыта индивида, которая состоит из системы восприятия и оценок индивидом собственных черт и отношений к миру.

образований, таких как «Я-концепция», «Я-идеальное» и др. и представления о взаимодействии между ними (конгруэнтность, процесс организмической оценки); • выделенные К.Роджерсом терапевтические условия, способствующие личностному росту, представления о направлении его движения и критериях («возможные конечные пункты»).

Если обобщить идеи К.Роджерса и попытаться определить сущность концепта *личностного роста* как он его понимал, то мы придем к идее становления человека «все более собой» («полноценно функционирующей личностью», «своим организмом»). Иными словами, – к представлению о процессе развития, движимом от возможной внутренней разобщенности личности со своим внутренним опытом, «организмическое» восприятие которого затруднено искажающим влиянием «Я-концепции», – к «конгруэнтности». Понятие конгруэнтности предполагает состояние, при котором потенциально любой внутренний опыт свободно осознается как собственное «Я» и человек переживает подлинность своего индивидуального бытия как процесса самоактуализации (Кузовкин, 2003).

В психоанализе З.Фрейда понятию «личностный рост» не находится места. И это, в известной степени, естественно: по мнению психоаналитиков, отошедших от ортодоксального фрейдизма, наличие у человека побудительного мотива к росту категорически им отрицалось, что было обусловлено отсутствием «веры в человечество» (Хорни, 1997). Однако анализ теоретических воззрений З.Фрейда позволяет говорить, что он, все же, обращался к данной проблематике. Но с каких позиций? Сам З.Фрейд считал, что стремление к совершенствованию проистекает из нарциссических желаний к самовозвеличиванию и превосходству над другими (Фрейд, 1989). Поэтому о стремлении к совершенствованию он говорит как о «приятной иллюзии», которую нет необходимости щадить. То, что наблюдается у людей (весьма небольшой их части) в виде стремления к дальнейшему совершенствованию, рассматривается Фрейдом как последствие присущего вытесненным влечениям свойства, благодаря которому они никогда не перестают стремиться к *полному удовлетворению*. «Путь назад к полному удовлетворению, – пишет З.Фрейд, – как правило, закрыт препятствиями, которые поддерживают вытеснение, и, таким образом, не остается ничего другого, как идти вперед, по другому, еще свободному пути развития, во всяком случае, без видов на завершение этого процесса и достижение цели. Процессы при образовании невротической фобии, которые суть не что иное, как попытка к бегству от удовлетворения влечения, дают нам прообраз возникновения этого кажущегося «стремления к самосовершенствованию», которое мы, однако, не можем приписать всем человеческим индивидуумам» (Фрейд, 1989, с. 408).

Так он утверждал. Однако, по нашему мнению, при работе с невротическими пациентами Фрейд все-таки наметил направления гармонизации, то есть в известном смысле «совершенствования» личности (правда, все же, в логике болезни, а не психического здоровья, что сохраняет суть разногласий между психоанализом и гуманистической психологией). В контексте его структурной модели (Фрейд, 1989, 1991), где личность проявляется в динамическом взаимодействии трех ее структур – Эго, Ид и Супер-Эго, – можно утверждать, что она стремится к равновесию между всеми этими тремя инстанциями, не позволяя ни одной из них доминировать над двумя другими (Фрейдджер, Фейдимен, 2006).

В этом же плане указанные выше авторы рассматривают еще одну тенденцию в теории и практике психоанализа. Фрейд видел цель анализа в том, чтобы освободить ранее не доступный бессознательный материал, тем самым создав условия для работы с ним сознательно. Если этот материал становится доступным, энергия высвобождается и может быть использована Эго на более здоровые цели. Таким образом, с помощью психоанализа люди могут быть освобождены от страданий, которые они сами себе приносят, и могут начать жить, получая радость от любви и работы.

З.Фрейд (1991) и его школа впервые отнесли к сфере бессознательного как к важнейшей, обширной и содержательной области человеческой психики, видя в ней, по выражению самого создателя психоанализа, «истинно реальное психическое» (Фрейд, 1997). Известно, бессознательное есть то, что подверглось вытеснению со стороны сознания и продолжает удерживаться вне поля восприятия. Именно процесс вытеснения служит образующим динамическим фактором психической жизни. При этом вытеснению подвергаются все те психические явления, которые не согласуются с требованиями реальности или культуры. Вследствие этого вытесняется значительная часть либидиозных стремлений и связанных с ним переживаний детства. Вытесненные из сознания переживания не исчезают бесследно, они продолжают жить в бессознательном, оказывая, зачастую, роковое воздействие на сознательную психику и человеческое поведение. Индивиду приходится развивать в себе защитные механизмы, или внутренний контроль, чтобы сдерживаться от неконтролируемых вспышек и не выражать сексуальные и агрессивные импульсы. Защитные механизмы, таким образом, обеспечивают охрану психики и личности индивида. При недостаточной выработке мер защиты возникают невротические симптомы.

Для клиент-центрированного подхода К.Роджерса концепция бессознательного, как известно, решающего значения не имеет. Бессознательные процессы как таковые не отрицаются, но в рамках новой теории лич-

ности и нового понимания терапевтического процесса им не придается центрального значения. Согласно феноменологической позиции К.Роджерса, каждый индивид воспринимает мир уникальным образом. Его восприятия составляют феноменальное поле, которое включает в себя и сознательное (то, что представлено его сознанию) и бессознательное (то, о существовании чего он не догадывается). Однако самые важные детерминанты поведения, если говорить о здоровых людях, – те, что осознаны или могут быть осознаны (Роджерс, 2002).

Согласно теории К.Роджерса, основной причиной невротических отношений выступает жесткая Я-концепция человека. Поскольку она формируется на основе не только собственных ощущений и чувств, но в значительной степени и под воздействием оценок значимых других (условия ценности), то это всегда чревато порождением *неконгруэнтности* организмического опыта и Я-концепции, что воспринимается личностью как угроза, поскольку она перестает ощущать себя целостной, какой является по природе.

С.Мадди, американский психолог и психотерапевт, разрабатывающий основы экзистенциальной персонологии, в своем фундаментальном труде «Теории личности: сравнительный анализ» (Мадди, 2002) говорит о том, что понятие *условие ценности* в теории К.Роджерса выполняет примерно такую же функцию, как и Супер-Эго в теории З.Фрейда. Смысл и того и другого концепта связан с указанием, что существует нечто, насаждаемое обществом и выступающее средством морального контроля за жизнедеятельностью индивида.

Из-за условий ценности все переживания, которые не соответствуют сформированному образу Я, не допускаются в сознание; однако они присутствуют на уровне подпорогового, субсенсорного восприятия, становясь источником смутной тревоги, повышенной «ранимости» и последующих защитных искажений.

Как утверждает С.Мадди, это теоретическое построение напоминает то, о чем писал и З.Фрейд. Раз человек ловит себя на действиях или мыслях, которые заставляют его чувствовать себя виноватым, то в действие вступают механизмы защиты. Как и у З.Фрейда, защита активизируется, когда индивид получает сигнал в форме тревоги о том, что «недостойное» поведение вот-вот произойдет.

К.Роджерс выделил два главных невротических защитных механизма – искажение восприятия и отрицание, которые запускаются тревогой, на эмоциональном уровне сигнализирующей, что сложившаяся Я-структура испытывает опасность дезорганизации, если несоответствие между ней и угрожающим переживанием достигнет уровня сознания (Роджерс, 2002).

Таким образом, можно сделать вывод, что и представления о защитных механизмах в двух обсуждаемых подходах, а также толкование их функции разнятся между собой. Если в психоанализе психологические защиты расцениваются как часть и в некотором роде *условие* душевного здоровья индивида, то в клиент-центрированной терапии они рассматриваются как механизм искажения опыта. С.Мадди подчеркивает: с точки зрения З.Фрейда, защитные процессы приводят к более успешной жизни, в то время как, по мнению К.Роджерса и его соратников, они делают человека закрытым для опыта, удерживают его в состоянии самообмана, деформируют и ограничивают его жизнь.

При этом, З.Фрейд и его последователи создали довольно-таки развернутую в содержательном плане картину защитных механизмов, в отличие от представлений К.Роджерса, понимание защит которым, с одной стороны, является очень широким, а с другой, слабо дифференцированным. Вместе с тем, благодаря Роджерсу, наше отношение к защитам стало более гибким, менее однозначным. Мы понимаем, что то, что необходимо для человека больного, не приемлемо для здорового.

Рассмотрим также, что и рознит, и сближает оба подхода в области психотерапевтической практики. За единицу анализа возьмем *терапевтические отношения*.

Довольно-таки полная картина понимания терапевтических отношений в психоанализе представлена в книге Р. Гринсона «Техника и практика психоанализа» (Гринсон, 2003).

Автор справедливо полагает, что З.Фрейд развил идею, согласно которой все человеческие взаимоотношения – это взаимоотношения, определяемые переносом. Под этим он понимал, что люди познают друг друга через свой опыт, накладывая восприятия и образы прошлого на любого вновь встреченного человека. Каждый индивид бессознательно вносит в свои настоящие отношения определенные аспекты взаимоотношений прошлого, прежде всего, те, что окрашивали его взаимодействие с родителями.

Эффективность психоанализа в значительной степени зависит от особых отношений, устанавливающихся между пациентом и аналитиком, в основе которых как раз и лежит феномен переноса. Механизм данного феномена заключается в том, что пациент подсознательно идентифицирует аналитика с объектами своих «догенитальных сексуальных влечений».

Аналитик прилагает немалые усилия для того, чтобы создать такую аналитическую ситуацию, которая бы максимально способствовала проявлению различных *реакций переноса*. Уже с момента знаменитого «случая Доры» Фрейд осознал, что реакция переноса и сопротивление, кото-

рое оказывает пациент при попытке сделать осознанным содержания его бессознательного, весьма важны для получения патогенного материала (Фрейд, 2007).

Сам по себе перенос – явление, в основном, неосознаваемое, и поэтому переживание пациентом реакций переноса еще не оказывает целительного действия. Именно анализ, или доведение до сознания бессознательного содержания реакций переноса (с помощью интерпретаций) и составляет собственно психотерапевтический процесс.

Однако для успешной терапии только этого недостаточно. Для того чтобы пациент работал эффективно в аналитической ситуации, как подчеркивает Р.Гринсон, необходимо, чтобы он поддерживал другие виды взаимоотношений с психоаналитиком. Имеются в виду рабочий альянс и реальные (не переносные) отношения между пациентом и клиентом.

Название «рабочий альянс» подчеркивает жизненно важные для терапии элементы: способность пациента работать целеустремленно в ситуации лечения. Реальная основа рабочего альянса формируется мотивацией пациента преодолеть свою болезнь, его сознательной и рациональной готовностью к кооперации, его способностью следовать инструкциям аналитика. При наличии рабочего альянса у пациента появляется готовность работать даже с теми прозрениями (инсайтами), которые неприятны и причиняют боль.

Реальные отношения также имеют место во время курса анализа, поскольку все пациенты, проходящие психоаналитическое лечение, имеют реалистическое, объективное восприятие своего аналитика. Способность пациента к формированию рабочего альянса происходит от его реалистического мотива получить помощь путем взаимодействия с аналитиком, являющимся экспертом в данной области (однако далее это становится триггером для реакции переноса).

Собственная реакция аналитика также имеет значение для терапевтических отношений. Как полагают Дж.Прохазка и Дж.Норкросс, она должна сводиться к осторожному и деликатному балансированию между сердечным и человеческим отношением, позволяющим установить рабочий альянс, и отношением, достаточно отстраненным и депривующим, что позволяет стимулировать реакции переноса (Прохазка, Норкросс, 2005).

Большинство аналитиков не соглашались с постулатом К.Роджерса, требующим от психотерапевта неизменной искренности, так как аналитик в этом случае становится *слишком* реальным. В то же время многие из современных аналитиков, скорее всего, сочтут вполне приемлемым обобщенное К.Роджерсом общее терапевтическое условие, предполагающее безоценочную установку в ответ на продукцию пациента, поскольку та-

кая установка способствует свободному потоку ассоциаций. И большинство согласно с тем, что эмпатия – не только важная составляющая терапии, но и источник, откуда наши интерпретации черпают свою точность.

Взгляд К.Роджерса на терапевтические отношения отличается от установок, принятых в классическом психоанализе. Он убежденно заявлял о том, что необходимые и достаточные условия успешной терапии заключены именно и прежде всего в терапевтических отношениях. Конструктивное изменение личности клиента происходит с соблюдением шести условий: 1) два человека находятся в психологическом контакте; 2) один человек, клиент, пребывает в состоянии неконгруэнтности; 3) второй, психотерапевт, – конгруэнтен в отношениях и интегрирован как личность; 4) психотерапевт испытывает безусловное позитивное отношение к клиенту; 5) психотерапевт стремится к эмпатическому пониманию «внутренней системы координат» клиента и стремится передать, дать почувствовать ему это понимание; 6) клиент воспринимает и переживает безусловное положительное отношение и эмпатию терапевта (Роджерс, 2001).

Также Роджерс (2006) выделяет четыре аспекта терапевтических взаимоотношений, составляющие основу эффективности клиент-центрированного подхода (Роджерс, 2006).

Во-первых, это теплота и отзывчивость со стороны консультанта, что делает возможным установление раппорта, постепенно перерастающего в более глубокую эмоциональную связь. При этом для консультанта эти отношения остаются четко контролируруемыми, имеющими определенные границы. Таким образом, он испытывает неподдельный интерес к клиенту, принимает его как личность, достаточно чувствителен к его потребностям, эмоционально вовлечен в отношения, но, тем не менее, способен контролировать собственную интегрированность, чтобы иметь возможность как можно лучше поддержать клиента, т.е. быть объективным при оказании помощи.

Второй аспект терапевтического взаимодействия – предоставление клиенту достаточной свободы в выражении чувств. Благодаря безусловному принятию консультантом личности клиента, понимающему отношению, которое пронизывает всю терапевтическую (консультационную) сессию, воздержанию от морализаторских и оценочных суждений, клиент приходит к ощущению, что все его чувства и отношения могут быть свободно выражены. Иными словами, создается ситуация, в которой клиент может, вопреки сопротивлению, выразить все запретные импульсы и скрытые установки, осложняющие его жизнь.

Третий акцентируемый аспект заключается в том, что, несмотря на полную свободу в выражении эмоций, терапевтическая беседа развивается

в определенных рамках, что придает ей структуру, в границах которой клиент может делать открытия внутри себя. Клиент свободен и в том смысле, что может прийти, а может не прийти на назначенный прием, может явиться вовремя или опоздать, может тратить время на болтовню, дабы избежать своих реальных проблем, или использовать время конструктивно. Но он не может руководить консультантом и занимать больше положенного времени (60 мин.), несмотря ни на какие доводы. Кроме того, клиенту запрещается наносить вред другим, выражая свои импульсы в действии.

Четвертая характеристика терапевтической ситуации – свобода от любого давления или принуждения. Консультант воздерживается от собственных реакций, например, в виде вопросов, уведоющих клиента от его линии размышлений по поводу своей проблемы, или от предубеждений. Совет, давление, преследующее целью следование одному способу поведения в противовес другому, исключаются из арсенала терапевтических воздействий. Сеанс – это время клиента, а не консультанта. Правда, надо заметить, что при этом сохраняется и требование конгруэнтности терапевта, которая предполагает выражение им чувств, если они переполняют его, образуя внутренний «шум», создающий помеху пониманию и сопереживанию.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: если в психоанализе акцентируется важность переноса и аналитик концентрирует на нем свои усилия (вплоть до целенаправленного провоцирования «невроза переноса»), в большой степени пренебрегая реальными отношениями, то клиент-центрированная терапия ориентируется, прежде всего, на психотерапевтическую реальность, передавая клиенту опыт понимающих, поддерживающих отношений.

Конечно, К.Роджерс не отрицал, что перенос имеет место в терапевтическом процессе. В своей книге «Клиент-центрированная психотерапия» (Роджерс, 2002) он уделил этому вопросу большое место. Признавая, что многие клиенты вырабатывают в процессе психотерапии трансферные установки, он видел проблему в том, чтобы эти установки не развивались в отношении переноса или в невроз переноса. Работа с переносом в этом случае сводится к стремлению терапевта понять и принять трансферные реакции в их существе, подводя клиента к признанию, что эти чувства рождены им, а не психотерапевтом. И, разумеется, процесс психотерапии не должен оставлять ни малейшего места для намека на то, что психотерапевт пытается диагностировать клиента, оценивать его под углом зрения каких-либо научных задач и пр.

Проблема переноса в творчестве К.Роджерса приобретала также дополнительное значение в свете краткосрочной терапии, к которой может быть отнесен клиент-центрированный подход. Важно было показать, что

установление терапевтических отношений возможно без того, чтобы прибегать к отношениям переноса. Разрешение ситуации переноса, на что обращал внимание К.Роджерс, всегда происходит слишком медленно, требуя много времени. Известно, что сам З.Фрейд настаивал на сроках от девяти месяцев до нескольких лет при условии возможно большей частоты сеансов (по крайней мере, 3-4 раза в неделю) для того, чтобы переносные реакции достигли полноценного развития, создавая возможность для глубокой проработки сопротивления переноса.

К.Роджерс предлагал проводить терапевтические сессии с интервалом в несколько дней или еженедельно, и считал такой распорядок более эффективным, «дающим клиенту возможность ассимилировать свои приобретения, достичь, в определенной степени, нового инсайта и предпринять действия, которые будут способствовать его росту» (Роджерс, 2006).

З.Фрейд настаивал также на исторически сложившейся форме проведения психоаналитического сеанса: пациент должен полулежать на кушетке, а аналитик – сидеть сбоку и немного сзади, избегая прямого взгляда пациента, что, по идее, должно было стимулировать у того свободное ассоциирование и способствовать развитию переносного отношения к терапевту. Вместе с тем, такая форма проведения сеанса, освобождая аналитика от необходимости выдерживать взгляды пациентов на протяжении всего приема, снимала с него неизбежное напряжение.

«Сэттинг» клиент-центрированной психотерапии принципиально иной: терапевтический сеанс протекает в положении, сидя друг перед другом, с прямым контактом глаз, по ходу терапевтического процесса терапевт делится своими мыслями и чувствами с клиентом. В условиях отказа от работы с переносными ситуациями, ядром терапии становится осознание клиентом своих установок, понимание их искажений и восприятие этих искажений как осуществленных им самим. В том случае, если терапевт сталкивается с продолжительно протекающим переносом, такая ситуация рассматривается как неправильное развитие терапевтического процесса (Роджерс, 2002).

Еще несколько моментов, непосредственно связанных с развитием терапевтических отношений. Они касаются проблемы использования интерпретаций, достижения катарсиса и инсайта.

В психоанализе интерпретация рассматривается как один из ведущих приемов воздействия на пациента. Сам Фрейд неоднократно предостерегал своих преемников от прямых, преждевременных интерпретаций бессознательного пациента, рассматривая это как проявление «дикого» (непрофессионального) психоанализа. Он говорил о том, что цель интерпре-

тации состоит в том, чтобы некое неосознанное психическое событие сделать осознанным, чтобы пациент смог лучше понять значение данной части своего поведения.

Процедура интерпретации отличает психоанализ от всех остальных видов психотерапии, потому что в психоанализе интерпретация – окончательное и решающее действие. Все остальные процедуры лишь подготавливают для интерпретации материал, развивают ее и, в свою очередь, сами должны быть интерпретированы. Для интерпретации аналитик использует свое бессознательное, свои эмпатию и интуицию, и, конечно же, свои теоретические знания. Критерием валидности и точности интерпретации служат ответы пациента на нее (Гринсон, 2003).

Роджерс в работе «Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы» (Роджерс, 2006) расценивает интерпретацию с совершенно иных позиций, будучи убежденным, что она противопоказана его подходу, так как, по его мнению, способна лишь вызвать сопротивление со стороны клиента и затормозить достижение им подлинного инсайта. Если гуманистически ориентированный психотерапевт вносит в свой методический арсенал этот прием, то он рискует выйти за пределы клиент-центрированного взаимодействия.

Однако известный риск все-таки допускается. Роджерс очерчивает ориентиры, которые позволяют консультанту определиться в отношении этой техники: • если консультант чувствует неуверенность в себе, лучше избегать любых видов интерпретаций; • в интерпретации следует использовать термины и образы самого клиента; • интерпретировать скрытые установки весьма опасно; • всегда лучше иметь дело с установками, которые уже были выражены; • нельзя ничего добиться, дискутируя по поводу той или иной интерпретации: если интерпретация не принимается, она должна быть отброшена.

Что же предлагается Роджерсом взамен, чтобы способствовать развитию инсайта? Как он считает, наиболее ценный тип инсайта развивается по собственной инициативе клиента. Консультант должен только способствовать этому процессу, например, переформулируя уже достигнутые инсайты, уточняя новые аспекты понимания, возникшие у клиента по поводу его проблемы, помогая ему обнаружить и осознать возможные направления действий. А самое главное, создавая для клиента возможность на эмоциональном уровне осознать то, что с ним происходит.

Последний пункт, с одной стороны, сближает оба подхода, а с другой, все же, существенно их рознит.

Отреагирование, или катарсис, предполагая разрядку эмоций, связанных с вытесненным ранее переживанием, в психоанализе относится к

неаналитической процедуре, ибо эмоциональная разрядка еще не означает осознания (Гринсон, 2003). Аффективно окрашенные и вытесненные в бессознательное травмирующие представления могут проявляться симптомами невроза. Имея дело с травмирующим или около травмирующим опытом, аналитик поддерживает пациента, помогая ему пережить это воспоминание с оптимальной интенсивностью, которую тот может вынести. Чем интенсивнее переживание, тем большая часть аффекта, связанного с травмирующим событием, исчезает. Пациент в состоянии аффекта сообщает аналитику о своих душевных переживаниях. Объективированное в слове травматическое событие освобождается от аффекта, который делал его патогенным. Симптом оказывается преодоленным и возвращение его назад, в бессознательное, становится невозможным. В последующем пациент может работать над своей проблемой аналитически.

Из сказанного уже понятно, что отреагирование, с психоаналитической точки зрения, – не конец, а только начало психоаналитического лечения. Именно катарсис нередко становится источником сопротивления, которое и служит материалом для анализа. Например, пациент может признаться аналитику в каком-либо, вызывающем чувство вины, событии, а затем, на время почувствовав облегчение, начинает избегать этой темы, вместо того, чтобы анализировать причины случившегося, его историю, значение и т.д. «Отреагирование... не аналитично, поскольку оно не приводит к инсайту», – утверждает Р.Гринсон (Гринсон, 2003). «Есть лишь один фундаментальный процесс изменения в анализе, – развивает дальше данную точку зрения Е.Т.Соколова, – это возрастание роли сознания; и все шаги анализа являются частью этого процесса» (Соколова, 2002).

Итак, катарсис в психоанализе не рассматривается в качестве части аналитического процесса, но используется психоаналитиками для повышения эффекта работы с бессознательным пациента. И сам Фрейд настаивал на эмоциональной проработке травмирующего опыта.

Несколько по-другому относятся к катарсису в клиент-центрированной психотерапии. Именно катарсис или, как обозначает данное явление Роджерс (2006), – «эмоциональное высвобождение», создает действительный терапевтический эффект консультирования и рассматривается как почин и надежная основа для достижения инсайта. Психотерапевт пытается создать способствующую осознанию атмосферу, в которой индивид смог бы выразить свое Я. Будучи не скованным в разговоре о себе, благодаря безусловному принятию со стороны терапевта, клиент также становится способным принимать различные аспекты своего Я, не прибегая к рационализации или отрицанию, что в реальных жизненных ситуациях почти невозможно. К таким аспектам самого себя могут относиться скры-

тые желания, антипатии, враждебные импульсы, неосознанные конфликты, установки, мотивы и т.д. Возможность свободного выражения эмоций позволяет клиенту более адекватно исследовать происходящее с ним в жизни; он впервые получает возможность открыто взглянуть на себя, выйти за пределы своих защит и реально оценить свою жизненную ситуацию. Вместо тревоги и ощущения своей «ненормальности» клиент развивает в себе принятие сильных и слабых сторон собственной личности. Вместо отчаянного стремления быть тем, чем он не является, клиент начинает понимать, что есть масса преимуществ в том, чтобы быть тем, кто он есть на самом деле, и при этом развивать то лучшее, что заложено в его собственной природе. Благодаря поддержке со стороны психотерапевта, клиент начинает понимать, что отреагирование эмоций ведет к высвобождению новых внутренних сил, которые до этого использовались для поддержания защитных реакций.

Необходимо уточнить следующее. Как в психоанализе существует основное правило – *свободное ассоциирование*, – следуя которому пациент должен свободно, без утаивания высказывать все, что приходит ему на ум, так в клиент-центрированной психотерапии есть свое основное правило – *эмоциональное высвобождение*, которое рассматривается в качестве основной процедуры на всех этапах прохождения курса психотерапии клиентом.

Х. Томэ и Х. Кэхеле в книге «Современный психоанализ» (1996) уделяют большое внимание проблеме свободных ассоциаций. Свободные ассоциации, по их мнению, занимают первое место не только в иерархии правил психоанализа. В письме С.Цвейгу от 7 февраля 1931 года Фрейд отметил, что техника свободных ассоциаций рассматривается многими как самое важное достижение психоанализа. Для самого Фрейда ассоциации выступают отнюдь не проекцией объективной связи вещей, но симптомами мотивационных установок личности. В поиске ключа к бессознательному, он стремился найти в ассоциациях *смысловое личностное*, а не предметное содержание.

Основное правило, которое выполняет пациент, поощряемый инструкцией психоаналитика, заключается в том, что он должен стремиться к открытости, свободно высказывать свои мысли, представления, чувства, желания, ожидания, воспоминания и факты, не пытаясь оценивать и контролировать их, даже если они кажутся ему бессмысленными, нелепыми, постыдными и пр. Задача терапевта состоит в том, чтобы проанализировать и довести их истинный смысл до пациента.

Однако свободные ассоциации не являются свободными и непосредственными в полном смысле слова. С одной стороны, они могут быть

обусловлены терапевтической ситуацией, личностью психоаналитика, взаимоотношениями с ним, с другой, – сам процесс анализа предполагает не только свободное ассоциирование пациента, но и интерпретацию полученного материала аналитиком (последующие ассоциации могут быть ответом на это вмешательство), а также собственное исследование своих ассоциаций пациентом.

По мнению Х. Томэ и Х. Кэхеле (1996), основное правило вступает в конфликт с привычными идеалами и нормами поведения пациента, которые являются функциями Супер-Эго. Чем сильнее выражено Супер-эго, тем меньше свободного ассоциирования. Исходя из этого, аналитик должен знакомить пациента с правилами шаг за шагом, уделяя особое внимание выбору времени, точности своих слов и, прежде всего, реакциям пациента. Все высказывания аналитика по поводу правил важны для отношений переноса, и то, как он реагирует на вопросы пациента, затрагивающие эту тему, влияет и на перенос, и на рабочий альянс.

Подытоживая эту часть, хочется отметить, что благодаря тому пониманию терапевтических отношений, которое своим подходом внес в психотерапию Роджерс, она вышла за рамки *психоаналитического лечения*. Были выделены принципы и задачи психотерапевтического процесса применительно к *новым сферам* – психологической помощи детям и их родителям, неуверенным в себе студентам, несчастливым женам и мужьям. Все они, как утверждал К. Роджерс, внесли свой вклад в новое понимание процесса психотерапии, укрепив его веру в человеческие возможности.

В заключение хотелось бы остановиться на таких аспектах психоанализа З.Фрейда и клиент-центрированного подхода К.Роджерса, как *конечные результаты* психотерапии.

Подход Роджерса направлен на большую независимость и целостность личности. Не ограничивая задачи консультирования и психотерапии решением актуальной проблемы клиента, он утверждает, что консультант должен «помочь клиенту “вырасти” настолько, чтобы он смог справляться с существующей, а также с последующими проблемами, будучи уже более интегрированной личностью». Клиент может разрешать череду проблем, будучи личностью независимой, ответственной, ясно мыслящей и хорошо организованной (Роджерс, 2006, с. 40).

В книге «Становление личности. Взгляд на психотерапию» (Роджерс, 2001) он высказал идеи об идеальном индивиде, выраженные им в характеристиках «полноценно функционирующего человека», живущего «хорошей жизнью». Термин «полноценно функционирующий» использует К. Роджерсом для обозначения людей, которые используют свои спо-

собности и таланты, реализуют свой потенциал и движутся к возможно более полному познанию себя и сферы своих переживаний. «Хорошую жизнь» К. Роджерс определяет, на основе своего опыта работы с людьми, как процесс движения по пути, выбранному человеческим «организмом», когда он настолько внутренне свободен, что может развиваться в любом направлении, причем качества выбранного направления наделены свойством универсальности.

Роджерс (2001) выделил следующие личностные характеристики, с его точки зрения, общие для полноценно функционирующих людей:

1. *Открытость опыту.* Человек становится полностью открытым для переживаний, способен слышать себя, различать свои чувства и может свободно, без искажения и отрицания, жить ими, осознавая их.

2. *Полнокровная жизнь в каждый ее момент, то есть бытие «здесь и теперь».* Это свойство означает, скорее, что «Я» человека и его личность возникают из опыта, нежели опыт, определенным образом искажаясь, преобразуется, чтобы соответствовать жестко заданной структуре «Я»; иначе говоря, опыт каждый раз воспринимается как уникальный.

3. *Доверие организмическому процессу.* Полноценно функционирующие люди могут доверять своей цельной организмической реакции на новые ситуации, не опираясь на социальные нормы, чьи-то суждения или на свое прошлое поведение.

4. *Свобода выбора в жизни.* Полноценно функционирующие люди в состоянии делать свободный выбор в социально-детерминированных условиях и нести за него ответственность.

5. *Творчество.* Продукты творчества и творческий образ жизни присущ полноценно функционирующим людям, ввиду их восприимчивой открытости миру и способности формировать новые отношения с окружающими, не будучи конформистами.

Характеризуя «идеального индивида» и конечную цель психоанализа, З.Фрейд говорит о человеке, который достаточно глубоко проанализировал свои догенитальные фиксации и конфликты, чтобы выйти и удержаться на генитальном уровне функционирования. Генитальная личность, с точки зрения З.Фрейда, идеальна. Она гетеросексуальна, (вне острой зависимости от орального характера); способна полноценно трудиться, будучи свободной от компульсивности анального характера, и довольна собой, не впадая в тщеславие фаллического характера. Идеальному индивиду присущи альтруизм и великодушие, не ведающие ханжества, сопутствующего анальному характеру; он полностью социализирован и приспособлен, не испытывая страданий, связанных с цивилизацией (*Прохазка, Норкросс, 2005*).

Х. Томэ и Х. Кэхеле (1996), размышляя о конечной точке психоаналитического процесса, предполагают, что она связана с возникновением у пациента способности к самоанализу. Ссылаясь на Г.Тихо, они заключают, что работа самоанализа предполагает в человеке наличие следующих развитых способностей и умений:

1. Способность принимать сигналы бессознательного конфликта (иррациональная реакция воспринимается непосредственно, минуя тенденцию сверхкомпенсации, возникающую при участии защитных механизмов, таких, как смещение и проекция).

2. Умение свободно ассоциировать, позволять своим мыслям идти собственным ходом, не испытывая выраженной тревоги и создавая тем самым сравнительно свободный доступ к Ид.

3. Способность ждать понимания бессознательного конфликта, не разочаровываясь в неуспехе и не сдаваясь. Развитие этой способности – показатель того, насколько пациент способен идентифицироваться с той частью аналитика, которая в течение анализа уверенно ждала, пока пациент будет готов к разрешению конфликта.

4. Способность идти вслед за инсайтом и достигать перемены в себе. Данная способность формируется по мере того, как Эго становится достаточно сильным, и при условии, что пациент во время анализа смог ощутить, что инсайт, в самом деле, может привести к модификации Эго.

Помимо способности к самоанализу, по мнению Х. Томэ и Х. Кэхеле, целью лечения выступает также «структурное изменение», при котором Эго переживает новый инсайт и обретает новую способность действовать.

Так, в работе «Я и Оно» Фрейд выразил мысль: «Психоанализ – инструмент, дающий возможность Эго добиваться прогрессирующей победы над Ид» (Фрейд, 1989). В последующем в лекциях «Введение в психоанализ» он писал, что психоанализ, в основном, направлен на то, чтобы «усилить Эго, сделать его более независимым от Супер-эго, расширить сферу действия перцепции и укрупнить его организацию так, чтобы оно могло присвоить свежую порцию Ид. Где было Ид, там будет Эго» (Фрейд, 1991). И вновь в работе «Анализ конечный и бесконечный» он утверждает: «Дело анализа – обеспечить, насколько это возможно, хорошие условия для функционирования Эго, только в том случае он выполнит свою задачу» (Фрейд, 1996).

Приведенные высказывания, по нашему мнению, отражают реалистические цели аналитического лечения.

Проанализировав подход к конечным целям психотерапии в русле психоанализа и клиент-центрированной психотерапии, можно сделать следующий вывод: эти представления существенно различаются и исходят

ными теоретическими установками и всей системой используемых понятий и методов. Однако в качестве определяющего отметим один общий момент: и в том и в другом подходе фигурирует тезис об исходной разобщенности внутриличностных элементов, которые в ходе процесса психотерапии приводятся к интеграции.

Таким образом, рассмотрев некоторые аспекты различий и точек соприкосновения психоанализа З.Фрейда и клиент-центрированной психотерапии К.Роджерса, можно сказать, что последняя выступает антитезой психоанализу как системой своих теоретических установок, так и совершенно иным по своему характеру психотерапевтическим праксисом.

Однако, при их сравнении, не покидает мысль о том, что идеи З.Фрейда все-таки послужили отправной точкой в разработке клиент-центрированного подхода. Где-то на глубине механизмов действия психотерапии полярные позиции сближаются, обретают общность. Но два существенных отличия остаются незыблемыми, заставляя разводить оба этих подхода (при этом второе вытекает из первого). Выделим их особо: а) З.Фрейд концентрировал свое внимание на психологических нарушениях человека; К.Роджерс фокусировал его на здоровом функционировании личности и самореализации человека, его психологическом росте, душевно-телесной цельности и человеческой подлинности; б) хотя оба подхода помогают людям достигнуть более высокого уровня интеграции, но их резко отличает организация терапевтических отношений и то, как каждое из направлений достигает терапевтических целей, используя психотерапевтические средства.

За деталями не упустить бы главного: как Фрейд, так и Роджерс – оба стоят у истоков новых эр в психотерапии. Первый исследовал закономерности бессознательной психики и открыл возможности ее постижения, второй – обратился к резервам сознания и духа человека, которые пробуждаются и обретают силу при совершенно определенных условиях терапевтического процесса, сами эти условия привнесли в психотерапию дух гуманизма и духовности. И теперь, глядя в будущее, задаешь вопрос: возможен ли гуманистический психоанализ?

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГГПУ, 2003.
Гринсон Р. Техника и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2003.
Гулина М. Терапевтическая и консультативная психология. СПб.: Издательство «Речь», 2001
Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: «Гуманитарий» АГИ, 1997.

- Ждан А.Н. История психологии. От античности к современности: Учебник для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
- Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002.
- Кузовкин В.В. Психотехнический подход к активизации личностного роста в подготовке офицеров запаса. Дис. ...канд. психол. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002.
- Мэй Р. Психотерапия после К.Роджерса, В.Сатир, Р.Лэйнга, Б.Беттельхейма // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С.132-140.
- Первин Л., Джон О. Психология личности: Теории и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Прохазка Дж., Норкросс Дж. Системы психотерапии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.
- Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002
- Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы: Монография. М.: Психотерапия, 2006.
- Роджерс К. Становление человека. Взгляд на психотерапию. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Соколова Е.Т. Психотерапия: Теория и практика. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т.1. Теория. М.: ИГ «Прогресс»; Литера; Изд-во Агентства «Яхтсмен», 1996.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991.
- Фрейд З. Анализ конечный и бесконечный // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 2. С.125-155.
- Фрейд З. Толкование сновидений. Мн.: Попурри, 1997.
- Фрейд З. Две статьи для энциклопедии // Психоаналитический вестник. 2006. № 16. С.17-41.
- Фрейд З. Фрагмент анализа одного случая истерии / Знаменитые случаи из практики. М.: Когито-Центр, 2007. С. 41-146.
- Фрейдджер Р., Фейдмен Дж. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
- Хайгл-Эверс А, Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа ; Речь, 2002.
- Хорни К. Самоанализ // Хорни К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Смысл, 1997.
- Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОДРАМЕ

(РАБОТА С АГРЕССИЕЙ
ПРИ НАРЦИССИЧЕСКИХ
НАРУШЕНИЯХ ЛИЧНОСТИ)

М.М. МАГУРСКАЯ*

Статья посвящена применению психоаналитического подхода в психодраматической работе с агрессией пациентов, страдающих нарциссическими нарушениями. Обобщая знания, которые содержатся в современных психоаналитических теориях агрессии и нарциссизма, автор строит практические рекомендации для специалистов в области психодрамы. Излагаются принципы и приемы работы сотреагированием агрессии, а также с завистью, нарциссическим стыдом и соматическими симптомами. Рассматривается специфика контрпереноса в этих условиях. Обсуждаются вопросы баланса между групповыми интересами и потребностями участника группы, которого отличают нарциссические нарушения.

1. Введение

По мере развития психотерапии все большее число профессионалов используют в своей практике разнородные психотерапевтические методы. К сожалению, подобный синтез часто ограничивается всего лишь поверхностным сочетанием рабочих приемов и техник. Подлинная интеграция методов, выработанных в русле различных психотерапевтических направлений, возможна лишь при достаточно глубоком знании теоретических принципов каждого из используемых терапевтических подходов, осмыслении их взаимной противоречивости, степени их внутренних совпадений, либо того и другого вместе.

* *Магурская Мария Михайловна* – психолог, сертифицированный психодраматист (индивидуальная и групповая психотерапия).

В этой статье будут рассмотрены некоторые разработанные в психоанализе теоретические установки и подходы к работе с агрессивной пациентом с нарциссическими нарушениями с точки зрения возможности их применения в психодраме. Несмотря на существенные различия этих двух психотерапевтических систем, затрагивающие их базовые принципы, технические правила, организацию сеттинга, а также специфику интервенций, возможность такого опыта получила убедительное подтверждение в практике психодрамы.

Но, прежде чем перейти к рассмотрению этой основной темы, хотелось бы вкратце обсудить некоторые предпосылки, на основе которых подобная «прививка» стала осуществимой.

Психоанализ и психодрама в последние десятилетия все реже рассматриваются как два абсолютно противоположных метода. Многие формальные отличия этих направлений, такие как процессуально-ориентированность, длительность терапии, признание детерминизма, ряд существенных терминологических несовпадений и пр., сегодня уже не подлежат однозначному противопоставлению. «Со времен Фрейда психоанализ (и психоаналитическая теория) приобрел отчетливо “психодраматическое” измерение, – читаем мы в одной из ключевых статей, посвященных этой проблеме. – А психодрама, со времен Морено, – выраженные “психоаналитические” качества. Эти два “терапевтических театра” представляют собой не только соприкасающиеся, но и взаимопроникающие традиции» (Кадыров, 1998). Однако возможность совместного применения психодрамы и психоанализа обусловлена не только наличием в них «взаимопроникающих тенденций», но также и тем, что «психодрама как метод удивительно “веротерпима” и образует интересные и продуктивные сочетания с разными подходами» (Михайлова, 2001): помимо психоанализа, еще и с арт-терапией, эриксоновским гипнозом, юнгианским «мировоззрением» и т.д.

Надо также учитывать, что психоанализ со времен Фрейда претерпел значительные изменения, обогатившись новыми тенденциями. С момента описания в 1914 году З.Фрейдом «первичного нарциссизма», где данный феномен определяется как общее первоначальное состояние либидо, направленного на Эго в качестве объекта либидинового влечения, психоанализ обогатился множеством новых теорий. Этот вновь народившийся концептуальный контекст не только дал глубокое теоретическое объяснение многим психическим феноменам, расширив при этом и понятие нарциссизма, но и обнаружил большую практическую ценность, позволяя работать с широким кругом психических нарушений. Мы имеем в виду теорию *объектных отношений* (М.Кляйн, У.Фэйрбейрн, Д.В.Винникотт,

М.Балинт), концепцию *недифференцированности либидо и агрессии* (Г.Розенфельд), понятие *контейнера и контейнирования* (У.Бион), теорию *самости* (Х.Кохут), представление о значимости аффекта как *связующего механизма Я-объект-репрезентаций* (О.Кернберг) и пр.

С другой стороны, в этот же период произошло обогащение и психодрамы, прежде всего за счет так называемого «вертикального» подхода, предложенного Зеркой Морено, последовательницей идей Якоба Морено. Эта страница в развитии психодрамы способствовала еще большему сближению последней с психоанализом, поскольку указанный подход фокусируется на событиях, имевших место в детстве протагониста, на его примитивных переживаниях и усматривает в них причину проблем, которые он переживает в настоящем.

Дальнейшее сравнение этих двух психотерапевтических систем предполагает, однако, и указание на принципиальные разногласия, существующие между ними.

2. «Действие» в психодраме и психоанализе

Несогласия, разделяющие психоанализ и психодраму, касаются, прежде всего, того места, которое в том и другом подходе занимает *действие* как таковое.

Говоря словами французского аналитика Ж.Люстена, в психоанализе «действие имеет плохую репутацию, поскольку чаще всего определяется через *отреагирование*» (Люстен, 2001), а *отреагирование*, как мы увидим ниже, «плохо» уже тем, что, будучи эмоциональной разрядкой, выступает антиподом осознания внутренних конфликтов, протекающего в вербальной форме, и поэтому не является специфической целью психоанализа.

Что касается психодрамы, то она, напротив, целиком основана на действии. Статичная психодраматическая сессия, в которой преобладают разговоры, считается неудачной. Для определения аналитической деятельности психодраматиста в большей степени подходит определение «анализ *действия*», нежели «психоанализ» или «социоанализ». Инсайт, достигаемый в психодраме, в отличие от психоаналитического инсайта, иницируемого вербальной интерпретацией, также движется действием, и не случайно Морено называл его «*инсайтом-в-действии*». Чтобы добиться такого инсайта, необходима интеграция эмоционального, когнитивного, поведенческого, межличностного и обучающего опыта протагониста (Келлерман, 1998).

«Инсайт-в-действии» не сводит терапевтический эффект психодрамы только к *отреагированию* и *переживанию* акционального (от англ.

action – действие) катарсиса. Само по себе *отреагирование* выступает здесь лишь как частный случай психодраматического *отыгрышания в действии*, и далеко не главный. Наряду с «отреагированием» понятие «отыгрышание в действии» в контексте психодрамы включает в себя и ряд других компонентов:

- 1) проживание, разыгрывание с помощью движений;
- 2) отреагирование («вентиляция» чувств),
- 3) повторное переживание – воплощение в действии прошлого события, а также опережающее переживание – воплощение в действии события будущего, как если бы оно происходило «здесь и сейчас»;
- 4) выражение внутренней реальности во внешнем мире;
- 5) невербальную коммуникацию, спонтанное использование «языка действий»;
- 6) все действия (заявленные, манифестированные) на психодраматической сцене (Келлерман, 1998).

Что касается психоанализа, то там категория «действие» имеет как минимум два значения: действие как не ментализированная активность, характерная для ранних стадий развития ребенка, и действие в значении «отыгрышания» (*acting out*).

В первом случае оно постепенно заменяется «психическим экспериментированием» или внутренним «примериванием», которое требует существенно меньшей энергии и постепенно становится мышлением (Люстен, 2001). Однако уход от ментализации в действие, как у ребенка, так и у взрослого, может также выступать в качестве регрессивного механизма, проявляясь теперь в форме отреагирования и служа, таким образом, индикатором конфликта защиты. Что касается категории действия во втором его значении – как «отыгрышания», то последнее имеет место, когда посредством действия (и взамен речи!) в процессе психоанализа или других форм лечения, базирующихся на вербализации, находят свое выражение ранние воспоминания, установки, конфликты пациента. Отыгрышание может возникать непосредственно в контексте психоаналитической ситуации или в виде последующей реакции на нее (причем, анализируемый не осознает, что тем самым он чего-либо избегает). Переживание, недоступное для припоминания и вербализации, воспроизводится в действии вне осознания его значения, в чем, с психоаналитической точки зрения, и заключается его «порок». Поэтому вполне закономерно, что оно расценивается как сопротивление при переносе или частный случай «негативной терапевтической реакции» (*Психоаналитические термины и понятия*, 2000).

Следует заметить, что «отыгрывание в действии» в условиях психодрамы ограничено рамками терапевтического процесса, то есть имеет свое начало и конец. При этом, по мнению некоторых теоретиков психодрамы, в частности П.Келлермана, различия, обусловленные тем, происходит ли отыгрывание в рамках терапевтической ситуации или за ее пределами, которым в психоанализе придается существенное значение, с позиций психодрамы не столь важны. Гораздо большее значение здесь придается отличию между отыгрыванием как *открытым* действием, находящим выражение вовне, и тем же феноменом, но протекающим в форме *внутрипсихической* реакции (Келлерман, 1998).

Наконец, мы подходим непосредственно к теме агрессии.

3. Агрессия и нарциссический гнев на психодраматической сцене

Психоаналитики отмечали, что действие агрессии может либо находить выражение, используя язык тела, мышечной системы и речь, либо вытесняться и подавляться. В случае ее вытеснения задача аналитика состоит в том, чтобы деструктивные импульсы были осознаны пациентом. При этом допускается только вербализованное проявление агрессии, в то время как мышечная активность пациента во время сессии минимизируется. Таким образом, поскольку один из способов проявления агрессии в условиях психоанализа становится недоступным, то он может разворачиваться в форме отыгрывания вне терапевтической ситуации.

Было также замечено, что «если агрессивным сигналам (злости, гнева) не уделяется внимание, и если они не приводят ни к каким поведенческим действиям, направленным на то, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, то прогрессирует эмоциональное возбуждение (данное положение соответствует тезису З.Фрейда о суммировании сигналов). Перевозбуждение проявляется в состоянии злости или гнева, которое, как правило, ведет к неконтролируемому агрессивному поведению... Аналитическая ситуация предупреждает моторную агрессию, систематически создавая условия, при которых, вкупе с инсайтом, оперативно усиливается *не-действие*. Однако существует угроза соматизации аффективных взрывов, если им невозможно препятствовать посредством интерпретаций аналитика» (Moser, 1978, p.236; цит. по: Томе, Кэхэле, 1996).

В психодраме, в отличие от психоанализа, для проработки агрессивности доступны все способы ее проявления, в том числе и физические, поскольку исходно предполагается, что «роль», в которой пребывает участник психодраматического действия, обязательно включает в себя не

только вербальный компонент, но и мышечную активность. Существует набор специальных техник, которые позволяют получить доступ к подавляемой агрессии, и множество способов работы с ее манифестациями. Задача директора – организовать действие таким образом, чтобы появилась возможность для актуализации вытесняемой и подавляемой агрессии и ее безопасного выражения в вербальной и невербальной формах.

В случае подавляемой агрессии директор наблюдает взаимодействие протагониста с объектом агрессии, улавливая все, даже едва заметные движения протагониста. Применяется техника *максимизации действия*, выражающейся, например, в более громком произнесении реплики или в увеличении амплитуды и силы движения. Используется пространство, чтобы речевые метафоры («быть загнанным в угол», «припертым к стене») можно было перевести в соответствующую форму действия. Применяется также техника *вывода в зеркало* – позицию, из которой протагонист может наблюдать исходно заданное им взаимодействие, и пр. Таким образом, директор, сочетая *директорское дублирование*¹ с адекватной организацией действия, производит соответствующие интерпретации.

В этом контексте неизбежно возникает вопрос, связанный с проявлением *сопротивления* в психодраме.

Большинство практиков психодрамы полагает, что сопротивление клиента терапевтическим интервенциям преодолевается значительно легче в отсутствие противостояния в отношениях «клиент-психотерапевт». Выступая на психодраматической сцене, терапевт никогда открыто не борется с сопротивлением, чтобы не рисковать рабочим альянсом. Как замечали классики психодрамы, «используя агрессивные чувства, “разогретые” в нужный момент, негативно настроенного и сопротивляющегося пациента можно превратить в продуктивного и искреннего человека» (*Moreno & Moreno, 1959*; цит. по: *Келлерман, 1998*). Встретившись с протагонистом «внутри» его «психического пространства», развернутого на сцене, психодраматист оценивает, с каким сопротивлением можно работать, а каких его форм некоторое время лучше не затрагивать. Перед директором стоит множество задач – понять силу Эго протагониста, его устойчивость в отношении тревоги, адаптивную способность, общий уровень спонтанности – и в точном соответствии со всем этим выбрать метод воздействия.

¹ Дублирование – одна из базовых техник психодрамы, которая заключается в том, что вспомогательное лицо или директор становится внутренним голосом, «психологическим двойником» протагониста, чтобы помочь ему проговорить невысказанные мысли и суждения, более полно и открыто выразить чувства.

Если протагонист достаточно «разогрет», чтобы проявить свои агрессивные импульсы, то директор обязан обеспечить пространство, где они могут быть выражены, а также найти безопасный и символически адекватный способ их выражения. При этом должен соблюдаться принцип «непричинения физического вреда» другим участникам психодраматического действия и предотвращена поломка предметов, специально не предназначенных для использования в текущей работе. «...Следует различать свободу в выражении сути действия и его формы. Если суть выражается без ограничений, то форма регулируется по определенным правилам» (Келлерман, 1998). Физическое отреагирование может сопровождаться вербальным. При этом директор должен следить за дыханием протагониста, его мышечным напряжением, свободой движения и пр., одновременно обеспечивая безопасность как самого протагониста, так и окружающих.

Принимая решение о переходе к сцене выражения агрессии, психодраматист руководствуется теми же принципами, что и психоаналитик, приступая к интерпретации негативного переноса. Как известно, преждевременные интерпретации не создают благоприятных условий для выраженной разрядки эмоций, и пациенту в этом случае не удастся войти в подлинный контакт со своими чувствами. Помня об этом, директор должен организовать психодраматическое действие таким образом, чтобы оно «разогревало» протагониста, во всяком случае, не снижало его энергии до наступления сцены, где агрессия могла бы найти полноценное выражение.

Необходимо заметить, что, решаясь на акт отреагирования агрессии протагонистом, директору следует руководствоваться не только принципами безопасности, но и диагностической информацией относительно выраженности тех психических нарушений, которые характеризуют личность клиента. В некоторых случаях, когда, например, пациент находится в состоянии высокого моторного возбуждения, приходится думать, скорее, о контейнировании деструктивных импульсов, нежели об отреагировании. В работе с достаточно нарушенными пациентами, которых отличают высокая тревожность, слабое Эго, директору приходится балансировать между двумя противоположными задачами: предоставлением протагонисту возможности отреагирования и снижением присущего ему аффекта посредством неоднократного его «вывода в зеркало» с последующим анализом происходящего.

Однако напомним, что отреагирование в этих случаях отнюдь не является самоцелью, и физическое выражение агрессии выполняет, по крайней мере, еще две функции:

- 1) уменьшения мышечного напряжения, временного снижения фрустрации, достижения катарсической разрядки и спонтанного выхода эмоций;
- 2) перехода к следующей сцене – дальнейшему процессу анализа и проработки его результатов, а отсюда – к началу личностного изменения и интеграции.

Как заметила Зерка Морено, «после экспрессии должна наступить сдержанность». После фазы выражения чувств и разрядки в психодраме наступает фаза, которая включает в себя интеграцию выраженных чувств, приобретение новых адаптационных стратегий, проработку межличностных отношений, прояснение неясных чувств. Иначе говоря, наступает фаза установления связи между аффектом и сознанием. В работе с агрессией решаются вопросы ее смысла и значения, обсуждаются адаптивные способы ее выражения, изыскиваются возможности управления ею, формируются возможные варианты ее присутствия в межличностных отношениях, устанавливается связь между выражением/ невыражением агрессии и соматическими симптомами, высвобождаются блокируемые чувства протагониста по отношению к другому(им) лицу(ам).

В случае работы с *агрессией нарциссических личностей* особую важность приобретает следующий характерный момент. Обычно агрессия, направленная на людей или объекты, которые стоят на пути удовлетворения насущной потребности индивида, исчезает после того как желанная цель оказывается достигнутой. Так – в норме. Что касается нарциссического гнева, то он ненасытен. Отсюда следует ожидать, что терапевт может столкнуться с проблемой вновь и вновь повторяющегося желания аффективной разрядки со стороны пациента или, напротив, с сопротивлением этому действию, поскольку, говоря словами Х.Томэ, «нарциссические пациенты отказываются принимать участие в повседневных агрессивных конфликтах, потому что для них это немедленно становится вопросом “все или ничего”. В силу своей повышенной ранимости эти пациенты находятся внутри порочного круга бессознательных фантазий мести» (Томэ, 1996).

Перед психодраматистом остро встает проблема частоты, интенсивности и целесообразности отреагирования агрессии пациентом с нарциссическими нарушениями. Решение в пользу выражения агрессии принимается в следующих случаях:

- если у протагониста *отсутствует спонтанность* в проявлении негативных чувств;
- если у него имеется *соматический симптом*, связанный с подавленным гневом, и необходимо трансформировать нарциссический гнев в

повседневное, относительно безобидное агрессивное соперничество и/или проследить происхождение нарциссических обид;

– и, наконец, если требуется исследовать объект агрессии пациента.

При этом в работе с нарциссическими пациентами особую значимость приобретают пространственное и временное ограничение процесса отреагирования и внимательное отношение к телесным симптомам, связанным с агрессией.

Работая даже с относительно легкими формами нарациссических нарушений, психодраматист должен понимать, что в крайней форме нарциссические чувства грандиозности могут проявляться в идее безграничности и бессмертия. При этом, в случае нарциссической депрессии (например, при синдроме Котара²) возникает ряд бредовых представлений о нахождении в гигантском мире, в бесконечности пространства и времени; и чем более грандиозным ощущает себя пациент, тем глубже его отчаяние. Бред величия сопровождается здесь утратой контроля над границами тела. Очень часто при этом возникает ощущение некой сдерживающей субстанции, которая осуществляет защиту от рассеивания и последующей потери своей идентичности. В то же время экспансия телесного образа может выражать всемогущее стремление – захватить окружающее пространство. Соломон Резник приводит примеры случаев, когда психотические пациенты описывали себя как «большой взрыв», веря, что если их тенденция к экспансии будет продолжаться, то это закончится гибелью окружающего мира. «...Экспансия является движением границ тела вовне, но при этом оно остается привязанным к телу. Это более примитивный механизм, чем проекция и проективная идентификация, которые предполагают, что мы проецируем нечто в пространство за пределами тела, таким образом, отделяясь от него» (Резник, 2005).

Поскольку описанные выше процессы лежат в основе нарциссической патологии, психодраматист, работая даже с относительно не тяжелыми нарциссическими нарушениями, должен, тем не менее, помнить о необходимости более четкой и структурированной организации символического пространства, иными словами, о *контейнере*. В этом случае понятие «контейнера» предполагает, что и в самой драме отреагирование

² Синдром Котара (меланхолическая парафрения) – фантастический бред нигилистического и ипохондрического содержания, формирующийся на фоне тревожно-депрессивного состояния. В состав синдрома Котара могут также входить, хотя далеко не всегда, бред мучительного бессмертия (больной убежден в том, что он будет вечно мучиться и страдать), отрицательного величия (злого могущества) и бред гибели мира (больной уверен в наступающем конце света).

агрессии должно совершаться четко в рамках отдельной сцены, пространственно отделенной от предыдущей и последующей сцен.

Внезапное физическое проявление агрессии со стороны протагониста, возникшее прямо на первом шаге драмы без всякого предшествующего ему «разогрева», может оказаться не более чем признаком сильного моторного возбуждения, а данное состояние ставит под сомнение пригодность протагониста к терапевтической работе и требует незамедлительного выяснения его причин.

В сцене, следующей непосредственно за отреагированием, должна происходить интеграция выраженных агрессивных чувств, дальнейший анализ и проработка заявленной протагонистом темы.

К устранению симптома, вызванного сдерживанием агрессии, необходимо подходить также с определенной осторожностью, поскольку функционально симптом может играть роль «сдерживающей оболочки».

Участница длительной психотерапевтической группы, Н., в структуре личности которой преобладали нарциссические нарушения, заявила тему работы, связанную с жалобой на симптом, выражавшийся в распирающей головной боли. В результате психодраматической работы в группе головная боль перестала ее мучить, однако головную боль сменили отклонения на поведенческом уровне. По рассказам пациентки, она стала постоянно позволять себе агрессивные выпады в адрес коллег по работе. Примечательно, что ощущение некоторой неполноценности, которое, так или иначе, испытывала пациентка, сменялось чувством высокой собственной значимости, даже грандиозности, что проявлялось в приписывании себе несомненного превосходства над коллегами в компетенции, а также в навязчивом стремлении конкурировать с окружающими.

Симптом, выражавшийся в распирающей головной боли, возник в результате отрицания и сдерживания нарциссической агрессии. Заключенная «в границах тела», как в «сдерживающей оболочке», агрессия в результате своей манифестации в ходе психодраматической работы вышла за границы тела, но контейнировать ее в рамках психодраматической сцены не удалось, и она нашла свое приложение вне терапевтического пространства. Этот факт не повлек за собой серьезных последствий в жизни Н., поскольку она продолжала проходить групповую терапию и новая симптоматика явилась лишь материалом для дальнейшей проработки темы конкуренции и множества искаженных установок, касающихся отношений Я-Другие. Более того, манифестация агрессии, помимо исчезновения болезненной симптоматики, имела своим эффектом также безусловный прогресс в терапии Н., поскольку ее гнев нашел объектное приложение.

Осторожность в вопросе устранения симптома особо необходима терапевту, если он работает в жанре коротких клиентских групп и краткосрочной терапии, сфокусированной, например, на симптоме. В этом случае далеко не всегда можно оценить степень тяжести психической нарушенности пациента и увидеть последствия своей работы, поскольку после выполнения контракта пациент покидает терапевтическое пространство, и дальнейшие изменения происходят уже непосредственно в его жизни. Между тем, эти изменения, как мы видели выше, отнюдь не всегда улучшают качество жизни человека и уменьшают степень тяжести его проблем.

4. Агрессия, нарциссическая зависть и стыд

Нарциссические проблемы часто маскируются запросами эдипальной природы или выступают в сочетании с триадными конфликтами. Поэтому уже в момент заключения контракта директору-психодраматисту важно пытаться прояснить, с чем он будет иметь дело. В наибольшей степени это касается конфликтов зависти и ревности, которые часто угадываются в запросах, внешне связанных с проблемой конкуренции. Ранняя «диагностика» позволяет психодраматисту выстроить адекватную стратегию работы, выполнить сопутствующие аналитические задачи и реализовать психодраматический принцип спонтанности.

В запросах, связанных с конкуренцией, очень важно распознать, какой мотив лежит в ее основе. Весьма часто в этих случаях доводится сталкиваться с чувствами ревности и зависти. Если ревность – это сложная эмоция, связанная с чувством любви и необходимо включающая в себя трех участников (субъекта, объекта его страсти и некого третьего, соперника), то зависть подразумевает участие только двоих, один из которых сравнивает себя с другим, завидует его успехам и удачам или тому, чем он обладает.

Ревность является частью эдипова комплекса, поэтому объект ревности нередко характеризуется интегрированными объект-репрезентациями, где всегда наличествуют «хорошие» и «плохие» образы. В отношениях, окрашенных ревностью, есть место для идеализации, агрессии, тревоги, вины и, главное, любви, а не только для желания удовлетворить свои потребности или обиду на недостаток внимания к собственной персоне.

Что касается зависти, то, следуя точке зрения Нэнси МакДугалл, это чувство представляет собой «двойственное соединение отрицательного самоуощущения и гнева» (цит. по: *Райнкрофт*, 1995). Объект зависти, как правило, либо обесценивается, либо идеализируется, при этом даже идеализация часто выступает вкупе с тем же обесцениванием. Конфликт зависти решается либо отказом от желаний и принятием реальности, либо,

как уже отмечалось выше, путем уничтожения объекта зависти или его «орального присвоения».

В литературных источниках, посвященных проблеме зависти и работе с этим чувством в психодраме, выделяются следующие психотерапевтические задачи:

- 1) отделение качеств, свойств и ресурсов, которыми обладает объект зависти, от него самого как личности;
- 2) проработка феномена обесценивания объекта зависти, вывод «наружу» чувства ненависти и агрессии;
- 3) определение истоков этих чувств и адекватное их отреагирование;
- 4) трансформация зависти в восхищение и/или уважение к объекту зависти (Власова, Щербаков, 2005).

В работе с пациентами, которых отличают нарциссические нарушения, не раз доводилось замечать, что объекты зависти могут представлять для них в виде отдельных качеств, которые приобретают в их глазах особую значимость и легко становятся предметом идеализации, будучи, скажем, высоко одобряемыми в социальном плане, либо символизируя собой непосредственно статус и силу. Представленные на психодраматической сцене, эти персонажи-качества мало напоминают живых людей. Работая с данной тематикой, психодраматисту не следует прибегать к традиционному приему обмена ролями, где протагонист должен выступать в образах этих персонажей, поскольку тем самым примитивные фантазия обладания, которые ему свойственны, могут получить лишнюю поддержку (Власова, Щербаков, там же). Главная задача психотерапевта состоит в том, чтобы помочь протагонисту достроить объект зависти до *интегрированного образа*, используя в качестве прототипа либо знакомого человека, либо виртуального героя, известного по кино- и литературным сюжетам, а затем с помощью обмена ролями попытаться «оживить» его. И лишь после этого можно приступать к выполнению задач 2-4, которые указывались выше.

«Достраивание» образа объекта зависти может происходить в диалоге, организованном на основе директорского дублирования или вопросов, приглашающих протагониста к размышлению о человеке, вызывающем зависть. Можно спросить, откуда у него взялись эти качества и как они изменили его жизнь, что мешало и что помогало ему в достижении успеха, какова цена этого успеха и каковы его слабые стороны, как наличие данных качеств помогает справляться с трудностями или, напротив, создает проблемы и пр. При этом самой сложной задачей представляется подчас – избежать обесценивания желаемых качеств или их символического «уничтожения» протагонистом. Предупреждению такого нежелательного оборота событий призваны служить действия, направленные на ук-

репление Эго протагониста. С этой целью иногда полезно дать ему возможность услышать похвалу со стороны «объекта зависти» или ободряющее утешение: «ты не обладаешь этим, зато...». В любом случае, даже если в исходе работы происходит отказ от желанных качеств, он должен быть результатом не обесценивания, а творческой, компенсаторной, соответствующей реальности и желаниям протагониста, инициативы.

Этиологически родственным феномену зависти является нарциссический *стыд*, находящий свое выражение при нарциссических нарушениях личности, в низкой самооценке, нерасположении к принятию другого как «хорошего объекта», бессознательных фантазиях его «уничтожения», а также в неспособности, ввиду собственной «грандиозности», просить о помощи и принимать ее.

5. «Убивать ли плохую часть» – переосмысление одной психодраматической техники

В начале этой части статьи хотелось бы отметить, что аналитики не пришли к единому мнению относительно дифференцированности агрессии и либидо как форм энергии влечений. Даже в том случае, когда деструктивные инстинкты рассматривались в качестве независимых (в концепциях Кляйнманцев), некоторые аналитики указывали на то, что их нельзя наблюдать в чистом виде (Г.Нюнберг, Г.Розенфельд), замечая лишь преобладание того или иного импульса над другим в каждый момент времени. Г.Розенфельд описывал случаи тяжелых расстройств характера, при которых деструктивные импульсы доминируют над всей личностью человека. Он считал, что идеализация нарциссического патологически грандиозного собственного Я может включать, в числе прочего, идеализацию его всемогущих, разрушительных частей. По его мнению, эти состояния представляют собой случаи такого патологического слияния инстинктов, когда деструктивная часть личности подчиняет себе ее либидную часть (цель аналитика в этом случае состоит в установлении контакта с либидной частью пациента).

Феномены слияния деструктивных импульсов с либидинозным инстинктом отмечаются не только при тяжелых личностных расстройствах, где эти проявления в каком-то смысле закономерны, но и в условиях активации нарциссических тенденций в личности человека, не страдающего тяжелой патологией.

В рамках мастерской «*Элементы психологического «альпинизма» в работе с клиентами с нарциссическими нарушениями*», которая проводилась в ходе декадника «Швейцарский нож психотерапевта» в Институте групповой и семейной психологии и психотерапии, участникам был

дан ряд упражнений. В одном из них предлагалось «рассказать о том, что, по собственному мнению участников, они делают хуже всех и, возможно, стыдятся этого». Упражнение вызвало заметное оживление и энергетический подъем, значительно большее, чем при выполнении предыдущего задания, когда требовалось «вспомнить то, что было связано с чувством обладания чем-то очень хорошим». Примечательно, что в ходе «шеринга» большинство участников подтверждали, что они, действительно, получили большее (в крайнем случае, равное, но никак не меньшее) удовольствие при выполнении второго упражнения, по сравнению с первым.

Этот случай демонстрирует, что при активации *нормальных* нарциссических тенденций (что в приведенном примере было вызвано вниманием к собственному Я участников и разрешением говорить на «запретные темы») как раз либидинозная энергия, направленная на собственное Я, «одерживает победу» над деструктивными импульсами. Это позволяет интегрировать плохие Я-репрезентации, что означает их предварительное принятие, последующее повышение на этой основе самооценки и формирование позитивного образа себя.

Вопрос о недифференцированности либидо и агрессии заставляет нас вернуться к вопросу о *природе агрессии*. Среди теоретиков психоанализа до сих пор существуют разногласия по этому поводу. Одни авторы, главным образом последователи М.Кляйн, придерживаются классической теории З.Фрейда, где агрессия, как известно, рассматривается как следствие инстинктивного влечения к смерти. Другие (М.Балинт, Х.Кохут, Р. Уэлдер, В.Тэххе) отстаивают реактивную концепцию агрессии, объясняя ее деструктивные импульсы реакцией в ответ на угрозу чувству самосохранения или на фрустрацию (в частности, фрустрацию либидинозного влечения). Некоторые психоаналитики отмечают неспецифичность агрессии и предлагают исследовать ее причины и проявления в каждом конкретном случае отдельно, рассматривая их континуально, то есть, различая агрессию и деструкцию, соответственно как нечто удовлетворяющее в одном случае и разрушительное – в другом, а разрушение, в свою очередь, подразделять на уничтожение и собственно разрушение (Д.Винникотт). Отдельные авторы подчеркивают позитивные функции агрессии как средства реализации инстинкта самосохранения, действующего *наряду* с либидинозной энергией или борьбой Я за свое подтверждение. В этом случае она расценивается как импульс, побуждающий к действию и активности, характерный, в частности, для осуществления задач развития (Р.Шпиц), а в конечном счете – как один из движущих терапевтических факторов (Ж.Люстен).

Та же тенденция прослеживается и в вопросе происхождения нарциссической агрессии. Два виднейших теоретика нарциссизма – Х.Кохут

и О.Кернберг – также демонстрируют совершенно разные позиции в этой области и столь же несхожее отношение к агрессивным проявлениям нарциссических личностей. Х.Кохут фрустрацию и порождаемую ею агрессию относит к внешним факторам, исходно не связанным с самостью. Как он полагает, агрессия «возникает из неспособности окружающих объектов самости удовлетворить потребность ребенка в оптимальных – но, следует подчеркнуть, не максимальных – эмпатических ответах» (Кохут, 2002). Дискутируя с Кохутом, О.Кернберг подвергает сомнению его утверждение о вторичности агрессии, считая, что в развитии нормального и патологического нарциссизма всегда участвуют как либидо, так и агрессия; последняя, в случае патологического нарциссизма, является отщепленной в виде диссоциированных, вытесненных или спроецированных (определяемых агрессией) Я- и объект-репрезентаций (Кернберг, 2001). Вместе с тем, Кернберг не отрицает адаптивные проявления агрессии, которые могут находить выражение, к примеру, в честолюбивых целях, поставленных человеком перед собой, а также интеграцию агрессии со структурами Супер-Эго, проявляющимися у пациентов в направленности на себя. Соглашаясь с Х.Кохутом по поводу большого значения, которое идеализирующий перенос имеет в терапии, прежде всего, в работе с нарциссическими пациентами, Кернберг интерпретировал его как проекцию патологического грандиозного Я или защиту от агрессии при защитном расщеплении между идеализацией и обесцениванием.

Идея диссоциированных плохих Я- и объект-репрезентаций заставляет иначе взглянуть на возможность применения в работе с пациентами, с диагностированными нарциссическими нарушениями, одного из методов отреагирования агрессии, относительно часто используемого в психодраме. Речь идет о приеме, получившем название *убийство плохой части* личности (плохого интроекта). В данном случае фокус внимания будет сосредоточен не на том, как должен быть обставлен этот акт, не на технической стороне отреагирования, а на том, *стоит ли осуществлять его вообще*.

При работе с клиентом *ненарциссической* патологии, то есть невротического уровня, психодраматист применяет эту технику, желая предоставить протагонисту возможность выразить агрессивные чувства по отношению к значимому другому. При этом главная преследуемая им цель – обеспечить дальнейший контакт с «хорошей» частью, который определяется общим контекстом работы. Поскольку при невротической структуре личности образ объекта в достаточной степени интегрирован, отделение «плохой» части помогает Супер-Эго позволить по отношению к ней агрессивные действия, не затрагивая «условно хорошую» часть. Условность состоит в том, что в норме нельзя отделить «плохую часть» с такой точ-

ностью, чтобы оставшаяся содержала только идеализированные объект-репрезентации. «Плохая часть» в этом случае всегда значительно меньше целого, ситуативна в своем определении, ее уничтожение не означает для индивида уничтожения объекта целиком, ассоциируясь, скорее, с частичным преобразованием, перестройкой образа объекта. С помощью этой техники психодраматист решает задачу контакта протагониста со своими агрессивными чувствами, дает возможность ихотреагировать, а затем вступить в диалог с «целым», который, как правило, окрашен чувствами любви, жалости, сожаления, вины и т.д.

В работе с нарциссически нарушенными личностями даже в случаях нетяжелой патологии, когда еще сохраняются достаточно устойчивые интегрированные объект-репрезентации, возможность применения этой техники кажется сомнительной, поскольку в этиологии нарциссического нарушения всегда присутствует тенденция к разделению агрессивно катектированных и либидинозных объектов. Нарциссически нарушенный пациент бессознательно чувствует «плохую» часть, тяготеет к ней, отщепляет ее, проецирует и желает ее уничтожения. Понимая это, психодраматист не должен искусственно поддерживать или создавать патогенную ситуацию, провоцируя дезинтеграционные процессы, которые спонтанно утратили или ослабили свою активность.

Возникает вопрос, что можно предложить взамен, чтобы сохранить в психодраматической работе возможность канализации агрессии, возникающей в контексте взаимодействия индивида с достаточно интегрированным образом значимого другого. Таким каналом, на наш взгляд, может выступать какой-либо атрибут или отдельное проявление объекта. Другими словами, мы предлагаем переформулирование, где категорическое «ты мне не нравишься» трансформируется в более мягкое: «мне не нравится в тебе» (то-то), «когда ты поступаешь подобным образом, я злюсь». Широко известный прием, являющийся одним из базовых принципов психологического консультирования, приобретает в этом случае особое значение. Кроме того, психодрама позволяет зримо вывести «раздражитель» в отдельный образ и совершить над ним «расправу».

В одной из сцен клиентка Н. выражала агрессивные чувства, которые она испытывает по отношению к своему начальнику: «Он не плохой человек, но когда звонит мне с утра и дает поручения...– свинья!!!» (Далее следовал удар свернутым листом ватмана по стулу). Очевидно, что здесь объектом агрессии был не начальник, даже не его часть, а именно «с-утра-звонящий-и-дающий-поручения-начальник». Таким образом, в этой сцене происходит действие не по отношению к собственному объекту, а в приложении к объекту, совершающему определенное действие.

В завершение этой темы хотелось бы заметить, что независимо от специфики нарушений личности протагониста, «процедура уничтожения объекта агрессии» требует предварительного понимания его функционального и символического значения для пациента – насколько он интегрирован в структуру его личности, какие защитные и компенсаторные функции он выполняет. В тех случаях, когда объект агрессии недостаточно отделен от протагониста или выполняет защитную функцию, «убивать плохую часть» не рекомендуется, поскольку это может оказаться равноценным destructivному вмешательству в интегральную Я-репрезентацию пациента.

6. Нарциссическая агрессия и контрперенос

Хотелось бы отметить ряд трудностей, с которыми сталкивается психотерапевт, работая с нарциссически нарушенными пациентами.

Во-первых, независимо от применяемого метода, в терапии, помимо характерных контрпереносных реакций (чувства скуки, сонливости, ощущения, что ничего существенного в работе не происходит, что консультант игнорируется как реальная личность и служит лишь функции поддержания самооценки пациента), непременно присутствует агрессия.

Агрессивные контрпереносные реакции могут выступать непосредственным откликом на нарциссические проявления клиента или могут быть вызваны той агрессией, которая в этих случаях в латентной или манифестной форме присутствует в терапевтическом пространстве. Но независимо от вызывающих ее причин, такое «...незрелое и опасное совпадение отношений любви и ненависти», как полагает Д.Винникотт, ставит аналитика в положение матери новорожденного. «Существует огромное различие между пациентом, обладающим положительным ранним опытом, способным раскрыться в переносе, – замечает он, – и теми, чей ранний опыт оказывается настолько недостаточным или искаженным, что аналитик вынужден стать для них первым в их жизни человеком, обеспечивающим необходимую поддержку со стороны окружения» (Винникотт, 2005).

Дж.Сандлер, подчеркивая различие между манифестным содержанием ассоциативной продукции пациента и его латентным бессознательным, писал, что пациент наполняет анализ «инфантильными ролевыми отношениями, которые он стремится выразить или разыграть (enact), а также защитными ролевыми отношениями, которые он, возможно, сконструировал» (Сандлер, 2005). В этом случае аналитик также оказывается в роли матери, у которой чрезмерность требований ребенка (пациента) вызывает далеко не эмпатический отклик. Винникотт утверждает, что в подобной ситуации аналитик не может отрицать возникающую у него ненависть (Винникотт, там же), а Г.Этчегоен утверждает, что гнев в таких

условиях может даже стать хронической контрпереносной реакцией. Кроме того, по мнению этого автора, «патология глубоко регрессивного пациента реактивирует архаические невротические паттерны аналитика» (Этчегоен, 2005), более того, понуждает его удерживать их с целью сохранения эмоционального контакта с пациентом.

Иногда аналитики переживают «фазы почти мазохистического подчинения агрессии пациента, непропорциональные сомнения в собственных способностях и преувеличенный страх критики третьей стороной» (Кернберг, 2005). Во многом это также происходит за счет идентификации с агрессией пациента, параноидной проекцией и виной. «Какую бы вы позицию не занимали в споре о том, существует ли инстинкт смерти или агрессия вторична по отношению к фрустрации, есть достаточные доказательства весьма сильной предрасположенности психического аппарата к обращению агрессии на себя. Агрессия вовне и агрессия, направленная на себя, сливаются в попытке пациента нейтрализовать способность аналитика помочь ему, и оба эти элемента также присутствуют в эмоциональном отклике аналитика на эту ситуацию» (Кернберг, 2005).

Выходом из таких ситуаций может быть только осознание аналитиком контрпереноса и использование вторичных защит против собственной эмоциональной позиции.

7. Нарциссический пациент в группе

Работая с нарциссическими нарушениями, терапевт должен постоянно предпринимать небольшие шаги, направленные на преобразование нереалистического образа себя у пациента. Это длительный и весьма нелегкий процесс, поскольку утрата иллюзорной Самости переживается с той же силой, что и необратимые телесные трансформации или тяжелые потери. Чем более грандиозной ощущает себя нарциссическая личность, тем сильнее его переживание утраты. В решении этой стратегической задачи групповая работа располагает формами взаимодействия, которые могут эффективно дополнить методы индивидуальной психотерапии и личной психодрамы. Специально подобранные упражнения, обратная связь, получаемая в «шерингах» и в ходе драмы других участников группы, переживающих те же проблемы, могут воплощать действия, направленные на поддержку его Эго, и развивать в пациенте способность к эмпатии.

Ведущий в этих особо выстраивает линию поддержки, поскольку участник с нарциссическими чертами личности на каком-то этапе работы легко может погрузиться в депрессивное состояние, связанное с утратой гипертрофированной, высокомерной части своей самости. Невозможно переоценить сложность этой задачи, поскольку одновременно ведущий

должен помнить о сохранении функциональности всей группы. Между тем, группа способна выступать и как мощный позитивный фактор, обеспечивающий принятие и поддержку здоровой части Эго обладателя нарциссических черт, и как фактор, провоцирующий рецидивы, когда болезненно затрагивается патологическая часть его личности. Это связано, прежде всего, с внутригрупповым соперничеством, особенно ощутимым в психодраматических группах, где выбор протагониста всегда связан с конкуренцией, несмотря на то, что выбирается тема работы, а не человек.

Соблюдая баланс между групповыми интересами и потребностями нарциссически нарушенного участника, психодраматист может порекомендовать последнему параллельный курс индивидуальной психотерапии. В самом тяжелом случае он вправе воздержаться от действий, блокирующих решение этого участника покинуть группу (особенно – на ранних стадиях ее существования), обеспечив при этом корректное завершение его отношений с другими участниками. Это предполагает процедуру прощания, получение обратной связи от членов группы и ведущих и т.д. Кроме того, ведущий может гибко применять разные форматы работы, в одних случаях более интенсивно используя малые формы («виньетки» – небольшие сценические эпизоды), что позволит ему за одну сессию сделать больше индивидуальных работ, в других – психодраму, центрированную не на протагонисте, а на темах или группе в целом.

В связи с большой вероятностью актуализации агрессии, ведущий группы должен четко и последовательно обеспечивать и одновременно ограничивать место и возможность ее проявления, заботясь о внутригрупповой культуре взаимодействия. Это означает, в частности, что те формы проявления агрессии, которые возможны внутри драмы, не должны допускаться в ходе общегруппового процесса.

В заключение хочется сказать, что работа с нарциссическими нарушениями, которым посвящена эта статья, нелегка, и требует не только владения терапевтическими методами, но и понимания причин возникновения и структуры этой патологии. Знания в этой области крайне необходимы современному практикующему специалисту, поскольку с нарциссическими защитами и чертами характера можно столкнуться практически в любой терапевтической группе, не говоря уже об индивидуальном приеме.

ЛИТЕРАТУРА

Винникотт Д. Ненависть в контрпереносе // Эра контрпереноса / И.Романов, Д.Винникотт, П.Хайман и др.; сост., науч. ред. и предисловие И.Ю.Романова; пер. С.Дураса, А.Дышлевого, З.Баблюяна и др. М.: Академический проект, 2005. С.351-365.

- Власова Ю.В., Щербаков А.С. Яд сердца людского (психодраматическая работа с завистью) // Журн. «Психодрама и современная психотерапия». 2005. № 2-3. С. 33-39.
- Кадыров И.М. Психодрама и психоанализ: два театра для психической драмы // Психологическое консультирование и психотерапия: Хрестоматия. Т. 1. М.: Московский психотерапевтический журнал, 1998. С.122-141.
- Келлерман П. Психодрама крупным планом. Анализ терапевтических механизмов / Питер Феликс Келлерман; пер. с англ. И.А.Лаврентьевой. М.: НФ «Класс», 1998. – 240 с.
- Кернберг О. Агрессия при расстройствах личности / Отто Кернберг; пер. с англ и нач. ред. А.Ф.Ускова. М.: НФ «Класс», 2001. – 368 с.
- Кохут Х. Восстановление самости / Хайнц Кохут; пер. с англ. и науч. ред. А.М.-Боковикова. М.: Когито-Центр, 2002. – 316 с.
- Люстен Ж. Клиника детского возраста // Бержере Ж. Психоаналитическая психология; пер. с франц. А.Ш.Тхостова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.281–378.
- Михайлова Е.Л. Психодрама // Методы современной психотерапии: Учеб. пособ. / Сост. Л.М.Кроль, Е.А.Пуртова. М.: НФ «Класс», 2001. С.79-124.
- Психоаналитические термины и понятия / Под ред. Барнесса Э.Мура и Бернарда Д.Файна; пер. с англ. А.М.Боковикова, И.Б.Гриншпуна, А.Фильца под ред. А.М.Боковикова, М.В.Ромашкевича. М.: НФ «Класс», 2000. – 304 с.
- Райнкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Пер. с англ. Л.В.Топоровой, С.В.Воронина и И.Н.Гвоздева под ред. канд. философ. наук С.М.Черкасова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. – 288 с.
- Резник С. О нарциссической депрессии // Психоанализ депрессий: Сб. / Под ред. проф. М.М.Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. С.59-74.
- Розенфельд Г. Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003, № 2. Доступно в сети Интернет: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20030203>.
- Сандлер Дж. Контрперенос и ролевая откликаемость // Эра контрпереноса / И.Романов, Д.Винникотт, П.Хайман и др.; сост., науч. ред. и предисловие И.Ю.Романова; пер. С.Дураса, А.Дышлевого, З.Баблюяна и др. М.: Академический проект, 2005. С.490-500.
- Томэ Х. Современный психоанализ. Т. 1 / Х.Томэ, Х.Кэхэле; пер. с англ. С.Аграчева, М.Аграчевой, М.Арутюнян и др. М.: ИГ «Прогресс»; Литера; Изд-во Агентства «Яхтсмен», 1996. – 576 с.
- Тэхэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход / Пер. с англ. В.В.Старовойтова, В.К.Сукасова, О.В.Сурикова и др. М.: Академический проект, 2001. – 576 с.
- Этцгоен Г. Контрперенос // Эра контрпереноса / И.Романов, Д.Винникотт, П.Хайман и др.; сост., науч. ред. и предисловие И.Ю.Романова; пер. С.Дураса, А.Дышлевого, З.Баблюяна и др. М.: Академический проект, 2005. С.71-147.

ИСТЕРИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ЖЕНСКОГО В КЛИНИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА¹

О.Н. ПАВЛОВА*

Автор, используя некоторые обобщения своего клинического опыта, сделанные на основе теоретических конструктов психоаналитической парадигмы, предпринимает попытку анализа проблем женственности, обнаруживающих себя в ментальности современной женщины. Лейтмотивом текста звучит вопрос: «Как соотносится “женское” и “истерическое” в пространстве женской души?» Реконструированная в психоанализе история детства женщины, их реальных отношений с родителями, бессознательный образ себя как женщины и глубоко внутреннее представление о мужчине, а также фантазмы сексуальных отношений позволяют автору взглянуть на истерию как специфически «женское», очертить границы истерического континуума в женской внутренней реальности и выделить специфические закономерности существования «женского истерического».

¹ Переработанный текст пленарного доклада на Международной психоаналитической конференции «Зигмунд Фрейд – основатель новой научной парадигмы: психоанализ в теории и практике» (к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда). Москва, 16-17 декабря 2006г.

* *Павлова Ольга Николаевна* – канд. психол. наук, клинический психолог, член правления, а также руководитель клинического направления РПО, профессор кафедры специальных психологических исследований Национального института Екатерины Великой, член редколлегии журнала «Психоаналитический вестник».

*Посвящаю этот текст отцам,
воспитывающим дочерей,
и моему собственному отцу.*

Аннигилирование истерии: болезнь, ставшая призраком

Истерия по праву рассматривается как стартовая площадка, отправная точка эволюции психоаналитических идей, и в продолжение многих исследований, посвященных данной теме, мне хотелось бы поразмышлять об этом феномене человеческой души, который все еще хранит в себе немало загадочного.

В наши дни истерия как диагноз утратила свою былую значимость, став значительно менее распространенной, чем в давние исторические времена или в эпоху жизни и деятельности З.Фрейда. Можно сказать, что она превратилась в болезнь-призрак, поскольку оказалась даже устраненной из Международных классификаций психических заболеваний (последнего издания DSM – IV-R). Тем не менее, каждый клиницист не станет отрицать, что истерия по-прежнему существует, и ее проявления мы можем достаточно широко наблюдать в клинике. Болезнь человеческой психики, имеющую документированную историю продолжительностью около четырех тысяч лет, – истерию – дисперсировали и фрагменты ее растащили по разным диагностическим категориям. Указывая этот внушительный временной отрезок, я имею в виду папирус Каун – самый древний в области медицины, время появления которого относится примерно к 1900г. до н.э. В нем дается описание нарушений самочувствия, связанных со смещением матки, в позднейшее время названных истерическими проявлениями. Уже сто лет назад Пьер Жане, видимо, предчувствуя это предстоящее во времени категориальное аннигилирование истерии, вступил в борьбу за сохранение данного термина и стоящих за ним психических – как патологических, так и нормальных – особенностей и проявлений. Так, например, он писал: «Слово “истерия” следует сохранить, несмотря на то, что его первоначальное значение сильно изменилось. Сегодня его будет очень трудно осовременить, и воистину оно имеет такую великую и прекрасную историю, что будет болезненным от него избавиться» (Жане, цит. по: Шапира, 2006, с.7).

Я целиком разделяю это мнение, и хотела бы здесь обсудить, какие же трансформации мы можем наблюдать в прочтении истерии сегодня? Какими должны быть клиническое описание и понимание истерического склада в наше время? Я хотела бы также обратить внимание на то, что буду рассматривать этот феномен под определенным углом зрения – как

специфическое проявление женской души, и поэтому условно назову его «женским истерическим». И тогда наши вопросы примут более определенный характер, а именно: как встроено «истерическое» в женскую душу, если, говоря словами современного философа Вадима Руднева, «истерическая семиотика – эмоции и желания – традиционно считается женской» (Руднев, 2006, с.107). Иначе говоря, как соотносится *женское* и *истерическое* в пространстве женской души? Если между тем и другим началами существует взаимосвязь, то какова она? Все ли женщины – «истерички», как их довольно часто именуют мужчины? И что значит быть женщиной, будучи истеричкой? Как обычно в психоанализе, вопрос возникает значительно больше, чем находится на них ответов.

«В XX веке поведение, заключающееся в “жалобных причитаниях” и “заламывании рук”, окружающие встречают не просто без симпатии, а даже с отвращением... Падающие в обморок леди викторианской эпохи не в состоянии побудить к себе ни малейшей симпатии у своего социального окружения... Таким образом, истерия, по существу, перестала вознаграждать человека. Заботливое внимание, которое веками чувствовали к себе истерические женщины, в XX веке уступило место бесчувственному безразличию...» (Veith, 1965, p.273) Историк медицины Ильза Вейс, цитату из книги которой я привела, убеждена, что истерия «адаптировала свои симптомы к идеям и моральным нормам каждого общества; при этом предрасположенность к истерии и ее основные характерные черты остались более или менее неизменными» (*op.cit.*, p.225).

Как очевидно, я не первая и не последняя, кто пишет сегодня интерес к истерическим проявлениям человеческой души, и, надеюсь, что смогу добавить некоторую толику знаний к тому, что уже было сказано ранее и другими. В своих размышлениях я отталкивалась от работ и исследований, проведенных не только в русле психоанализа, но и от философских текстов В.Руднева, Ю.Кристовой, М.Фуко, Ж.Делеза, Ф.Гваттари и др. Большое влияние на меня в этом вопросе оказали также мифы и сказки. Помимо прочего, мне показалось вполне современным и созвучным моему пониманию яркое и рельефное описание истерии, данное К.Ясперсом в его докторской диссертации «Общая психопатология», написанной почти 100 лет назад (Ясперс, 1997, с.538-539).

Обозначу некоторые основные моменты того видения, в котором для него выступал профиль истерической личности. В душевном функционировании истерического характера К.Ясперс выделяет один фундаментальный признак. По его мнению, люди подобного склада вместо того, чтобы принять себя такими, какие они есть («я такой-то человек с такими-то возможностями, которые мне присущи и которыми я ограничен»),

значительно преувеличивают собственное значение не только в своих глазах, но и, особенно, в глазах окружающих. Истерическая личность непременно должна вместить в себя больше переживаний, нежели это допустимо с учетом ее потенциала. Место подлинного, неподдельного переживания занимает вымученное лицедейство, переживание, как бы навязанное себе самому. При этом истерик *живет* внутри своей драмы, а не «вымучивает» переживание, намеренно привлекая к этому работу сознания. Остальное, с точки зрения Карла Ясперса, вытекает из вышеприведенного условия уже как его следствие: требование экстраординарных переживаний, отсюда – погоня за столь же сильными стимулами; ощущение себя несчастным и осознание собственной пустоты, когда истерик неожиданно лишается всеобщего внимания; использование болезни и роли страдальца в ситуации неуспеха. Истерическая личность бросается в крайности: либо предается самообвинениям, либо, используя любые средства, принимается доказывать другим и себе собственную исключительность. Постоянный обман и самообман – одна из наиболее характерных черт истериков, что в разной степени приводит к утрате осознания собственной реальности и переходу к фантазийному существованию.

Вот такой демонстративный личностный фон мы имеем безотносительно к полу. И именно таким образом живет и существует, пробираясь через сооруженные ею самой эмоциональные и событийные «буреломы» и «засеки», истерическая женщина. Такой мы узнаем ее, когда она приходит к нам на встречу и исповедует о себе. Но самого главного о ней мы еще не сказали. Отвечая на вопрос, что имеется в виду под «самым главным», использую поэтическую метафору Ильзы Вейс: «Через весь запутанный клубок истории истерии красной нитью проходит *сексуальность*» (Veith, 1965, p.225). Что же происходит с женской сексуальностью в истерическом контексте?

Женское истерическое

Континуум «женского истерического», на мой взгляд, функционирует в женщине в триединстве присущих ему черт, однако, не всегда являя на свет одновременно все три свои составляющие. Три имаго одной женщины могут иметь место в разных событийных и временных ситуациях, при которых одни из них приобретают особую выразительность, а другие остаются невидимыми. То же и в процессе психоанализа: полностью это триединство может обнаружить себя лишь в пространстве длительной психоаналитической работы. Каковы же эти три имаго?

- Хорошо компенсированная истерическая (истерически организованная) женщина предстает перед нами как яркая, обращенная к

людям, хорошо адаптированная харизматичная личность: деятельная, неповторимая, стремящаяся к мужским атрибутам превосходства.

- В других эпизодах ее жизни мы можем видеть маленькую испуганную девочку-куколку, жаждущую заботы и внимания, нуждающуюся в опоре в лице другого человека и не способную понять себя и выразить свои потребности.
- Третьим проявлением «истерического женского» является глубинный образ, наполненный архаической ненавистью и пожирающей, уничтожающей любовью, характеризующийся крайними гротескными проявлениями душевных переживаний, – назовем его «воинствующей женственностью».

Реконструированная история детского развития

Коснемся вкратце *раннего периода* жизненной истории такой женщины, который я реконструировала по результатам психоаналитической работы со многими пациентками, страдающими истерической симптоматикой. В этой истории сыграли свою роль оба родителя. Каждый из них, сам того не ведая, внес значительный вклад в формирование истерической организации личности женщины.

Мать этой женщины, как правило, обнаруживала неспособность в том, чтобы создать адекватную эмоциональную поддерживающую среду для своего ребенка, который, по существу, нуждался в значительно большем, чем она была в состоянии дать. Она не могла ни удовлетворить потребности маленькой девочки, ни контейнировать или хотя бы просто вытерпеть негативные аффекты дочери, возникающие в ответ на массивную депривацию и фрустрацию со стороны матери. Это – ребенок, которого мать не могла понять.

Одна из моих пациенток рассказывала, что в детстве у нее была самая любимая игрушка – заяц, которого она, невзирая на свою любовь, имела обыкновение захватывать двумя руками за нижнюю часть туловища и изо всех сил трясти. Сначала эту «процедуру» девочка осуществляла, забираясь в шкаф, тайком от всех. Спустя время, она уже не таилась и трясла своего любимца, находясь в комнате, на глазах у всех. Никто не мог разгадать, что все это значит и почему она это делает, да и, главное, не пытался понять. Со слов самой пациентки, мать и сейчас, по прошествии стольких лет, любит говорить о том, что в детстве ее было совершенно невозможно понять. Загадочную девочку отвели к врачу, но ответа не получили.

Продолжение этой истории включим в наш собирательный сюжет, клеточкой которого она является. Для того, чтобы как-то существовать на фоне избыточной, неконтролируемой матерью тревоги, девочка должна оставаться в симбиотическом слиянии с нею, без каких-либо попыток сепарироваться от нее. Ребенок растет лишь в качестве придатка матери, который служит отражением ее желаний. Однако потребность девочки быть автономным человеческим существом, которая предполагается закономерностями развития личности ребенка, все сильнее заявляет о себе. И в то же время ребенок все больше переживает страх, рискуя быть брошенной матерью, если осмелится заявить о своих собственных желаниях, не совпадающих с материнскими.

В эдипов период девочка переключается на отца. Отцу, которому нередко не хватает любви и внимания со стороны эмоционально отстраненной (часто раздраженной и не довольной им) супруги, эмоциональное влечение дочери дает ощущение радости и тепла. Рядом с ней он бессознательно фантазирует об обретении объекта любви и душевного друга, по отношению к которым он обладает властью (в отличие от своей жены, матери девочки, где этой власти он лишен). Девочка вновь попадает в кабалу: на сей раз она вынуждена быть отражением желаний и потребностей отца.

Завершающие страницы истории – большая часть собственных влечений ребенка не находит удовлетворения ни в доэдипальный (оральный, анальный) период психосексуального развития, ни, тем более, на генитальной стадии. Соединение девочки с отцом как своего рода «суррогатом» матери приводит к отклоняющемуся формированию зрелой взрослой женственности – замедлению или даже к остановке в данной линии развития. Анализируя воспоминания моих подопечных, я прихожу к выводу, что основные конфликты, связанные с обязанностью быть отражением чьих-то желаний, лежат в большинстве случаев в сфере отношений «отец-дочь». Приведу слова одной из моих пациенток, как пример такой отцовской тирании, осуществляемой с его стороны с самыми благими намерениями: «Папа заставлял меня срисовывать женщин в стиле “Fantasy”. Они ему нравились. А мне это страшно не нравилось, но что я могла сделать?».

Кассандра, мифический персонаж, используемый юнгианской глубинной психологией в качестве прообраза истерической женщины, считает себя любимицей отца. Криста Вольф в одноименной повести (*Wolf*, 1984) подробно описывает историю отношений Кассандры с отцом, основанную на литературном прочтении мифологических фактов. Рассказывая об отце, Кассандра говорит: «Наша близость, как это часто бывает между

мужчинами и женщинами, была основана на том, что я его знала, а он меня не знал. Он видел во мне свой идеал; и предполагалось, что так будет всегда» (*op.cit.*, p.50). Но это отцовское ожидание оказывается для дочери непосильной ношей. Девочка не всегда и не во всем соответствует его желаниям и ожиданиям. И когда она с ним не соглашается, все – как в мифе, так и в реальной жизни – обращается против нее.

Дело осложняется еще и тем, что мать по отношению к дочери выступает в роли, скорее, неистовой соперницы, испытывающей зависть и ярость в связи со сложившейся близостью ее взаимоотношений с отцом. Атмосферу крайне напряженного соперничества между дочерью и матерью, порой переходящего в войну, достаточно точно описывает и Карен Хорни в своей «Переоценке любви...» (Хорни, 1997).

Сложившаяся внутрисемейная ситуация неумолимо приводит душевное состояние девочки к бессознательно переживаемому и полностью завладевающему ей фантазму внутренней борьбы между «мужским» и «женским». *Сражение полов* между родительскими фигурами, представляющими приматы объектов «мужского» и «женского», которое имеет место быть во внутриличностном мире женщины, с наибольшей выразительностью звучит в словах Кассандры (вновь обращаюсь к повести Кристины Вольф): «Внутри меня постоянно происходила борьба. Я считала, так и должно быть. Два непримиримых врага выбрали мертвый ландшафт моей души в качестве поля битвы и вступили в сражение не на жизнь, а на смерть. Между мной и невыносимой болью оказалось только сумасшествие» (Wolf, 1984, p.60).

Моя пациентка об отношениях с отцом и матерью (и даже другими людьми) тоже говорит, используя метафору гладиаторского боя. «Это сражение плохо с двух сторон: либо умираю я, либо я убиваю их. И я выбираю: лучше «умереть» самой. Я «умираю» и становлюсь безвольной куклой, и они ведут меня, куда хотят. И если я скажу, что не пойду, что не хочу туда, – я точно их потеряю. Я не хочу так. Хочется на своих, а не только на их условиях».

Возможно, такое сражение полов возникает в попытке уничтожить устрашающее, насилующее мужское начало. Для этой составляющей внутриличностного объектного поля я выбрала используемое в психоанализе название – *мужское* (Лапplани, Понталис, 1996, с.232). Девочка смотрит на отца *глазами матери* и защищается, пытается сохранить себя. Одно из двух – либо она будет вынуждена уничтожить «мужское» внутри себя, либо «психологически умрет», аннигилируется сама. Страх перед собственной агрессией, исходящий из ее внутренних объектов «мужского»,

обращает женщину к *воинствующей женственности*. Она становится властной, истребляющей мужчин Медеей, валькирией.

Если же «военная кампания» проиграна, и не *мужское*, а именно *женское* (воинствующее женское) внутри уничтожено, остается еще одна возможность продолжить жизнь после аварии в «энергосберегающем режиме», – сохраняя в себе остатки женственности. Разворачивающиеся внутрипсихические действия в «войне полов» становятся причиной регресса к началу фаллической стадии, где для ребенка начинает открываться различие полов, – к «фазе отказа от признания этих различий» (Узер, 2001, с.39). Подобрать метафоры, которые позволили бы с большей или меньшей точностью описать переживаемые женщиной бессознательные фантазмы, отвечающие *спутанному состоянию сексуальной идентичности*, оказывается непросто. Нашим сознанием это может быть воспринято двояко: «не женщина и не мужчина» или, напротив, «и женщина и мужчина». Может быть, более ясными для понимания этого состояния – инкапсулированной в самом ее зачаточном состоянии женственности – окажутся слова самих моих пациенток, сказанных с горечью о себе: я – «женщина-вещь», «маленькая бесполовая куколка», «ненастоящая девочка»...

Таковы метаморфозы «женского» и их внутренняя динамика. Далее я хотела бы более подробно остановиться на специфике образов, возникающих в процессе *патологических трансформаций* объектов «женского». Но прежде еще одно отступление, которое поможет нам почувствовать грань между нормой и патологией. В качестве преамбулы к размышлению о «нормальностях» и «ненормальностях» женской души я выбрала любимую нами всеми с детства сказку.

Заветные женские сказки и мифы

На мой взгляд, ничто так не дает почувствовать страх, а иногда и ужас юной женщины перед «мужским», как всем известная сказка С.Т.Аксакова «Аленький цветочек». Наверно, именно потому, что женская природа конфликта, заложенного в основу этой сказки, близка и подсознательно понятна всем, она имеет столь большую популярность среди детей и взрослых. Эта народная сказка, записанная Аксаковым со слов старой ключницы Пелагеи, в известном смысле может быть воспринята как римейк греческого мифа об Эроте и Психее. Можно думать, что и в русской сказке, и в греческом мифе реализуется девичья мечта о возвращении «потерянного рая» (я имею в виду младенческие отношения с матерью) – рая, который женщина мечтает обрести в отношениях с мужчиной. Он ее поит, кормит, одевает, осыпает деньгами и драгоценностями, от нее же требу-

ется просто «быть»: «Я у него *есть* – разве это мало?» – возмущенно восклицает такая женщина.

Фабула этой мечты: женщина, девушка (в нашем случае Настенька) не видит своего суженого (это очень по-женски, точнее, по-русски: чтобы был муж, не важно какой, главное, чтобы деньги в форточку передавал). Он любит ее беззаветно, безответно, она же получает все, что хочет. Очарование этого сюжета в том и заключается, что он таит в себе неосознаваемое самой юной женщиной ее, обращенное к мужчине, ожидание – он призван превзойти в любви ее собственную мать, стать для нее лучшей матерью. Но даже в сказке все оборачивается иначе. Девушка, мечтавшая о принце на белом коне, находит чудовище (и в самом деле – разве женщина, злясь на мужчину, не называет объект своих негативных чувств «чудовищем»?). Сталкиваясь с ним лицом к лицу, она испытывает ужас. Мужчина – очень «другой», он не соответствует миру женщины, ее наивным ожиданиям, он страшен и безобразен, с ее точки зрения. И это пугает ее. Разрешение конфликта – в концовке сказки, где и заключена ее мораль. И там говорится: «Ты одна полюбила меня, чудовище противное и безобразное».

Именно *любовь* женщины обращает «чудовище» в долгожданного «принца». Но сплошь и рядом эту концовку, эту мораль, женщины почему-то бессознательно вытесняют.

Живущие в женщине детские воспоминания о ранних отношениях с матерью, а потом и с отцом, понимание, что она всегда являлась лишь объектом, инструментом реализации их желаний, гонят ее от мужчины прочь. Чтобы быть самой собой (не играть чужие роли, не притворяться, не подстраиваться в отношениях с мужчиной), такая женщина должна быть отверженной. Имеется в виду не конкретное отвержение, испытываемое в отношениях с конкретным мужчиной, а глубоко внутренне переживаемая *отвернутость*, скрытая от глаз мира. Возможно, дабы сбегать свое внутреннее Я, состоящее из подлинных ее желаний, женщина должна снабдить его мешком и колокольчиком прокаженного. Свое бегство вглубь она, из страха, тщательно скрывает не только от других, но даже и прежде всего от самой себя. У нее есть еще и другой выход – испугать мужчину, чтобы он «убежал», устранился из отношений сам. При этом она, скорее всего, сделает из него «козла отпущения», приписав ему всяческие «плохости», что имеет свою условную выгоду, поскольку таким образом она и в своих собственных глазах, и в глазах других выступает в роли невинной жертвы.

В этом контексте становится также понятным истерическое отвержение детей, нежелание их иметь, скрывающееся за, якобы, невозможнос-

тью их иметь. «Я очень хочу, чтобы у меня был ребенок, но у меня нет мужчины, нет семьи» или демонстративно-протестное: «Не хочу детей. Мне придется делать то, что для них необходимо, все, чего они хотят. Что же будет со мной? Я потеряю свободу». Дети здесь начинают выступать продолжением захватывающего в плен имаго, отражением чьих потребностей она вновь может стать.

Воинствующая женственность

Вместо любви к мужчине такая женщина хочет *власти* над ним. Здесь можно привести в пример яркий собирательный образ истерической женщины, который представил в лице своей героини Сары Вудраф Джон Фаулз в романе «Женщина французского лейтенанта». Читая это произведение, невольно вспоминаешь то клинически точное описание внутреннего склада истерика, которое дал К.Ясперс. Кратко напомним сюжет этого произведения, проникнутого духом психоанализа (не случайно оно изобилует ссылками на З.Фрейда).

В эпицентре сюжета – женщина викторианской эпохи, влюбившая в себя мужчину, который вел отчаянную борьбу со своими чувствами. Он многое потерял ради нее, многое мог бы ей дать, но – отношения рвутся, когда любовь, казалось бы, восторжествовала. Героиня ускользает от него, добившись его любви. Непонятная женщина, страдающая, ищущая, временами производящая впечатление безумной. Ее страдания, о которых знает весь город, где она живет, представлены легендой, согласно которой она выходила попавшего в кораблекрушение французского моряка, была соблазнена им, отдалась ему и в результате оказалась обманута и брошена. По окончании романа так и остается не ясным, является ли эта печальная история подлинной, реальной или она – только фантазия Сары? Похоже, Дж.Фаулз не случайно сравнивает человеческие истории с муаровым шелком, где один фрагмент рисунка, тая в сиянии шелка, неуловимо переходит в другой: «Все зависит от того, под каким углом их рассматриваешь». Истерическая атмосфера неясности, беспомощности заполняет пространство романа и душу читающего. К чему стремится героиня, чего она хочет от жизни, от мужчины? Дж.Фаулз вкладывает следующие слова в уста своего главного героя: «Вот она, ее пресловутая тайна: страшное, расчетливое извращение человеческого естества; и сам он – всего-навсего безымянный солдат, жалкая пешка на поле сражения, где битва, как во всякой войне, идет не за любовь, а за владение, за власть». «Она же отдавала – и отдавалась – только с целью приобрести власть. А получить власть над ним одним – не это было ей надо, то ли потому, что он не представлял для нее существенного интереса, то ли потому, что стремление к власти было в ней настолько сильно, что требовало новых

и новых жертв и не могло насытиться одной победой...». Дж. Фаулз видит Сару в образе древнего сфинкса, который служит триггером в поворотной точке истории Эдипа. Все, что произойдет с Эдипом дальше, зависит от этой встречи с сфинксом.

Дж. Фаулз обнажает одну из граней отношений любви между мужчиной и женщиной, рассматривая ее беспристрастно с хладнокровием хирурга. Мужчина – Эдип, женщина – Сфинкс, и он в ее власти, как младенец, зависимый от своей матери.

Вопросы, которые возникают в связи с загадкой героини, для автора романа остались открытыми, мы же попробуем, используя психоаналитический инструментарий, ответить на них в меру возможности.

Зачем женщине власть над мужчиной? Что уводит ее от самого желанного, – от любви, – к власти? Власть в контексте взаимоотношений «мужчина-женщина» можно понимать как контроль одного над другим, в русле нашей темы – женщины над мужчиной. Да, она боится его. Мужчина представляется в женских фантазиях как насильник, женоненавистник, садист. С помощью механизма проекции или проективной идентификации она проецирует на него свою мужскую, отщепенную, «плохую» часть, которая корнями уходит в идентификацию с фаллической матерью, стремящейся к превосходству над своим мужем, отцом девочки, и к власти над ним. Чего можно желать, о какой любви в жизни дочери может идти речь, если образ мужчины у матери был пуст и эта пустота уже задела душу девочки? Лишь власть (контроль) над «чудовищем» может принести успокоение и возможность дальнейшего существования.

Одна моя пациентка, с которой я работаю уже более года, в самом начале нашего взаимодействия знакомится с мужчиной, которого далее, практически на всем протяжении отношений с ним, описывает исключительно в гротескных негативных красках. Я неоднократно задавала себе и ей вопрос, что делает этот «демон» рядом с ней, что заставляет ее находиться рядом с ним, если все, с чем он обращен к ней, только плохо и день ото дня становится лишь хуже?

Еврипидовская Медея

Наиболее яркой разновидностью воинствующей женственности служит примитивная форма истерии, которую Джойс МакДугалл (*МакДугалл*, 2002) считает защитой против догенитальных либидинальных желаний, капсулируемых и подвергнутых вытеснению, прежде чем быть переработанными в фантазии. Эти желания проистекают из парциальных влечений, которые, как видно, не должны генитализироваться, оставаясь зачаточными, ввиду чего они и недоступны символическому хранению. Архаичная

истерия с обилием ее конверсионной симптоматики является защитой против нарциссических или психотических страхов, порождаемых, прежде всего, страхом перед своими либидинальными и смертоносными побуждениями и фантазиями. Столкнувшись с тем, что У.Бион назвал «безмянным ужасом», личность может создать пустоту, в который ужас и остается запертым. А пустота – молчание души – приводит к разговору тела.

Все сумасшествие такой истерической женщины вынесено вовне. С нею, вроде, все в порядке. Со слов ее психотерапевта, она тестирует реальность, связно и последовательно излагает свои жалобы, имеет работу и справляется с нею. Ничего непредсказуемого, ничего странного в ее поведении нет, можно лишь почувствовать некоторую эмоциональную отчужденность. Но вокруг этой женщины происходит сплошное безумие – психоз, вынесенный вовне, или спроецированное безумие. Ее биография переполнена экстраординарными событиями, которые если и случаются в жизни других людей, то, все же, остаются в ней чем-то исключительным: убийства, изнасилования, смерти близких, природные катаклизмы – все разом.

По словам психоаналитика Ф.Валабрега, истерическая пациентка приносит свое тело как загадку, которую должен отгадать аналитик. Единственная цель этого действия – представить разницу полов, обусловленную наличием фаллоса. Она предлагает свое тело, свою боль, представая при этом как обладатель какой-то магической силы (колдунья Медея), дающей ей возможность посрамить всех окружающих (сама она, в глубине, испытывает непереносимое чувство стыда по поводу своей «кастрированности»). Истеричка не прекращает напряженного боя с представителем мужского пола, дабы утвердить всемогущество своих образов, которые неосознанно разделяет и мужчина, выбранный ею в качестве партнера. Победой становится физическая или символическая (кастрация) смерть мужчины.

И снова я обращаюсь к мифу.

Еврипидовская Медея, которой Язон предпочел более молодую и высокородную Главку, спасла ему жизнь, принеся в жертву родину, семью, жизнь родного брата. В конечном счете, ее любовь к Язону превращается в жажду кровавой мести. Злая волшебница убивает не только его новую возлюбленную, но и, ведомая слепой яростью и жаждой мести, своих любимых детей, отцом которых он был.

Мечь Медеи явно превышает провинность Язона. Ее можно было бы объяснить, скорее, с позиции бессознательных содержаний, нежели конкретных чувств, вызванных конкретными событиями. Можно думать, что

этот сокрушительный импульс ненависти направлен, скорее, на образ отца и лишь смещен на мужчину, сексуального партнера. Мечь Медеи потому и потрясает человеческое воображение своей жестокостью, что не имеет прямого отношения к данному мужчине. Он – всего лишь мишень, объект для реализации чувств, издавна, с самого раннего детства, ищущих выхода: ненависть к отцу за то, что она была только отражением его желаний, плюс негативный эдипов комплекс – ненависть из-за его обладания матерью, зависть к обладанию органом могущества – фаллосом.

Кстати у данной легенды есть история, предваряющая все эти трагические события и вместе с тем подтверждающая, что Медея – истеричка. Истерия сама по себе – ярчайший пример различия полов и борьбы женщины за пенис.

Медея видит сон, где юноша сражается с минотаврами за ее руку и сердце и побеждает их. Однако ее родители не позволяют юноше соединиться с возлюбленной, потому что, по их мнению, именно их дочь, а не он, победила минотавров.

Кто же она, Медея, чего в ней больше – женского, мужского?

«Ненстоящая» девочка

Строфа из поэзии Сафо «...Но своего гнева не помню я. Как у малых детей, сердце мое...» переносит нас к еще одной, упоминавшейся выше, метаморфозе объектов «женского», названной нами «ненстоящая девочка». Бывает «плохая» и бывает «хорошая» девочка, и у каждой из них – свои шансы на любовь. А существует подделка – «ненстоящая девочка», душевно отвергнутая, не принятая мамой. Посыл об «искусственности» своего рода исходит от матери и поддерживается отцом. Девочке больно, она все чувствует, но родители предпочитают относиться к ней, как к игрушке: переодеть, покормить, полечить. Совсем как в детской игре «дочки-матери», где будущая женщина, еще девочка, постигая азы семейных наук, играя со своим воображаемым «ребенком», в любой момент может закинуть его за ногу в угол, если ей надоела игра. Современное телевидение взяло эту тему на вооружение: канал ТНТ с ведущей Катей Лель выпускает в эфир, на мой взгляд, леденящую кровь передачу, где родители, знаменитые люди нашего города, ухаживают за младенцем-роботом. Если отношение к ребенку стало модной темой – это само по себе не плохо. Но, если ребенок заменяется роботом, это говорит о том, что в современной культуре воспитания не осталось места для самого важного, что происходит между родителем и ребенком, – обмена чувствами, переживаниями, мечтаниями, для их отношений. Давайте заменим настоящие цветы

на искусственные – они не вянут и совершенны; давайте заведем механическую собачку – она не портит мебель и не писает где попало. Так и хочется предложить рекламный слоган для фирм будущего, торгующих детьми-роботами: «Заведите себе ребенка-робота, и Вы обретете гармоничную, полную семью, почувствовав себя полноценным членом нашего общества».

В этих семейных, нарциссически культурно-обусловленных условиях женственность девочки приобретает причудливую форму. Благодаря адгезивной (от англ. *adhesion* – прилипание, сцепленность) идентификации с матерью, внешне в ней наличествуют все атрибуты женственности, но только внешне. «Ненастоящая девочка», повзрослев, окружает себя миром подделок: взамен живых – декор из искусственных цветов, вместо драгоценностей – бижутерия, живое лицо подменяется косметически нарисованным, словно компенсируя внутренне-содержимое, пол которого с трудом поддается определению: пупсик, кукла, маленькая балеринка, ребенок-робот?

Тема ненастоящего ребенка широко распространена в литературе нашего времени. Вспомним куклу наследника Тутти из «Трех толстяков» Юрия Алеши – точную копию Суок, родной сестры мальчика, с которой Три Толстяка разлучили его в раннем детстве. Чтобы вырастить своего приемного сына жестоким и бесчеловечным, они подменили живую девочку механической моделью, ставшей объектом любви мальчика.

Другое произведение – пьеса Уильяма Гибсона «Тряпичная кукла», которую можно найти в репертуаре всех ТЮЗ'ов страны. Хотя, отмечу, данная проблема не родилась в настоящее время, – народные сказки также не обошли стороной эту тему (вспомним Буратино, Колобка, Снегурочку А.Островского). Просто в наше время она звучит жестче и опознается острее, ибо находит много прототипов в жизни.

В фильме «Искусственный разум» Стивен Спилберг создает переворачивающий душу образ – маленького мальчика-робота по имени Дэвид. Будучи искусственно созданной электронной моделью человека, он представляет собой совершеннейший экземпляр, который отличается от своих аналогов тем, что может испытывать чувства. Его берут в семью, где происходит несчастье, – родители теряют маленького сына (он серьезно болен, врачи бессильны перед лицом его заболевания и его замораживают). Спустя время, однако, их родной сын выздоравливает, и внутри семьи разгораются конфликты, связанные с искусственным мальчиком. Он стремится получить любовь матери, но не может: единственное, чего она теперь хочет, это отделаться от него. Ей не хватает сил его убить, и она просто выбрасывает его на помойку. В процессе своих странствий, выб-

рошенный на улицу мальчик понимает, что он робот, и пускается на поиски Голубой Феи из сказки, чтобы она сделала его настоящим, и мама его полюбила... Автор фильма дарует своему герою один день такой настоящей любви, который стоит больше, чем целая жизнь без нее.

Все в пространстве этого фильма символично, и созвучно, как мне кажется, размышлениям о ненастоящей девочке – ее страданиям, желании и невозможности получить любовь матери, отца или замещающих их объектов. Самое главное, наверное, случится тогда, когда психоаналитик сможет стать для такой истерической женщины «голубой феей».

Вадим Руднев, сравнивая истерический и обсессивный неврозы, замечает, что обсессивный невротик «изолирует» из вещи в событие («пустое ведро – никуда не пойду»), а истерик «вытесняет» из события в вещь («дали пощечину – невралгия лицевого нерва») (Руднев, 2006, с.107). Я думаю, истерическая женщина, по словам Моник Курню-Жанэн, «будучи вся “фаллическим фетишем”, выстроенным ее матерью, инвестируется матерью по-другому, нежели мальчик: “она вся целиком”, “целиком и полностью фаллическая”» (Курню-Жанэн, 2007, с.112). Истерическая женщина вся вытесняет себя, становясь неодушевленной вещью, предлагая себя мужчине как приз, кубок победы, ценную вещь, маркер мужской состоятельности и превосходства по отношению к другим мужчинам, предмет зависти других. Психика вытесняется вся как неделимый на части объект, в отличие от тела, которое вытесняется по частям.

Печальные мысли, отражающие фантазии о «девочке-игрушке», я слышу из уст своих пациенток. Вот один из примеров: «Я – девочка-мальчик, девочка-мячик, в который играют родители, сами – маленькие дети. Мячик без дырочки (женщина – без возможности реализовать свою женственность в сексуальном взаимодействии), есть пространство внутри, но нет входа в него, только через «смерть мяча». Скорее, я игрушка для папы, он любил гонять мяч во дворе, футбол по выходным. Мама, похоже, вообще не играла...».

Терапевтический процесс идет через осознание и переработку очерченных выше проблем не только как внешне неудачно сложившихся жизненных обстоятельств и той роли, которая в них принадлежит самой женщине, и не только как принятие с ее стороны ответственности за происходящее, – только такой переработки недостаточно, чтобы изменить сложившийся личностный стиль. Необходимо рассматривать проблему в ракурсе внутренних конфликтов между взаимодействующими «частями» личности.

Основная составляющая психотерапевтической работы должна лежать в русле интеграции отщепленной части *мужского*. Необходимо создать

целостный конструкт, недостающим фрагментом которого является мужское, воспринимаемое женщиной внутри себя как садистически-насилующее, отвергающее, отвратительное.

Но наиболее остро при истерии встает вопрос и *женского* в женщине. Здесь мы можем более контрастно увидеть конфликты женственности / мужественности. Расщепленная женственность приводит к существованию нескольких объектов «женского». Женственность в данном случае может выступать как нарциссическая компенсация, обман окружающих. Иллюзия женственности, затягивая в ловушку других, скрывает под собой бесполое существо – обреченную на отвержение «ненастоящую девочку». Другая метаморфоза истерического «женского» – воинствующая женственность, пребывающая в огне архаичной агрессии, «всегда на баррикадах».

Я надеюсь, что предложенные мной метафоры образов «женского» помогут моим коллегам, работающим с проблемами подобного рода, в их нелегком, но творческом деле.

ЛИТЕРАТУРА

- Курню-Жанэн М. Шкатулка и ее секрет // Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007. С.109-123.
- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996.
- МакДугалл Дж. Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене. СПб.: Изд-во ВЕИП, 2002.
- Руднев В.П. Педантизм и магия при обсессивно-компульсивных расстройствах // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 2 (49). С.85-113.
- Узер М. Генетический аспект // Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. Сер. «Классический университетский учебник». Вып. 7. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С.17-60.
- Хорни К. Переоценка любви. Исследование распространенного в наши дни типа женщин // Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. Психология женщины; Невротическая личность нашего времени. М.: Смысл, 1996.
- Шанура Л.Л. Комплекс Кассандры: Современный взгляд на истерию. М.: НФ «Класс», 2006. С.179-216.
- Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Veith Ilsa. Hysteria: History of a Disease. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Wolf Christa. Cassandra: A Novel and Four Essays. New York: Farrar, Staus & Giroux, 1984.

ПОЧЕМУ ИСТИННЫЙ ИГРОК ВСЕГДА ПРОИГРЫВАЕТ

(НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»)

Л.Э. КОМАРОВА

В центре статьи – психоанализ и психодинамика игровой зависимости, феномен которой автор рассматривает на примере романа Ф.М.Достоевского «Игрок» и игровой страсти самого писателя. В ходе своего рассуждения автор использует некоторые элементы техники психоаналитического мышления, в частности, предложенное В.Бионом понятие «выборочного факта», благодаря нахождению которого масса разрозненных данных соединяется в единую структуру и получает при этом новое значение. Тема статьи приобретает неожиданный оборот: подлинную тайну безудержной тяги писателя к игре автор видит не столько в «демонах» этого влечения, сколько в их «изгнании». Писатель исцелился от игровой зависимости сразу и навсегда. Внезапность этого поворота сознания и служит тем организующим, выборочным фактом, попытка осмысления которого задает главное направление авторских интерпретаций.

Введение: психоанализ и литература

Искусство вообще, но литература особенно всегда были и остаются крайне привлекательными объектами для психоаналитических исследований. Положить на кушетку вместо анонимных пациентов всем известных литературных героев кажется чрезвычайно соблазнительным предприятием. Здесь иллюзия простоты (большая часть аналитической работы на самом деле уже проделана) сочетается с подспудно возникающим ощущением собственного превосходства над автором.

Однако уже в самом начале своей работы о Достоевском З. Фрейд пишет: «Братья Карамазовы – величайший роман из всех, когда-либо написанных, а Легенда о Великом Инквизиторе – одно из высочайших дости-

жений мировой литературы, переоценить которое невозможно. К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» (Фрейд, 2006 а, с. 267). За этим вскользь брошенным замечанием можно прочесть признание в том, что глубина, в которой скрыт смысл или, точнее, многосмысленность литературного произведения, не ухватывается психоаналитическими понятиями, что «психоанализ» литературного произведения редуцирует его до иллюстрации психоаналитических концептов, и что литература, большая литература, шире анализа.

Надо признаться, что некоторые попытки психоаналитического прочтения художественных текстов (см. например: *Rancour-Laferriere*, 1989) действительно оставляют ощущение некоей несоизмеримости масштаба многозначной емкости языка искусства, с одной стороны, который тем и хорош, что дает ответы, *не давая их*, и догматической однозначности соотносимых с ним психоаналитических построений, с другой. Более того, развитие психоанализа в последние десятилетия делает очевидным тот факт, что самая природа психоаналитического теоретизирования позволяет без большого напряжения «вчитать» в пациента, а тем более в текст любые, даже и противоречащие друг другу концепции. Впрочем, в этом отношении психоанализ мало чем отличается от других гуманитарных дисциплин. Достаточно вспомнить сегодняшние споры по поводу альтернативных толкований одних и тех же исторических событий, чтобы убедиться, что проблема произвольности теоретизирования не является исключительной прерогативой психоаналитического подхода. Напротив, на наш взгляд, психоанализ, по крайней мере теоретически, озабочен разработкой «противоядия» от этой болезни, пожалуй, даже в большей степени, чем другие дисциплины. В клинической практике таким противоядием является *техника анализа*.

Последняя, как хорошо известно, предполагает, что пациент представляет аналитику свой материал в виде свободных ассоциаций, то есть разрозненных фрагментов повествования. Мозаичный характер свободных ассоциаций, их принципиальная бессвязность содержит в себе, на первый взгляд, почти безграничную возможность для любых построений аналитика. Однако предполагается, что избежать опасности произвольности интерпретаций можно с помощью особой ориентации сознания аналитика, находящегося в состоянии *свободно плавающего внимания*. Аналитическое понимание вне этого инструмента оборачивается тем, что принято называть «диким психоанализом».

Вместе с тем, несмотря на принципиальное значение вопроса о природе аналитического понимания, он по сей день остается одним из наименее теоретически разработанных. Предложенная В. Бионом (*Bion*, 1984) кон-

цепция выборочного факта как организующего принципа психоаналитической интерпретации – одна из немногих, проливающих на него некоторый свет. В соответствии с данной концепцией в голове аналитика, если тот, избавившись от желаний и воспоминаний, находится в состоянии свободно плавающего внимания, происходит постепенная кристаллизация разнообразных мыслей о пациенте. Эта кристаллизация возникает вокруг некоего феномена, вдруг привлечшего внимание аналитика, или неожиданной интуиции, соединяющей массу разрозненных данных в единую структуру, которая придает им новое значение. Движение при этом идет от материала к теории; образно говоря, материал выбирает и заполняет наиболее адекватную себе теоретическую форму. Р. Бриттен (*Britten, 1998*), развивая эти положения, противопоставляет выборочному факту сверхценную идею, которая организует материал таким образом, чтобы его смысл оставался неизменным. Сверхценная идея – это заранее выбранный факт, не возникающий, а обязательно существующий в любой психической ситуации, задающий постоянную ориентацию всем другим компонентам, как если бы он был постоянно выборочным фактом.

В своей работе мы хотели бы попытаться использовать не только психоаналитические теории, но и некоторые элементы техники аналитического мышления. Отсюда – несколько хаотичное, в стиле свободных ассоциаций, ее построение и стремление определить наиболее интуитивно значимый «факт», вокруг которого может сложиться наше понимание остального материала. При этом мы не ставим перед собой задачу «помочь» литературоведению; наша задача как раз обратного свойства – посмотреть, насколько роман «Игрок» и связанные с ним некоторые перипетии жизни великого писателя позволяют пролить свет на психопатологию и психодинамику игровой зависимости.

Автор

«Игрок» написан Ф.М. Достоевским в состоянии лихорадочной спешки, на пике его игровой страсти, и ввиду этого обстоятельства не может не быть слепком внутреннего мира писателя-игрока, как и его герои – персонификациями аспектов личности писателя. Не имеет значения, насколько точно события, описанные в романе, повторяют или переключаются с эпизодами реальной жизни писателя. Важно другое: роман является ответом на главные вопросы, которые не может не задавать себе писатель-игрок. Откуда, из каких источников черпается губительная сила игровой страсти, кто и почему приносит ей в жертву свою жизнь? «Игрок» – особый роман в творчестве Ф.М. Достоевского, – пишет Л. Сараскина, одна из наиболее авторитетных исследователей творчества писате-

ля, – особый по степени его переплетенности или, точнее, вплетенности в реальные события жизни писателя. Это роман-игра, написанный писателем-игроком, играющим вместе со своим героем; роман, который и в жизни писателя не что иное, как баснословный выигрыш вконец проигравшегося игрока, который, однако, не спасает, а лишь дает возможность начать все заново и продолжить игру» (*Сараскина*, 2006, с.188).

Деньги

Еще до рулетки, своего пагубного игрового десятилетия, Ф.М. Достоевский превращает деньги в инструмент своей судьбы, иначе говоря, обращается с ними, как истинный игрок. Он легко и много берет в долг; но долги надо отдавать, и деньги становятся нужны ему чрезвычайно, – чтобы не попасть в долговую яму, содержать семью, в конце концов, иметь возможность писать. Он живет на хлебе и молоке, взятыми в долг у лавочника, однако, получив годовой доход со своей доли наследственного имения, может за один день в приступе безудержного мотовства его потратить. Он выбрасывает деньги на дорогие ужины и концерты, позволяет прислуге и всяким приживалам немилосердно себя окрадывать, впадает в «беззаветное гостеприимство», принимает любого бедняка, как дорогого гостя, наивно становится жертвой разного рода шулеров (*Сараскина*, там же, с. 177). В этом чередовании «приливов» и «отливов» денег четко прослеживается ритм азартной игры, постоянное воспроизведение одной и той же ситуации, одной и той же структуры переживаний – погони, страстного желания денег и полной неспособности их удержать, как-то ими распорядиться. Кажется, что деньги «жгут» ему руки, и он должен немедленно от них избавиться, пусть и самым несуразным образом, чтобы опять брать в долг на еду и кров под самые варварские проценты и у кого попало.

В конце концов, чтобы расплатиться с долгами, Ф.М. Достоевский отказывается от доли наследственного имения, отказывается за бесценок, без сожаления. Он пишет: «Меня не остановит малость предлагаемой суммы, что же делать, деньги нужны. Я пропащим человеком быть не хочу. Нужно устроиться. Теперь я свободен, и меня не остановит ничто» (*Достоевский*, 1985а, к.1, с.93).

Но что это за странная свобода, о которой говорит писатель? Конечно, он имеет в виду свободу, которую он получит, избавившись от долгов, но, возможно, и свободу от своего единственного регулярного дохода, то есть денег, которые своим постоянством и независимостью появления лишь «путают карты», нарушают логику игры.

Игорная страсть в этом контексте – не более чем очищенное от примесей реальных жизненных обстоятельств воспроизведение все той же модели крайне амбивалентного отношения к деньгам – страстного желания их получить и странной необходимости поскорее от них избавиться. Очевидно, рулетка позволяет сделать как одно, так и другое наипростейшим образом.

Если обратиться к роману, то и здесь мы видим все то же непонятное, подспудное желание поскорее избавиться от денег, чтобы обрести свободу, именно избавиться, то есть не обязательно проиграть. Алексей Иванович, после баснословного выигрыша, уже став Игроком, но еще в полной мере не осознав этого, вступает в связь с мадемуазель Бланш, не вызывающей у него никаких чувств, кроме скуки, прекрасно понимая, что единственная ее цель – обобрать его, да, впрочем, она этого и не скрывает. Похоже, что она ему нужна лишь за тем, чтобы глупейшим способом лишить его денег и сделать свободным. Интересно все-таки: свободным для чего?

Любовь

Знакомство с письмами писателя к А.П. Сусловой и его второй жене – А.Г.Сниткиной, двум женщинам, отношения с которыми возникают и развиваются в период игрового десятилетия, поражает тем, насколько тотально страсть к игре вплетена в эти отношения и, по сути, определяет их характер. Игра создает обстоятельства, формирует контекст, внутри которого только и существуют отношения. Проигрыши, самооправдания, мольбы о прощении и, наконец, унижительные просьбы выслать деньги, сколько можно, хоть на дорогу, – последнее, как правило, и является поводом для написания писем – вся тематика переписки так или иначе связана с перипетиями игры.

Путешествуя с А.П. Сусловой летом 1863 года, Федор Михайлович начинает проигрываться дотла. Именно теперь он открывает систему игры, следование которой обеспечивает непременный выигрыш, и делает, тем самым, посещение казино надежным и чуть ли не обязательным способом получения необходимых средств. Постоянная игра превращает их европейское турне в весьма сомнительное удовольствие. Оставшееся от игры время проводится, кажется, преимущественно в поисках кредиторов и ожидании прибытия запрошенных средств, в закладах всего, имеющего хоть какую-либо ценность, – его часов, ее кольца и цепочки.

Десять дней, вынужденно проведенные в Турине, – признается в своем письме Аполлинурия Прокопьевна, – были донельзя тоскливы и му-

чительны: «каждую минуту мы дрожали, что подадут счет из отеля, а у нас ни копейки, – скандал, полиция ... гадость» (Суслова, 1928, с.44)

Трудно себе представить, чтобы все это не вызывало у молодой, независимой и, по-видимому, своевольной Аполлинару обиды, раздражения и в целом отчуждения. Столь же трудно представить, чтобы Достоевский, великий знаток человеческой души, не понимал этого. Однако, кажется, это именно так.

Несмотря на то, что Суслова уже четыре месяца ждет его в Париже, писатель, все же, отклоняется от ранее намеченного маршрута и, вместо Парижа, оказывается в казино Висбадена. Она тогда напишет ему: «Ты едешь немножко поздно... Еще недавно я мечтала ехать с тобой в Италию и даже начала учиться итальянскому языку – все изменилось в несколько дней» (*там же*, с.47).

Позднее он станет обвинять ее в эгоизме и самовлюбленности, как бы не замечая собственного вклада в их разрыв, – а именно того, что даже помимо всех неудобств, связанных с отсутствием средств, сама его поглощенность игрой превращает любимую женщину в «третьего лишнего», делая, в конечном счете, невозможными отношения между ними, а, по сути и любые близкие отношения.

«Аполлинурия – большая эгоистка, – читаем мы в письме Достоевского Н.П. Сусловой, написанном через два года после путешествия. – Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважении других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей по отношению к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви ее, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 1963 году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать»... (Достоевский, 1985а, к.2, с.121).

Характер А. П. Сусловой, каким бы он ни был, вряд ли является сколько-нибудь значимым фактором в динамике ее отношений с писателем; несравненно важнее работа тех подспудных разрушительных сил в душе писателя-игрока, которые любой выигрыш неизменно превращают в проигрыш, не «допуская» самой возможности счастливого развития любовных отношений. Рулетка в данном случае кажется просто-напросто их удачным инструментом.

Игрок в писателе стремится, кажется, с еще большим упорством, чем в случае с Апполинурией, разрушить счастливый брак с Анной Григорьевной Сниткиной, женщиной, безусловно, преданно любящей, самоотверженная помощь которой единственно и спасла Достоевского, находящегося, казалось бы, в совершенно безвыходном положении. Деньги за новый роман об игроке были загодя получены и проиграны, и

самый роман уже не мог быть написан к оговоренному сроку. Призрачная надежда крупным выигрышем разом поправить дела, маниакальная вера в свою «систему», к которой добавляется еще и убежденность, что проигрыши являются следствием лишь недостаточного количества времени, проведенного в казино, – приводят писателя к черте, за которой, кажется, ничего, кроме морального падения и полного погружения в полупризрачное существование игромана, уже не остается. Он проигрывает последние – «хлебные» – деньги семьи, раскаивается, называет себя «подлецом», умоляет прислать средства на дорогу, а потом зачастую проигрывает также и их.

«Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом! Я все проиграл, что ты мне прислала, все, все, до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл... Можешь ли, будешь ли ты меня теперь уважать! А что за любовь без уважения! Ведь этим весь брак наш поколебался.

... Аня, только бы мне любви твоей не потерять. При наших и без того скверных обстоятельствах я извел на эту поездку и проиграл 1 000 франков, до 350 рублей! Это преступление! ...Присылай скорее, сию минуту денег на выезд, – хотя бы были последние. Не могу я здесь больше оставаться, не хочу сидеть» (*Достоевский*, 1985а, к.2, с.197).

При всем при этом, бесконечное терпение и доброта жены, вызывая неизменное чувство вины и раскаяния, как будто лишь усиливают приступы игромании. Каждый раз Федор Михайлович шлет ей напряженные, мучительные, покаянные письма, в глубине которых, однако, странным образом улавливаются нотки отстраненности, равнодушия и деловитой озабоченности высылкой денег. Игроманы, как известно, одинокие люди. Через три года игры Алексею Ивановичу уже никто не нужен, хотя по старой привычке он и продолжает мечтать о том, что вот отыграется и вернется в жизнь к людям.

Мы видим, что жизнь Достоевского-игрока насквозь пронизана противоречиями, сознательная цель никогда не совпадает с подспудным желанием и потому любое позитивное действие приводит к обратному результату, причем, чем больше усилие вкладывается в действие, тем разрушительнее оказывается его результат. Страстное желание получить деньги ведет к расточительности, любовь оборачивается отдалением, а стремление подчинить себе случай – рабской зависимостью от рулетки.

И все же, тайна Ф.М. Достоевского-игрока связана не с демонами игры, а с их изгнанием. Писатель перестал играть в один день, перестал без борьбы, без волевых усилий, утратив интерес к игре. Накануне ему приснился покойный отец «в ужасном виде», «предрекая грозную беду», при-

снилась также «двадцатилетняя Аня, совершенно седая» (Достоевский, 1985б, к.1., с.197). Он впервые не хотел играть, но все же пошел и проиграл все, что у него в тот момент оставалось. Ночью, прямо из казино в полном отчаянии он бросился к священнику, который уже однажды выручал его, но заблудился и, вместо русской церкви, оказался у дверей еврейской синагоги. Эта случайная ошибка потрясла писателя до глубины души, и он понял, что больше играть не будет. В ту же ночь он написал жене:

«... Теперь эта фантазия кончена навсегда. Не думай, что я сумасшедший, Аня, ангел-хранитель мой. Надо мною великое дело свершилось, исчезла гнусная фантазия, мучавшая меня почти 10 лет. ... а до сих пор я наполовину этой проклятой фантазии принадлежал» (там же, с.199).

«Чудесный» характер избавления писателя от страсти, еще вчера, кажется, полностью владевшей им, непредвиденность вдруг случившегося поворота сознания не могут не притягивать нашего внимания и являются, как нам представляется, тем организующим, выборочным, по терминологии В.Биона, фактом, попытка осмысления которого и задает главное направление наших интерпретаций.

Рулетка

Рулетка – предельная форма азартной игры, поскольку, в отличие от карт, домино, тотализатора, игры на бирже и т.п., выигрыш, как и проигрыш, здесь случаен и принципиально не связан с мастерством, знаниями или любыми другими качествами игрока. Смотря отстранено и объективно, в случае с рулеткой никакой игры нет вообще, а есть лишь две независимые последовательности: ставок, которые делает игрок, и остановок шарика. Игра, азарт могут возникнуть лишь вследствие иллюзии игрока, иллюзии, что он может каким-то образом воздействовать на случайность, которая в реальности ему неподвластна. Эта иллюзия превращает пассивную и беспомощную жертву равнодушной теории вероятности, коей и является игрок в реальности, – в смельчака, бросающего вызов самой Фортуне и стремящегося в своей гордыне сравняться с нею, поставить ее под свой контроль.

Но как это сделать? В чем может состоять стратегия игры, в которой не может быть никакой стратегии?

Многие годы Достоевский пытается убедить себя, брата, а потом и жену, что ему удалось создать беспроигрышную стратегию игры. В ответ на справедливые упреки брата он пишет:

«...Друг Миша: я в Висбадене создал систему игры, употребил ее в дело и выиграл тотчас же 10 000 франков. Наутро изменил этой системе,

разгорячившись, и тотчас же проиграл. Вечером возвратился к этой системе опять, со всею строгостью, и без труда скоро выиграл 3000 франков. Скажи: после этого как было не увлечься, как было не поверить, что, следуй я строго моей системе, и счастье у меня в руках? А мне надо денег – для меня, для тебя, для жены, для написания романа... Да, я ехал с тем, чтобы всех вас спасти, да и себя из беды выгородить» (*Достоевский*, 1985а, к.2., с. 45).

Пять лет все более и более сокрушительных проигрышей не только не заставляют великого писателя усомниться в правильности открытой им системы, а, напротив, кажется лишь укрепляют ее. Если в письме к брату, написанном в начале игровой карьеры в 1863 году, еще звучит определенная рефлексия («как было не поверить»), то потом остается только маниакальная уверенность, что именно игрой он может поправить свои дела и спасти себя и близких.

«...Вот уже раз двадцать подходя к игорному столу, я сделал опыт, что если играть хладнокровно, спокойно и с расчетом, то нет никакой возможности проиграть! Клянусь тебе, возможности даже нет! Там слепой случай, а у меня расчет, следовательно, у меня перед ним шанс», – пишет он жене в 1867 году (*Достоевский*, 1985а, к.2., с. 193).

В этом коротеньком отрывке поразительно точно отражается вся психология игрока – его иррациональная убежденность в своем, якобы, превосходстве над случаем, способности магическим образом, посредством своего особого настроения (быть хладнокровным, спокойным, расчетливым) склонять шансы в свою сторону. Никакие проигрыши такую убежденность поколебать не могут, поскольку и они являются следствием собственных действий игрока, т.е. его неправильного состояния.

«Но я отходил только, чтобы выкурить папироску, и тотчас же бежал опять к игре. Для чего я это делал, зная наверное почти, что не выдержу, то есть проиграю? ...Я спешил поскорее, изо всех сил, выиграть сколько можно более за раз в один день (потому что завтра ехать). Хладнокровие терялось, нервы раздражались, я пускался рисковать, сердился, ставил уже без расчета, и – проигрывал (потому что, кто играет без расчета, на случай, тот безумец» (*там же*).

Таким образом, рулетка в воображении писателя-игрока оказывается полностью в его власти: шарик катится и останавливается в полном соответствии с его внутренним состоянием; хладнокровие вызывает выигрыш, азарт, горячность – приводят к проигрышу.

«...Отправив тебе письмо с просьбой выслать деньги, я пошел в игорную залу; у меня оставалось в кармане всего-навсего двадцать гульденов (на всякий случай), и я рискнул на десять гульденов. Я употребил сверхъ-

стественное почти усилие быть целый час спокойным и расчетливым, и кончилось тем, что я выиграл тридцать золотых фридрихсдоров, то есть 300 гульденов. Я был так рад, и так страшно, до безумия, захотелось мне сегодня же поскорее все закончить, выиграть еще хоть вдвое и немедленно ехать отсюда, что, не дав себе отдохнуть и опомниться, бросился на рулетку, начал ставить золото и все, все проиграл до последней копейки, то есть осталось всего два гульдена на табак...

Играя помаленьку, каждый день, возможности нет не выиграть, это верно, верно, двадцать опытов было со мною, и вот, зная это наверное, я выезжаю из Гамбурга с проигрышем; и знаю тоже, что если б я себе хоть четыре только дня мог дать еще сроку, то в эти четыре дня я бы намеренно все отыграл» (*там же*, с. 194).

Очевидно, что никакой расчет в игре случая невозможен, поскольку игра как раз и состоит в превосходстве случая над закономерностью, следствий – над причинами. Реальный расчет тут может быть только один – вовремя выйти из игры. Но такой расчет наполовину устраняет самую игру, поскольку в нем признание – своего поражения, отказ от иллюзии, возвращение к реальности.

Та же иллюзия всемогущества овладевает и Алексеем Ивановичем, главным героем романа, которому Достоевский дает баснословный выигрыш.

«...Может быть тут есть что-нибудь, какая-нибудь комбинация предчувствий, какое-нибудь необыкновенное усилие воли, самоотравление собственной фантазией – не знаю. Но со мною в тот вечер случилось происшествие чудесное – оно хоть и совершенно оправдывается арифметикой, но для меня до сих пор чудесное. И почему, почему эта уверенность так глубоко, крепко засела тогда во мне, и уже с каких пор!» (*Достоевский*, 1956).

И здесь господство над случаем достигается благодаря психическому состоянию игрока, однако речь уже идет не просто о «хладнокровии и выдержке», как было в письмах писателя к жене, а о мистической нечеловеческой интуиции, рождающейся из полной поглощенности игрой, когда играющий сливается с Игрой, сам становится Игрой, неотделим от нее. Это добавляет недостающее звено фантазии, делает понятным ее возникновение – игрок может управлять Фортуной, потому что становится ею.

Возможно, именно тут ключ к пониманию, почему Достоевский в письмах жене называет фантазию игрока *гнусной*. Дело здесь совсем не в алчности, желании разбогатеть одним махом. В романе Алексей Иванович-игрок противопоставлен простодушно-циничной парочке авантюри-

стов и охотников за богатством – маркизу Де Грие и мадемуазель Бланш. Их охота за деньгами и положением – не более чем желание получше устроится в жизни. Они твердо стоят на земле и обуреваемы, хоть и низменными, но вполне понятными желаниями. Амбиции Игрока, его фантазия куда как грандиознее – перейти предел, самому стать Фортуной, слиться и раствориться в ней. И мерзость тут двоякая – мерзость гордыни и мерзость унижения, претерпеваемого от потери своего Я.

И тут удивительным образом мы замечаем, что с романа «Игрок» начинается, может быть, главная тема в творчестве великого писателя – исследование человека, отрицающего Бога, подменяющего последнего своим собственным Я.

В этом отношении Алексей Иванович родственен череде героев последующих знаменитых романов писателя – Родиону Раскольникову, Ивану Карамазову, Ставрогину. Долгое время Ф.М. Достоевский считал, что от игры его может спасти только работа – роман. Он очень надеялся, что таким романом станет «Преступление и Наказание», потом – «Идиот», но избавление пришло только в период работы над «Бесами». Эта надежда на спасение через роман, как нам кажется, имеет гораздо более глубокие корни, чем просто надежда на увлеченность творческой работой. Все-таки Федор Михайлович был не просто игроком, и «фантазия» владела им, по его же признанию, наполовину, в то время как другая половина исследовала и прорабатывала эту фантазию. Кошмарный сон об отце и потрясение от невозможности найти свою церковь, своего Бога – лишь последние капли в многолетней гениальной «психоаналитической» проработке Достоевским-писателем гнусной фантазии, владевшей Достоевским-игроком.

Роман

1. Экспозиция

Главный герой – Алексей Иванович, от лица которого написана повесть и который становится по ее ходу игроком *par excellence*, живет учителем малолетних детей в семье некоего вдового и обедневшего генерала З. На момент начала действия генеральское семейство – сам генерал, двое его малолетних детей и взрослая падчерица Полина – пребывает в некоем вымышленном немецком городе Рулетенбурге (городе рулетки).

Все трое страстно и безнадежно влюблены – Алексей Иванович в Полину, Полина в некоего маркиза де Грие, которого связывают с генералом какие-то темные финансовые махинации, наконец, сам генерал – в мадемуазель Бланш де Комменж, авантюристку и охотницу за богатством и положением подстать маркизу. Все они, включая теперь и фран-

пузскую парочку, охвачены жадой денег и мучительно ищут способа их раздобыть. Именно раздобыть, а не заработать, что бы под работой ни понималось. Генералу нужны деньги, чтобы жениться на мадемуазель; Полине, чтобы сохранить чувство собственного достоинства перед унизившим ее маркизом; Алексею Ивановичу, чтобы не зависеть от генерала и не испытывать постоянного унижения; что касается маркиза и мадемуазель, деньги и положение – естественные и единственные для них жизненные цели. Все, кроме Полины (которая считает неприличным для себя появляться в воксале, где расположена рулетка, поэтому просит Алексея Ивановича играть для нее) играют. А как можно не играть в городе рулетки?

Однако из всех жаждущих денег лишь один главный герой становится Игроком, падает в пропасть. Другой Игрок – эксцентричная и богатая старушка – парализованная бабуленька – родственница генерала, неожиданно и победно появляющаяся в Рулетенбурге в своем инвалидном кресле именно в тот момент, когда все ждут известия о ее смерти и наследстве, колоссальных деньгах, которые все решат и всех развяжут. Но своенравная старушка за два дня проигрывает чуть ли не половину своего состояния и покидает город рулетки другим человеком: ее самолюбование и наивная убежденность в своем праве властвовать над всем и всеми сменяется раскаянием.

Напротив, маркиз де Грие и мадемуазель Бланш, вся жизнь которых, казалось бы, подчинена погоне за богатством и положением в обществе, обладают совершеннейшим иммунитетом к рулетке. Даже частенько садясь за игровой стол (а нам известно, что она в прошлом играла, и играла для денег, однако, чуть их поднакопив, тут же играть бросила и занялась более выгодным и спокойным бизнесом – стала ссужать деньги игрокам под проценты), такие люди в силу своей психологии никогда не становятся истинными игроками. Де Грие и Бланш слишком уж твердо стоят на земле, слишком уж независимы и циничны, чтобы поверить кому-либо, даже Фортуне. Им не нужна мечта о выигрыше (т.е. счастье, успехе, признании), поскольку в том ограниченном, урезанном мире, в котором они существуют и который их вполне устраивает, они прекрасно знают другие способы добиться своего. Эти двое по своей психологии – шулера, а не игроки, и в этом их принципиальное отличие от Алексея Ивановича и бабуленьки.

Таким образом, напрашивается вывод, что желание власти и богатства, даже страстное желание, затмевающее все остальные чувства и потребности души, само по себе не создает еще пристрастия к игре. Тогда что же?

2. Герой

Сначала Алексей Иванович вызывает симпатию, он чувствителен, умен, по-своему бескорыстен. Он шире, глубже, лучше и генерала с его глупой напыщенностью или маркиза с его одноклеточным цинизмом. Однако, тут ловушка для читателя – это, скорее, не сам герой, а то, как он думает о себе. Сам герой, если приглядеться внимательнее, оборачивается личностью гораздо менее симпатичной. Весь его внутренний мир, по сути, определяется двумя чувствами – унижением и презрением. Он унижен всем в этом мире и всех презирает. Он ненавидит жизнь, которая так дурно устроена, что глупого и жалкого генерала делает его господином, а его оставляет без гроша за душой. Да, конечно, он, может быть, и жаждет власти и денег, но совсем не так, как Де Грие, мамзель Бланш или гипотетический скопидомный бюргер, скапливающий свое состояние ежедневным рутинным трудом, гульден к гульдону, – все это для Алексея Ивановича только низко и достойно презрения.

3. Странная любовь

Однако наш герой – гордый и самолюбивый – делается добровольным рабом Полины, которая, как ему кажется, третирует и презирает его. Он ненавидит ее за то, что она его «за человека не считает», а лишь использует постольку, поскольку «он ей необходим». В то же время он жить без нее не может, он ее сознательный раб, более того, он предлагает ей полную власть над собой – он готов по одному ее слову «броситься с обрыва, не задумываясь». Странное бессмысленное самопожертвование, – или, может быть, месть? Вряд ли Полина сможет отделаться от чувства вины перед влюбленным в нее человеком, по ее приказу лишившим себя жизни. Стать рабом, чтобы в тайне владеть своей госпожой. И действительно ли он ее ненавидит за свое унижение или ненавидит за то, что она ему нужна, то есть за то, что любит ее?

4. Кульминация

В центральном эпизоде романа измучившаяся в своем гордом одиночестве и раздавленная тем унижением, которое она испытала от маркиза, Полина поворачивается, наконец, в сторону своего верного поклонника. И что же? Да очевидно ничего из их отношений не может получиться и не получается. Когда она ночью приходит в номер к нашему герою, приходит, по ее словам, *вся*, в надежде найти с ним возможность других, более человеческих отношений, Алексей Иванович буквально убегает. Да, конечно, под благовидным предлогом – убегает в казино, в надежде выиграть деньги, которые ей так нужны, чтобы бросить в лицо маркиза. И о, чудо! Он выигрывает баснословную, невероятную сумму. Но проница-

тельная Полина вполне понимает, что произошло на самом деле. Она оскорблена предательством и деньги, предназначенные для маркиза, летят в лицо Алексея Ивановича, уравнивая того и другого. Таков момент превращения Алексея Ивановича – в игрока. Образ Полины меркнет перед образом новой его возлюбленной – Фортуны. Любящая его Полина, равная с ним, Полина, с которой возможны близкие отношения, ему не нужна, а, быть может, даже страшит его. Как и полагается Игроку, он проигрывает свой вождеденный выигрыш.

Тема порабощающей страсти многократно повторена в романе. Генерал – абсолютный раб мадемуазель Де Бланш, которая беззастенчиво его использует. Когда, наконец, он получает наследство, но при этом, не выдержав любовных страданий, лишается рассудка, мамзель Бланш выходит за него замуж и держит где-то на кухне. Он от этого не мало не страдает и опять-таки, как малый ребенок, вполне счастлив лишь от одного ее присутствия. В его рабстве нет желания властвовать и он не чувствует себя униженным своей зависимостью. Гнусная фантазия игры им завладеть не может.

При этом очевидно, что писателя интересует природа страсти, а не герои сами по себе – их психологические портреты, кроме, может быть, самого Игрока, даны лишь схематично. Этот схематизм персонажей вполне отражает природу складывающихся между ними разрушительных садомазохистических отношений, для которых личность другого, по сути, безразлична. Не случайно Алексей Иванович признается, что даже не знает, хороша ли Полина собой, не говоря уже о том, что она за человек и почему он ее любит.

Страсти, кипящие в душе игроков, показывает автор, рождаются вовсе не за игровым столом, они лишь – копия страстей, которые обуревают этих людей в жизни.

При этом ведущей характеристикой такого рода «страстных» отношений является добровольное рабство, отказ от своего Я и собственной воли, полное, казалось бы, подчинение предмету своей страсти. Но, одновременно, и ощущение своей власти над ним.

Это не отношение идеализации и переоценки любимого человека, а что-то более витальное и архаичное, что заставляет вспомнить о матери как атмосфере, в которую погружен ребенок, по Д. Винникотту, в соответствии с его концептом «достаточно хорошая мать» (*Winnicott, 1972*). Не случайно же генерал, превратившийся на почве душевных переживаний в слабоумного ребенка, нисколько не страдает, будучи отосланным на кухню, и остается счастливым лишь от одного присутствия своей возлюбленной, какой бы она ни была.

Роман заканчивается встречей Алексея Ивановича с англичанином мистером Астлеем, которому отведена в романе роль единственного «нормального» человека, – некоего стороннего наблюдателя всей этой фантазмагии страстей, хотя его разумность тоже оказывается под «подозрением» из-за его безнадежной влюбленности в Полину. Встреча происходит через год после расставания Алексея Ивановича с Полиной. Опустившийся скиталец, без денег и крыши над головой, Алексей Иванович уже почти равнодушно спрашивает своего нового знакомого о судьбе Полины и, узнав, что она продолжает любить его, загорается, но не дольше, чем на минуту. Берет у мистера Астлея 10 луидоров и погружается в горячечные думы о другой своей возлюбленной – Фортуне, которая единственная в один миг может изменить его судьбу, «стоит только хоть раз выдержать характер, быть расчетливым и терпеливым, и – вот и все». Привычный самообман Игрока...

Интерпретация

1. Жизнь игрока определяется ритмом игры – чередованием «выигрыша» и «проигрыша», приближения и отдаления, счастья и отчаяния. При всей интенсивности жизненных переживаний, игрок не выходит за рамки одной и той же структуры отношений, моделью которых является азартная игра, азартная, потому что она построена на взаимоотношениях игрока с Фортуной. З. Фрейд (*Фрейд*, 2006 а) связывает навязчивое повторение с проявлением тайной работы инстинкта Смерти и даже вспоминает о вселении бесов, отмечая, что такие люди производят впечатлительные действующих под влиянием «дьявольского наваждения». То же ощущение чуждости мы находим и в письме Ф.М. Достоевского, когда он описывает свою игроманию, как владеющую им фантазию, сон.

2. Навязчивое повторение обусловлено необходимостью постоянно отыгрывания определенной бессознательной фантазии, ядром которой является превращение непереносимого ощущения собственного бессилия и невозможности контролировать объект во всемогущее чувство контроля над ним, достигаемого путем полного слияния с последним.

Фантазия подобного рода подробно описана М. Глассером (*Glasser*, 1979) в его концепции ядерного комплекса. В соответствии с этой концепцией, первичный конфликт, переживаемый возникающим Я, – это конфликт между желанием слияния с первичным объектом, блаженного растворения в нем и страхом утраты индивидуального существования, то есть страхом быть поглощенным объектом. В ситуации, когда ввиду тех или иных причин агрессивные импульсы и обусловленная ими тревога оказываются слишком велики, этот конфликт не может быть разрешен.

Тогда единственным способом достижения баланса между желанием и страхом слияния становится садо-мазохистическое взаимодействие с объектом, позволяющее сочетать интенсивность с отсутствием реальной близости.

3. Данная фантазия является защитной организацией, призванной отрицать иерархическое построение реальности, наличие в ней «объективных» законов, неподвластных воле индивида. В этой связи Шассе-Смиржель считает, что психологический смысл перверзий и присущих им садо-мазохистических объектных отношений состоит в уничтожении реальности, прежде всего реальности различий между полами и поколениями, принятие которых делается невозможным в тех случаях, когда ребенок испытывает чрезмерную зависть и ревность по отношению к родительской паре (*Chassequet-Smirgel*, 1984).

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф.М.* Собрание соч. в 30 томах. Письма т. 28, к.1-2. Ленинград, 1985а.
Достоевский Ф.М. Там же. Т.29, к.1-2. Ленинград, 1985б.
Достоевский Ф.М. Игрок. Собрание сочинений в 10 тт. М.: Художественная литература, 1956.
Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Бесстрашие истины: Сб. Зигмунд Фрейд. М., 2006. С.267.
Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Там же. С.187-219.
Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях. М., 2006.
Суслова А.П. Годы близости с Достоевским. М., 1928.
Bion W.R. Attention and Interpretation. London & New York, 1984.
Britten R. Belief and Imagination. London & New York, 1998.
Chassequet-Smirgel J. Creativity and Perversion. New York, 1984.
Glasser M. Some aspects of the role of aggression in the perversions. In *Sexual Deviations*. Ed. I.Rosen. Oxford, 1979, p.278 – 305.
Rancour-Laferriere D. Russian Literature and Psychoanalysis: Four Modes of Intersection. In *Russian Literature and Psychoanalysis*. Ed. D. Rancour-Laferriere, Amsterdam, 1989. pp. 1-38.
Winnicott D.W. The Maturation Process and the Facilitating Environment. London, 1972.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОЩЕНИИ В ЛАКАНОВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

И снова многозначный образ литературного героя, на этот раз Платона Каратаева, выписанного пером Льва Толстого, открывает перед нами возможность осмысления темы прощения. Автор рассматривает ее сквозь призму категорий лакановского психоанализа.

Жак Лакан не говорит о прощении, пожалуй, ни разу. И не случайно. Дело в том, что заповедь любви к ближнему как к самому себе он, вслед за Фрейдом, почитал заведомо невыполнимой. Невыполнимой хотя бы уже потому, что невозможна, в его понимании, любовь к себе. Невозможна, так как отношения человека к себе, как и к ближнему, изначально построены на агрессивности. Агрессивность в системе отношений, которые он называет *дуальными*, и которые принадлежат к регистру *воображаемого*, неизбежна и преодолевается лишь с введением в отношения между людьми третьей, символической инстанции. Собственно, лишь с появлением этой последней и *возникает* коррелятивный ей человеческий субъект, субъект бессознательного. Прощение, конечно, представляет собой символический акт, оно предполагает наличие символической системы, закона в той или иной форме. Как таковой, оно тоже регулирует отношения человека к ближнему. Но если мы, вслед за о. Василием Термосом, говорим об *онтологии* прощения, то это значит, что этой регулирующей функцией значение прощения не исчерпывается, что оно влечет за собой принципиальную перестройку отношений *субъекта* не только с тем, что Лакан обозначает строчной буквой *a*, то есть с миром себе подобных, но и с тем, что обозначает он *A* заглавным, с местом закона, с регистром символического. И уже она, эта структурная перестройка, влечет за собой и сдвиги на ином – *воображаемом* – уровне. Чтобы проследить, как это происходит, я предлагаю обратиться к литературному эпизоду, рус-

¹ Данная публикация подготовлена в продолжение статьи о. Василиоса Термоса «Прощение как полнота жизни», опубликованной в МПЖ № 1, 2007.

скому читателю хорошо известному – эпизоду из последней части «Войны и мира».

Идя в колонне пленных, Пьер обращает внимание на солдата по имени Платон Каратаев, личность которого произвела на него необыкновенное впечатление. Однажды, на ночном привале, приблизившись к костру, он застал там Платона, который рассказывал солдатам «знакомую Пьеру историю». Историю эту он слышал уже не впервые – «Каратаев шесть раз ему одному рассказывал эту историю и всегда с особенным радостным чувством». Очевидно, он многократно рассказывал ее и другим, испытывая каждый раз радостное, восторженное чувство. Более того, «тот тихий восторг, который, рассказывая, видимо испытывал Каратаев, сообщился и Пьеру». История эта, объясняет Толстой, «была о старом купце, благообразно и богобоязненно жившим с семьей и поехавшим однажды с товарищем, богатым купцом, к Макарью. Остановившись на постоялом дворе, оба купца заснули, и на другой день товарищ купца был найден зарезанным и ограбленным. Окровавленный нож был найден под подушкой старого купца. Купца судили, наказали кнутом, и, выдернув ноздри... сослали в каторгу». Годов десять спустя каторжные разговорились у костра и «зашел у них разговор, кто за что страдает, в чем богу виноват... Стали старичка спрашивать: ты за что, мол, дедушка, страдаешь? – Я, братцы мои миленькие, за свои, да за людские грехи страдаю... И рассказал им, значит, как все было дело по порядку. Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал. Одно, говорит, мне свою старуху и деток жаль. И так-то заплакал старичок. Случись в их компании тот самый человек, что купца убил... Заболело у него сердце. Подходит таким манером к старичку – хлоп в ноги. За меня ты, говорит, старичок, пропадаешь... Я, говорит, то самое дело сделал и нож тебе под голова сонному подложил. Прости, говорит, дедушка, меня ты ради Христа... Старичок и говорит: Бог, мол, тебя простит, а мы все, говорит, Богу грешны. Я за свои грехи страдаю». В этом месте рассказа Каратаев начинает говорить «все светлее и светлее, сияя восторженной улыбкой... как будто в том, что он имел теперь рассказать, заключалась главная прелесть и все значение рассказа». Убийца винится по начальству, посылают бумагу, дела доходит до Государя. «Пришел царский указ: выпустить купца, дать ему награжденья, стали старичка разыскивать... А его уж Бог простил – помер... – закончил Каратаев и долго, молча, улыбаясь, смотрел перед собой».

История эта не из веселых, но рассказчик буквально одержим ею и испытывает, рассказывая ее, глубокую радость. Более того, «не самый рассказ этот, но таинственный смысл его, та восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе, таинственное значение этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера». Именно с этой истории началась в душе Пьера бессознательная («ему казалось, что он ни о чем не думает»), но радикальная внутренняя перестройка («но да-

леко и глубоко где-то что-то важное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлечение из вчерашнего его разговора с Каратаевым»). Перестройка, освободившая его для новой любви – любви к Наташе Ростовой. Не случайно в одной из первых же своих бесед с ней он пересказывает ей историю Каратаева, видя «как будто новое значение во всем том, что он пережил» и испытывая при этом «редкое наслаждение».

Что движет Каратаевым, когда он без конца, сам не зная зачем, рассказывает эту историю тем же собеседникам вновь и вновь? Почему доставляет она такую радость? Почему радость эта передается Пьеру, хотя смысл истории ему непонятен – передается вместе со стремлением эту историю пересказывать, стремлением, которому не чуждым оказался и сам донесший до нас ее автор, не говоря уже об авторе этой статьи, с трудом удержавшемся от желания привести ее полностью? Почему рассказ о гибели хорошего человека, безвинно теряющего жизнь, имя, семью и сгинувшего на каторге без следа, наполняет рассказчиков и слушателей такой радостью – вспомним, что именно в конце его, при упоминании гибели старика, испытывает Каратаев особое просветление и восторг.

Перед нами история о прощении – именно в нем главное ее содержание. Чем это прощение мотивировано? Дело не в особенной любви купца к убийце – прощает он потому, что считает себя в долгу перед Богом и страдает за свои собственные грехи. Говоря, что руками убийцы его «сыскал Бог» – нашел, как находит преступника полицейский сыщик, – купец переводит свои отношения из регистра *воображаемого* в регистр *символического*. Посредником между людьми, организующим их взаимоотношения, выступает, в самом широком смысле, Закон, представляющий собой регистр символического. Но отношения, которые он регулирует, суть отношения между себе подобными, маленькими *a*, связанными между собой воображаемой, зеркальной зависимостью. Сколь бы глубоко вмешательство Закона в эти отношения ни было, они остаются отношениями воображаемыми, в них сохраняется неустранимый, обусловленный нарциссической подоплекой, источник агрессии. Запишем условно схему таких отношений, как $a - (A) - a^*$. «*A*» не играет в таких отношениях самостоятельной роли, это всего лишь *посредник*, и притом посредник безличный, мертвый, несмотря на вполне реальное воплощение свое в сонме фигур, олицетворяющих в обществе правосудие. Что касается субъекта, то ему и вовсе в этой схеме нет места – он мертв в ней, как мертв в ней закон. В чем состоит акт прощения? Купец, испытывающий чувство вины, то есть, говоря языком христианства, знающий свою греховность, не проявляет по отношению к ближнему агрессии, не требует расплаты в *воображаемом* плане, а использует долги ближнего перед ним

как вексель в уплате собственного символического долга Другому. Это именно символический акт, ибо дает он то, чего у него нет, чего он фактически уже лишился. Заметим, что, делая это, он следует притче, которую находим мы в 16-й главе Евангелия от Луки: «Один человек был богат и имел управителя, на которого ему донесено было, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём. Ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе... знаю, что сделать. Чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. Он сказал: возьми твою расписку и садись, скорее напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми свою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил. Ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде». С уменьшением долга должников перед ним как перед управителем уменьшается и долг управителя перед господином.

Прощая грабителя преступление, купец принимает его последствия как уплату собственного символического долга. Разрушенная жизнь, разорение, каторга, дети, оставшиеся сиротами, безутешная жена – все это благодаря прощению стало из повода для отчаяния источником радости, символической ценой, уплаченной за примирение с Другим, выступающим уже не как мертвый Закон, а как личное, живое начало. Другой из посредника становится собеседником, символическим партнером, а посредником, наоборот, выступает располагающийся в регистре воображаемого убийца, a^* . Это будет соответствовать перестановке на нашей схеме: $a - (a^*) - A$. Воображаемый партнер выступает в ней как посредник в отношениях с партнером символическим. Но это уже не безличное и мертвое место закона, не бог философов и ученых, а живой Бог, Бог Авраама, Исаака и Иакова. Именно к Нему обращается купец, и отношения его к ближнему, в данном случае, к убийце его товарища, служат символическому урегулированию их отношений. Другими словами, схему можно было бы переписать в виде $S / - (a - a^*) - A$, где отношения между людьми возводятся в символическое достоинство, служат установлению символических отношений субъекта с Другим. Что вполне соответствует духу Евангельских текстов, где поступки, совершенные по отношению к ближнему, ставят человека в прямые отношения с Богом. И дело здесь не в каком-то мистическом присутствии Бога в ближнем, а в том, что отношения к ближнему символически соотносят нас с Ним – не случайно просим мы о прощении и даем его «ради Христа».

Но остается другой вопрос, не менее интересный, вопрос о впечатлении, которое рассказ этот производит на слушателя и самого рассказчика. Вспомним, что «главная прелесть и значение рассказа» заключалась для Каратаева в его окончании – в моменте, когда восторжествовавшая было справедливость уже просто-напросто не находит старика-купца. Кульминация радости связана не с торжеством справедливости, а, напротив, с моментом, когда она попрана, когда она оказывается бессильна и, собственно говоря, не нужна.

Если мы будем рассматривать эту навязчиво повторяемую историю как своего рода сновидение, как осуществление бессознательного желания рассказчика, то в чем это желание состоит, почему для осуществления его необходима гибель главного персонажа, его исчезновение? Потому, очевидно, что именно в силу страдания и несправедливой, безвинной гибели героя выясняется, неожиданно для нас самих, что радость, которую мы вместе с Каратаевым и Пьером испытываем, не только преодолевает естественное сочувствие судьбе персонажа, но и полностью затмевает его, обнаруживая своего рода откровенное, несдержанное бесстыдство. Возникает парадоксальная ситуация, когда горе ближнего вызывает у нас не сочувствие, а нескрываемое наслаждение. Это и есть, собственно, то самое, что называет Лакан *plus-de-jouir*, наслаждением одновременно избыточным и избытым, отвергнутым, определяя его, скажем, в Семинаре XVI, как «функцию отказа от *jouissance* (слово тоже многозначное, означающее как наслаждение, прежде всего сексуальное, так и легитимное владение и пользование определенным благом) следующее из определенного дискурса» (XVI, p.19). «В симптоме», говорит он далее – а перед нами здесь явно симптоматическое образование, – «мы имеем дело с движением субъекта вокруг того, что мы называем прибавочным наслаждением, но что сам он назвать не способен» (X, p.21). Но проявляется оно отнюдь не в плане истории как таковой, не в плане повествования, в том, что Лакан называет *énoncé*, а в акте ее воспроизведения и выслушивания, *énonciation*. Прощение, данное стариком-купцом, не получающим в рассказе никакой видимой награды, а, напротив, уходящим из жизни, доставляет прибавочное наслаждение нам, воспроизводящим бессознательно совершенную им работу отказа, работу символизации, труд символического Богообщения, символической жертвы. Невидимое в плане повествования становится видимым в плане акта высказывания, приносит свой плод в рассказах и слушателях. Наша реакция на рассказ, испытываемая нами радость и проливает свет на то, что в рассказе скрыто. В ней-то, а вовсе не в самой истории, и заключается отсутствующий в рассказе Каратаева сча-

стливый конец. Счастливый, в частности, для героев романа – для самого Каратаева, сумевшего смиренно принять неминуемую для него смерть, и для Пьера, избавившегося от груза ложного Я с его бременем целевых установок и освободившего свое желание для новой любви. Но счастье не венчает подвиг, оно предшествует ему, и подвиг Пьера, насколько знаем мы о замыслах Толстого, ждет его впереди.

Прощение, таким образом, выступает в нашей истории как символический акт, устанавливающий, ценой отказа от обладания / наслаждения, символические отношения с Другим. Субъект, чье желание составляет внутреннюю пружину отказа, остается скрытым, выступая на поверхность лишь вне события, в повествовании о нем, в виде того, что описывает Лакан как «провалы, превращающиеся у меня в (a) , читай: объект маленькое a , а точнее: то, что отброшено, что окажется высказано лишь когда я умру, когда меня, наконец, услышат, а еще точнее: первопричин(а) моего желания». Радость, которую испытываем мы при слушании и рассказе, оказывается отражением, откликом – а тем самым и живым свидетельством – совершаемого в акте прощения ближнему примирения с Богом.

ЗАГЛЯНУТЬ В «ВОРОНКУ»...

Д.С. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ*

Публикуемый ниже материал – клиническая супервизия, имевшая место на одной из конференций Российского психоаналитического общества. В основе фабулы представленного автором случая – история молодого человека, воспитанного матерью и выросшего, как бывает в разводящих ситуациях, в негативном отстранении от отца и всего «отцовского». В центре анализа – темы сыновней сепарации, юношеского взросления и позднего, почти невероятного поворота к отцу. Раскрывая сложную архитектонику случая, автор попутно делится своими профессиональными установками, комментирует методы работы, рефлексировать по поводу собственного «процесса» в ходе анализа, демонстрируя ту глубину супервизии, на которую она иногда способна погружаться. Возможно, читателю удастся отследить момент, когда супервизия неувовимо перерастает в мастер-класс. С небольшими сокращениями представлены вопросы, фантазии, ассоциации, которые презентация случая вызвала у присутствующих, а также ход его обсуждения.

Д.Рождественский: Уважаемые коллеги! Я представляю случай, который может показаться, на первый взгляд, простым и понятным. Между тем, в нем есть немало сложностей и вопросов. С одной стороны, его можно считать законченным, с другой, в этой законченности тоже есть знак вопроса. Почему – станет ясно в конце моего доклада.

Началась эта история примерно лет пять назад. Ко мне обратился молодой человек, по рекомендации своего знакомого, который был студентом Восточно-Европейского Института психоанализа и ранее проходил у меня тренинговый анализ. Назовем моего пациента условно: Па-

* **Рождественский Дмитрий Сергеевич** – психотерапевт клинической ориентации, чл. Европейской Ассоциации Психотерапии, а также Национальной Федерации Психоанализа, зав. кафедрой истории психоанализа Восточно-Европейского Института психоанализа, кандидат психологических наук.

вел. Молодому человеку было 19 лет. Когда он пришел, то произвел очень приятное впечатление. Это был интеллигентной внешности с интеллигентными манерами юноша, очень аккуратный, правильно строящий фразы. Свою историю он начал с рассказа об одном странном событии, которое произошло за месяц до его обращения ко мне.

Павел учился в одном из вузов Петербурга. У его однокурсника был день рождения. Чтобы отметить его, молодые люди поехали на природу – на лесное озеро. Там стали жарить шашлыки. Немножко выпили, совсем немножко, но алкоголь вдруг оказал на Павла весьма необычное воздействие. Он почувствовал, что стремительно теряет над собой контроль. В следующий момент эта утрата контроля вызвала в нем такое чувство, словно он перестает существовать. Павел сказал, что ощутил панический страх, что сейчас просто растворится, исчезнет. Переживание было настолько сильным, что он не захотел продолжать мероприятие и даже попросил одного из приятелей проводить его до города: боялся возвращаться один.

Это была короткая, мгновенно накатившая и буквально через пять минут закончившаяся паническая атака, но она вызвала очень серьезные последствия. Данное состояние больше не повторялось, однако появился мощный страх того, что оно может вернуться. Как выразился мой пациент, «страх страха».

По поводу того состояния, в котором он пребывал последний месяц, Павел сказал такую фразу: «Моя основа как будто бы на время исчезла, а потом вернулась на место, но встала криво, неправильно». И в рамках первой же встречи он рассказал, что нечто подобное с ним уже происходило, – за три года до описываемого события и тоже под влиянием легкой товарищеской выпивки. Тогда, он и его одноклассники отмечали окончание средней школы. Но в тот раз это состояние было гораздо более легким и быстро улетучилось из памяти. Едва поставив точку в своем рассказе, Павел тут же вспомнил, что после того первого раза, связанного с выпускным вечером, ему приснились два сна. Оба были очень тревожными и оставили неприятный осадок. С вашего позволения, я их зачитаю.

Сон первый:

Я не помню никаких деталей. Это был сон-ощущение, почти без образов. Я чувствовал себя частью какой-то цепочки, одним из ее звеньев. И она тянулась бесконечно: и до меня, и после меня. И эта бесконечность меня почему-то пугала. Этот сон мне показался чрезвычайно важным. Я вспоминал его много раз, но так и не сумел понять.

Сон второй:

Я снова оказываюсь частицей чего-то, чего я не вижу, а только ощущаю. И я вижу две точки или две частицы, которые плывут навстречу

друг другу и соединяются. Я нахожусь при этом в состоянии странной заторможенности, не могу думать, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Вот такова преамбула. Таковы содержание первой встречи и запроса пациента. Остается добавить, что к тому моменту, когда Павел обратился ко мне, он, как я уже сказал, был студентом, жил в одном из крупных пригородов Санкт-Петербурга, в однокомнатной квартире вместе с матерью и старшей сестрой. Отца не было.

Несколько слов – о предыстории его тогдашней жизни. Родители Павла развелись, когда мальчику было между четырьмя и пятью годами. Причина развода – банальна. Во-первых, у отца был импульсивный, вспыльчивый и непостоянный характер, и, во-вторых, он выпивал. Это служило поводом для постоянных конфликтов между супругами. Когда отец ушел из семьи, у него были проблемы с жильем, и на протяжении двух лет он еще часто возвращался домой ночевать. Причем, возвращался, как правило, в нетрезвом состоянии. Эти его приходы для мальчика каждый раз были связаны с вспышками страха. У него уже создалась установка, что каждый раз приход отца – это страшный конфликт между отцом и матерью. И хотя лично его эти конфликты не затрагивали, он все равно испытывал при этом парализующие ощущения. Ему хотелось спрятаться, сжаться – только бы все это его миновало.

Вот как рассказывал об этом он сам: «Отец звонил в дверь. И я уже знал, что это отец. И сжимался в кроватке. Мама не открывала, а он звонил опять. И я после каждого звонка буквально молился: «Ну, пусть это будет последний звонок! Пусть ему, наконец, надоест, и он уйдет!». Это были совершенно ужасные минуты». Потом отец практически исчез из его жизни. Они встречались еще несколько раз случайно, так как все жили в маленьком городке, и отец обитал неподалеку от своей бывшей семьи.

Мать – в представлении Павла – относилась к отцу однозначно негативно. Она описывала его как человека, который в принципе не достоин быть главой семьи, подчеркивая его исключительно негативные качества. После того, как родители развелись, и отец ушел, у мальчика установились с матерью своеобразные отношения, главная особенность которых выражалась в том, что он стал воспринимать ее как абсолютный гарант своего существования. «Не будет матери – не будет меня. Не почему-либо, а просто не станет в одночасье». Его ранние годы были наполнены постоянным страхом за мать. Когда она была на работе, и Павел ее ждал, он постоянно прислушивался к шагам на лестнице: материнские это шаги? И постоянно боялся, что с ней что-то случится. Свои отношения с матерью этого периода он характеризовал как ис-

ключительно теплые, доверительные. По его словам, все, что присутствовало в их отношениях, было одной безраздельной любовью. И так продолжалось лет до пятнадцати.

В период пубертата эта чрезмерная близость с матерью начала мальчика раздражать. Он стал все больше дистанцироваться от нее, закрываться, у него появились свои секреты. И вот какая интересная деталь (может быть, интересная, а может быть, вполне естественная – для тех, кто уже начинает понимать, что должно произойти): обрисованный выше приступ панической атаки резко бросает ребенка обратно в объятие матери. Он приезжает домой и рассказывает ей о том, что с ним случилось. Он надеется на сочувствие, на понимание. Но мама замечает всего лишь: «У тебя был нервный срыв. Тебе нужно просто побольше спать».

Еще несколько немаловажных, на мой взгляд, аспектов.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, мать повела его в спортивный клуб, чтобы он мог выбрать там секцию по своему желанию. Он выбрал баскетбол (на самом деле – другой вид спорта, но мы будем говорить, что это баскетбол). И с шести до шестнадцати лет баскетбол становится смыслом его существования. Он тренируется в секции, попадает в команду юниоров. Ему сулят большое спортивное будущее. Он лидер команды, тренер занимается с ним персонально. Про тренера Павел говорил, что это человек, который заменил ему отца. Мать была активно включена в эту часть его жизни. Она посещает все его соревнования, переживает за него. В результате, опасаясь огорчить мать, он сам начинает бояться проиграть и заставляет себя усиленно тренироваться. Но в шестнадцать лет Павел все-таки из спорта уходит. И хотя это решение, по его описанию, было вынужденным (сначала в клубе сменилось руководство, потом произошло что-то еще), он все-таки признавал, что с уходом с его плеч как будто свалился неимоверный груз. Жизнь текла в жестком спортивном режиме, изо дня в день, без отдыха. К тому же, давила конкуренция, которая превращала ее в настоящую борьбу за выживание. А для матери его уход из спорта явился, в каком-то смысле, крушением надежд, возлагаемых ею на сына. И вот с этого момента, примерно лет в шестнадцать, у них начались первые серьезные конфронтации.

Кроме баскетбола, была еще одна важная часть его жизни. Павел сочинял романы в жанре «Фэнтези». Он населял их всевозможными магами, гоблинами, эльфами, вводил себя самого в качестве главного действующего лица, попадая в самые невероятные ситуации и выпутываясь из них. Он писал романы, но никому никогда их не показывал, стеснялся, полагая, что другие просто снисходительно посмеются над его «писаниной», – он так это воспринимал, – как над «детским увлечением». Но на

самом деле мечтал стать писателем. А мать хотела для него профессии более приземленной, более денежной и «реальной».

Романы были очень трудной темой для разговора, потому что когда о них заходила речь, Павел моментально закрывался. А я ловил себя на том, что у меня появляется желание узнать про созданные им миры еще больше. Но он смущался, сразу передо мной «захлопывался», и говорить об этом не желал.

Кроме фантазийных романов, была и еще одна очень трудная для обсуждения тема – его интимной сексуальной жизни. В девятнадцать лет он имел сексуальный контакт с девушкой, всего один. Едва заикнувшись об этом, он моментально закрылся, сказав, что мало об этом помнит, и тут же переключился на другую тему. Характеризуя свою сексуальную жизнь, он утверждает, что это вообще для него не самое главное, что на свете есть много других интересных вещей.

И – последнее, касательно предыстории. Я уже говорил, что Павел несколько раз встречался с отцом на улице. Когда я спросил его, как проходили эти встречи, он сказал, что они стояли друг против друга, и оба испытывали какое-то тягостное чувство. Напряжение просто висело в воздухе: «Ситуация была такая, что он не знает, о чем меня спросить, а я не знаю, о чем ему сказать». И расставались с облегчением.

Вот так выглядит рассказ о его жизни.

Итак, мы начали работать. Мы решили встречаться с ним два раза в неделю, работать в течение года, после чего должны были вернуться к обсуждению исходной проблемы, подвести итоги, что достигнуто, чего достичь не удалось, а также решить, продолжить ли терапию или стоит остановиться.

Динамику происходящего на протяжении этого первого года работы я бы описал следующим образом, если вычленивать наиболее существенное.

Первое, с чем я столкнулся, это его гипертрофированно *правильное поведение*. Оно выражалось в том, что он не позволял себе ни пропускать сессии, ни опаздывать, ни забывать их оплачивать. Сам он не зарабатывал в тот момент, и оплачивались они деньгами матери. Эта сверхправильность сочеталась с буквально повисающей в воздухе *напряженностью и зажатостью*, что я постоянно ощущал.

У меня принцип такой: если я вижу, что в работе с данным пациентом кушетка может быть полезна, и что она не вызовет патогенного регресса или чего-то в этом роде, то я предлагаю пациенту выбор. Я объясняю в двух словах, в чем состоят преимущества кушетки, и дальше предоставляю ему самому решить, захочет ли он этими преимуществами воспользоваться и, если да, то на какой стадии. В данном случае я поступил так

же. И, приближаясь, примерно, к двадцатой встрече, он сказал, что хотел бы попробовать поработать с кушеткой, в надежде, что, возможно, будет чувствовать себя на кушетке менее скованно. В принципе, так оно и получилось.

Я сразу хотел показать этим, что мы *обошли сопротивление* вместо того, чтобы его проанализировать. Моя практика показывает, что в некоторых случаях такой тактический ход бывает уместен. Недостатки работы, которые проистекают из того, что сопротивление остается непроанализированным, с избытком компенсируются тем материалом, который пациент выдает взамен.

Позволю себе маленькое отступление. Признаюсь, что в той технике работы, которую я выработал за двенадцать лет практики, есть вещи, не вполне укладывающиеся в традиционные рамки. В частности, по отношению к некоторым сопротивлениям я использую тактику поведения, которую условно называю *тактикой спецслужб*. Как известно, контрразведка большинства государств прекрасно осведомлена о том, кто на их территории является резидентом зарубежной разведки, но не предпринимает против этого человека никаких практических мер. Дело в том, что, если на место «рассекреченного» резидента пришлют нового, его еще придется «вычислять». А старый, по крайней мере, – уже известное зло. Если сопротивление пациента проявляется в том, что на каждую сессию он приходит с опозданием на пять или десять минут, то, может быть, и будет польза в том, если оставшиеся тридцать пять мы будем говорить об опоздании. Но, все же, иногда оказывается полезнее – вынести это сопротивление «за скобки» и поработать с тем материалом, который пациент готов дать в оставшееся время. Но это субъективно.

Я начал говорить о такой форме сверхправильного поведения, которая сочетается с напряженностью и зажатостью. Павел очень правильно выстраивает фразы, он вежлив, точен, интеллигентен. Мыслительная скованность превращается в телесную. И на протяжении первых десяти-двадцати сессий он неизменно говорил об облегчении, которое испытывает, когда сессия приходит к завершению: «Я как будто сдавал сейчас Вам трудный экзамен». И вот в результате этой атмосферы скованности и зажатости в наших диалогах все чаще стала возникать тема *свободы*. Тема свободы, которой нет. И эта несвобода, как я уже говорил, проявляется в том, что он избегает разговоров на тему о своей интимной жизни, избегает разговоров на темы фантазий. Все это – сфера свободы, куда мне доступ закрыт.

И постепенно у меня возникает ощущение, что я делаю то же, что и его мать. Мне начинает хотеться, чтобы у него не было от меня секретов.

И я испытываю сильное желание, чтобы он рассказывал мне больше о своих фантазиях, чтобы он рассказывал мне больше о своей жизни. А он, как маленький ребенок, смущается и закрывает передо мной двери в детскую комнату. Я ловлю себя на том, что я, также как и его мать, хочу лишить его права на автономию, на ограничение каких-то секретных областей.

И вот тут начинает всплывать третья запретная тема, которая тоже оказывается очень трудной для проговаривания. Это тема того, что происходит «здесь и сейчас». Тема *наших с ним отношений*. Когда я задаю об этом вопрос, я сразу чувствую отстранение. Он начинает говорить: «Ну, какие тут могут быть отношения?». В этом смысле Павел очень похож на психосоматического больного: «Что Вы ко мне чувствуете?» – «А что я могу к Вам чувствовать? Вы доктор, Вы меня лечите – вот и все». Между нами установился примерно такой же стереотип коммуникации.

Так проходит несколько месяцев и дальше наблюдается следующее. У моего пациента резко усиливается сновидческая активность. На каждую сессию Павел начинает приносить по одному-два сна. Сны очень разнообразные, и, все же, в их потоке я выделил бы две основные темы.

Первая тема – сны, которые, так или иначе, обозначают его конфронтацию с лицом мужского пола значительно старше него. Это сновидения о том, как он спорит со своим тренером (по какому вопросу – не важно), сновидения, в которых он спорит со мной (по вопросам литературы). Эти сны показывают обратное тому, что происходит в реальности, потому что в реальности он занимает совершенно адекватную подчиненную позицию. Конфронтация допускается только в снах.

Вторую группу составляют сны о всякого рода катаклизмах. О конце света, об извержении вулкана, о начале бомбежки и т.д. и т.п. И про эти сны он говорит такую интересную вещь: «Я чувствую, что это как-то связано с темой свободы, которую мы затрагиваем, но как именно, совершенно не пойму». В этой череде снов запомнился один, где он приходит на очередную сессию, заходит в мой кабинет, но вместо меня встречает там какую-то женщину. Он спрашивает, где Дмитрий Сергеевич, а женщина ему отвечает: «Его больше нет, и теперь я Ваш терапевт». Пациент говорит: «Я чувствую негодование, раздражение, но язык меня не слушается, и я не могу ничего возразить». Понятно, что в связи с этим сном сразу возникает мысль об уходе отца из семьи, и про мать, которая как бы говорит: «Теперь я для тебя все. Я – гарант твоего существования». Я попытался подвести его к данной интерпретации, но это оказалось преждевременным. Интерпретацию он отверг и сказал, что уход отца из семьи

связан с совершенно другими чувствами, потому что для всех явился, прежде всего, облегчением.

И вот я ловлю себя на интересном чувстве. Я начинаю ощущать, что между моими ощущениями и тем, что я вижу реально, постоянно существует большой разрыв. К чему он сводится? Месяц за месяцем я не чувствую, что Павел становится более свободным. Мы все прекрасно знаем, что пациента нельзя к чему-то вести. Мы просто создаем ему атмосферу, в которой он сам выбирает свой путь. Но, с другой стороны, есть такие вещи, как *собственный трансфер*. Будем разделять контртрансфер и собственный трансфер. Существуют собственные трансферы, которые необходимо в себе отслеживать. Тот перенос, который я в себе нахожу, сводится к тому, что я пытаюсь подтолкнуть пациента к какой-то большей свободе. И вот, с одной стороны, я постоянно чувствую, что он не становится более свободным. А, с другой, вижу реальные факты, которые говорят об обратном: он позволяет себе злиться на меня; с какого-то момента начинает опаздывать на сессии, порой даже пропускать их; на сессиях может подолгу молчать, чего раньше никогда себе не разрешал. Тогда откуда же это чувство, что свободы не прибавляется? И тут я начинаю понимать, что именно я делаю в своем восприятии. Я как будто постоянно поднимаю ему планку. Это похоже на ослика и морковку, которая, маня его, висит впереди на палочке. Павел достигает большей степени свободы, а я ровно настолько же поднимаю планку. Это открытие я перевожу для себя в следующую фразу: «Он должен все время быть растущим, но он не должен вырасти».

Сейчас я хотел бы поделиться некоторыми теоретическими соображениями и потом перейти к зачитыванию протокола одной из сессии.

У меня сложилось следующее ощущение. Мать постоянно препятствовала автономии сына, связывая его своей любовью по рукам и ногам. Когда она так или иначе внушала ему, что он без нее не выживет, это, по сути, было проекцией ее собственной экзистенциальной тревоги, означая: «Я не выживу без тебя». И вот эти симбиотические отношения рожают два мира. Два мира, проблема которых состоит в том, что они не могут соприкоснуться или пересечься, ибо изолированы друг от друга.

Первый – это мир безопасной близости и обыденности. Мир, где есть однокомнатная квартира, прозаичная профессия в будущем. Второй – мир свободы, мир фантазии и реализации. И эти два параллельных мира были, конечно, всегда, хотя Павел и утверждает, что в том, как он воспринимал мать в детстве, якобы, не было никакой амбивалентности. В пубертате, по понятным причинам, происходит конфронтация этих двух миров, и паническая атака оказывается реакцией на эту конфронтацию. Паничес-

кая атака как средство уйти от невыносимого конфликта и вернуться в состояние безопасной близости с матерью. И в рамках симбиотической версии я предлагаю ему, может быть, даже банальные интерпретации его сновидений о цепочках и частицах как репрезентации представлений о преемственности поколений, о слиянии половых клеток. Пациента пугает мысль о наследовании мужских начал от отца и более дальних предков и возможность их дальнейшей преемственности уже его собственными детьми, потому что он всегда был только сыном своей матери, составляя с ней одно целое. Он – звено *вне* цепи.

Аккуратность и правильность Павла в отношениях со мной – это то, что гарантирует ему безопасность коммуникации, потому что его сны полны опасными и преследующими объектами. Еще один частый мотив его снов – он убегает. Он совершил какой-то проступок и за ним кто-то гонится. Стихийность, свобода – таят в себе опасность, потому что трактуются как отцовское наследие. Из боязни перед стихийностью проистекает его высокая склонность к интеллектуализации. Вспоминая наши с ним беседы на сессиях, я понимаю, что не удержался и, того не замечая, «встроился» в интеллектуальную игру, которую он мне навязал. Усиление сновидческой активности, в данном случае, выступает как наиболее безопасная форма регрессии, позволяющая занять в его отношениях со мной конфронтующую позицию.

К тому моменту, которому принадлежит сессия, представленная ниже, я охарактеризовал бы наши отношения следующим образом. Если говорить в терминах Рене Шпитца, то в отношениях со мной пациент продвинулся до стадии либидинозного объекта, на что, как мне кажется, косвенно указывает сон про женщину-терапевта. Но его восприятие меня в тот момент очень расщеплено. Я забыл упомянуть об одной его фантазии, которой он поделился. Это была фантазия о том, что он отправляется в морское путешествие и берет с собой самых близких людей, в их числе и меня. В то же время, как я уже говорил, разговоры про то, что происходит между нами, для него были очень неприятны. Иначе говоря, эмоциональная коммуникация со мной отрицается, хотя в фантазиях она присутствует.

Теперь, если позволите, я прочитаю вам сессию. Это сессия номер восемьдесят. Она происходит как раз тогда, когда прошел год с момента начала нашей работы.

Сессия № 80

Павел ложится на кушетку, лежит неподвижно, молчит около трех минут.

Павел: Вчера я думал, что значите для меня Вы, мои приходы сюда. Вот интересно, это стало уже не просто привычным, это стало частью моей жизни вообще. Хотя ситуация казалась какой-то неестественной. Странно приходить, устраиваться на кушетке, говорить что-то. Когда я пришел сюда, я вообще совсем по-другому все это представлял. Я думал, что будет что-то типа гипноза, разъяснений каких-то, указаний... (*смеется*). Я вообще, оглядываясь назад в то время, себя не узнаю. Мне сейчас кажется, я выглядел как какой-то испуганный маленький мальчик, вообще ничего не понимающий, что происходит. (*После паузы*). Я на самом деле был очень испуган тогда, шел сюда со страхом. Я думаю, что если бы сегодня пришел впервые, то вообще иначе бы рассказывал обо всем, что со мной случилось.

Я: Давайте представим, что Вы сегодня пришли в первый раз.

Павел: Я ведь сейчас по-другому ко всему этому отношусь. Мне тогда казалось, что со мной произошло что-то невероятное, почти мистическое. Тогда у меня вызывало это темный ужас. Сейчас? – Сейчас я думаю, что с человеком вообще все может произойти. Сейчас я вообще, может быть, иначе сформулировал бы, чего хочу. Я, может быть, сказал бы, что хочу быть более независимым, более взрослым, что ли. Многие мои сверстники уже ведут свою жизнь, имеют семьи, зарабатывают... А я до сих пор живу с мамой, да еще и на ее зарплату. И стоит от нее чуть отдалиться, начинают страхи одолевать. (*Молчание.*)

Я: Вы говорите, по сути, о том, что уже стали более взрослым, и что Ваши страхи уже не так привязывают вас к Вашей матери и ко мне?

Павел: Иногда я так и чувствую, но потом будто одергиваю сам себя. Думаю: «Вот сейчас зайду слишком далеко, тут-то страх и навалится». Получается, что ощутить себя здоровым или почти здоровым – это страшнее, чем ощутить себя всего боящимся.

Я: Да, свобода может пугать, даже свобода здесь, в кабинете.

Павел: Я постоянно думаю теперь: а что такое быть свободным здесь, в Вашем присутствии? Помните, сколько мы об этом говорили? Вы еще тогда заметили, что я лежу какой-то одеревенелый. А я сказал, либо так, либо я буду дрыгать ногами, размахивать руками и вообще вести себя совершенно нелепо. (*Смеется.*) Я все время думаю, почему я здесь веду себя почти без эмоций, не так как в обычной жизни. Здесь постоянно должна быть какая-то степень умеренности, какая-то черта, которую я не переступаю. Там, в обычной жизни, я ведь могу на что-то очень бурно реагировать. (*Молчание.*) Помните, я и сам не мог понять: я все-таки здесь естественно себя веду или удерживаюсь от чего-то? Теперь мне все больше кажется, что удерживаюсь. По крайней мере, какое-то напряжение здесь есть.

Я: Да, и мы говорили, что не только здесь.

Павел: Оно всегда бывает в присутствии людей... людей, при которых есть какое-то внутреннее... ну, сейчас я, например, подумал про своего тренера. Разговаривая с ним, я был очень похож на того себя, который сейчас говорит с Вами.

Я: С тренером тоже надо было сдерживаться?

Павел: Да, не размахивать руками и ногами. (*Смеется.*)

Я: А если все-таки это проявить?

Павел: Я не знаю, что могло бы случиться... (*Пауза*). Я вот вспомнил, как мы ездили в Чехословакию, в Прагу. Меня тогда поразило, насколько свободно чехи между собой общаются. И игроки, и тренеры. Я им даже завидовал. Незаметно никакой субординации. Все просто, легко, эмоционально. Все друг с другом на «ты». (*Пауза*). Я ведь не специально себя сдерживаю. Как будто во мне что-то сдерживается само по себе, без участия воли. В общем, это было не только с тренером. Почти так же я себя вел по отношению к дяде – брату матери. Я рассказывал о нем, да? С ним тоже было чувство какого-то неудобства, что ли. Или нежелание сказать что-то лишнее. Даже не нежелание, а просто не получалось. Я рядом с ним был постоянно какой-то сконфуженный, как будто не знал, куда руки девать.

Я: Чтобы не начать ими размахивать.

Павел: Вот именно. ... Я сейчас ощутил какое-то головокружение. Иногда у меня такое здесь бывает.

Я (*после паузы*): На что это похоже?

Павел: На падение. Опасность куда-то упасть, потерять равновесие.

Я: Можно ли рассказать об этом побольше? Какая картина встает сейчас перед глазами?

Павел: Полет. (*Молчание*). Как бывало во сне в детстве. Будто я отталкиваюсь от крыши, даже не отталкиваюсь, а как будто бы какая-то сверхъестественная сила тянет в воздух. Внизу улицы, поля, какие-то поселки маленькие-маленькие.

Я: Восторг.

Павел: И потом ужас. Хочется закричать: «Ах!». И болтать ногами, руками. И тут же ледяным холодом обдаёт. Да ведь это же невозможно: удержаться в воздухе, я сейчас костей не соберу!

(*На этом месте он делает резкий выдох, умолкает, как будто одним шагом вернулся к реальности*).

Я (*после молчания*): Да, это была свобода.

Павел: Я даже сам немножко испугался. Это напряжение вдруг на секунду исчезло куда-то, и я почувствовал, что падаю. (*Пауза*). А о чем

мы говорили, я забыл? (*с вопросительной ноткой*). Ах, да, о дяде. Я сказал про неловкость, которую с ним чувствовал. Неловкость при встречах с отцом была немножко другая. Будто встретились и надо о чем-то говорить, а о чем – ни я, ни он не знаем.

Я: А что если просто вдвоем помолчать?

Павел: От молчания напряжение только растет.

Я: Да, как и здесь, мы говорили об этом. Как оно могло бы разрядиться, если бы стало предельным?

Павел: Не знаю, но это совершенно невозможно вообразить. Я думаю, что это было бы что-то страшное или даже сверхстрашное. И я, и Вы – все перестало бы существовать. Как взрыв.

Я: Мне вспоминаются Ваши сны, где что-то взрывается, рушится и чувство восторга, которое Вы испытываете.

Павел: Хм, да. «Чую с гибельным восторгом, пропадаю», как у Высоцкого. (*Долгое молчание*). Кстати, о чем мне сейчас подумалось. (*Пауза*). Мне вспоминаются мои сны, там часто повторяется один фрагмент. Летит самолет. Его кто-то подбил. Иногда у меня на глазах, иногда кто-то его уже подбил. Потом он падает куда-то за горизонт и взрывается. (*Пауза*) Иногда такое чувство, что он может упасть на меня. Почему-то раньше я не рассказывал здесь об этом. Но мне снится очень много всего. Я иногда на утро по два-три сна помню. Сейчас вот отчего-то эта деталь пришла в голову.

Я (после паузы): Что еще вы могли бы рассказать об этом?

Павел: Можно о моих чувствах сказать. Там есть страх, конечно. Особо, если этот самолет может упасть на меня или на мой дом.

Я: Можно ли еще что-то про это рассказать?

Павел: Но есть что-то и помимо страха. Есть всегда удивление, не удивление, а оцепенение. Я как будто цепенею. И еще ощущение дикого восторга, совершенно безудержного, как раз такого, о котором мы говорим.

Я: А когда такой сон был последний раз?

Павел: На днях. Вчера... нет, позавчера. Мне снилось, что я еду на поезде и смотрю в окно, и такой самолет летел параллельно поезду. И, что интересно, он летел медленно, с такой же скоростью, как поезд. Это было величественное зрелище. А потом он стал терять управление, ушел в пике и упал куда-то за горизонт. И из-за горизонта поднялось гигантское черное облако. (*Пауза*) Сейчас, когда я вспоминаю, мне кажется, это был даже не самолет, а, скорее, какая-то ракета. Или дирижабль. Длинное сигарообразное тело. Раньше тоже падали то самолеты, то ракеты.

Я: Самолет, ракета, дирижабль... Павел, какие ассоциации есть с этими аппаратами?

Павел: *(Пауза.)* Трудно сказать. *(Пауза.)* Ассоциации? Полет. Преодоление притяжения. Какая-то сила, рвущаяся вверх. Что еще? – Не знаю.

Я: Хорошо. Что случилось с этой ракетой... или дирижаблем? Ну, пусть будет ракета? Отчего она могла потерять управление?

Павел: Там случилась какая-то авария. Может быть, отказала программа. Сейчас мне кажется, что эта ракета летела вообще без людей, без экипажа. Может быть, ею управляли по радио, с земли. Или вообще не управляли. Это какая-то слепая сила, как будто действующая сама по себе.

Я: Ранее Вы сказали, что это самолет, и он был подбит.

Павел: Может быть. Я давно заметил, что когда вспоминаю и рассказываю сны, у меня эти воспоминания могут меняться прямо по ходу рассказа. Но сначала мне действительно казалось, что летел самолет и что его подбили с земли.

Я: Кто бы мог это сделать?

Павел: Такое ощущение, что где-то война. Война, которая не касается меня напрямую. Воюет кто-то с кем-то, но и меня могут ненароком задеть. Например, рухнет дом или самолет падает.

Я: Да, это как стихийное бедствие. Сталкиваются две чудовищные силы. И, хотя ни одна из них, возможно, не хочет Вам зла, но все равно лучше сжаться, бежать, отстраниться.

Павел: Я так и знал, что Вы сейчас об этом подумаете. Я подумал об этом сразу, когда Вы стали говорить. Я подумал: «Вот сейчас он вспомнит о моем детстве». *(Пауза)* Ну, да, когда отец приходил, и когда с мамой... Но сейчас мне все-таки кажется, что это другие ощущения. Тогда было страшно, но не было такого щемящего восторга, когда хочется сказать: «Ах!». Как в тех снах, где я летал. *(Пауза.)* Сейчас опять этот сон перед глазами, я его прокручиваю как фильм. Я уже не уверен, что мне именно так и снилось, но сейчас я вижу, что этот самолет горит, за ним тянется шлейф дыма. Ух, меня даже передернуло. *(Молчание.)* Да, может быть, чем-то это все беспокоит. Тем более, такие чувства во время сна, вот сейчас стал представлять, и они почти вернулись. Сразу захотелось проснуться, вынырнуть из всего этого. Но что меня конкретно беспокоит, даже не могу понять.

Я: Хочется вынырнуть, но что-то притягивает, и хочется вернуться в этот сон, к этим переживаниям.

Павел: Самолет – это какая-то чудовищная энергия, стремящаяся вперед и ввысь. Конечно, это привораживает. Я раньше часто летал на самолете, когда мы ездили с командой на сборы или соревнования. У меня всегда дух захватывало, когда он разогнался и отрывался от взлетной полосы. Меня в эти минуты было не оторвать от иллюминатора. Интересно,

кстати, что летать я никогда не боялся, хотя никогда не мог понять, как такая громадина держится в воздухе. Это казалось абсолютно противоречащим всем законам физики. В моем сне он летел медленно, и это было еще более непонятно. А страх появляется тогда, когда он начинает падать, потом уходит в землю, и где-то за горизонтом взрывается. Уходит в землю, и больше его нет, только столб дыма. И тогда ждешь, что тебя сейчас захлестнет какая-то волна, может быть, ударная... *(Тут он замолкает, как будто оборвав себя на какой-то неожиданной мысли).*

Я *(после паузы)*: И?

Павел: *(произносит с очень большим трудом)*: И тогда появляется сильное желание пойти туда, увидеть своими глазами место, где он упал. Воронку. Может быть, обломки. То, что от него осталось. Сейчас уже трудно вспомнить, что я рассчитывал там увидеть, и зачем мне это было надо. Но такое желание было.

Я: *(после паузы)*: Давайте попробуем почувствовать его еще раз, сейчас. Попробуем снова увидеть этот самолет.

Павел: *(после долгого молчания)*: Я сейчас ярко представил ракету. Она летит, маневрирует, огибает рельеф. Я видел чуть сверху, вокруг гор. Мне кажется теперь, это боевая ракета. *(Молчание)*.

Я: Что Вы еще видите?

Павел: Теперь подо мною море. Ракета летит над морем. Я чувствую физическое напряжение во всем теле, почти до судорог. Оно мешает увидеть то, что дальше, проследить полет, посмотреть, что будет дальше. Я словно прикован к одной точке. Я больше ничего не вижу, все исчезло. Темнота. *(Пауза)*. Я что-то похожее видел во сне, где соединялись две точки – помните?

Я: Хорошо помню, продолжайте.

Павел: Когда они сближались, я испытывал почти такое же оцепенение. Все тело напрягалось, сжималось. Это очень похоже.

Я: Вы чувствуете напряжение. В какой части тела находится его очаг? Откуда оно начало распространяться?

Павел: Не знаю, я пытался сжаться в комочек, согнуть колени, притянуть их к подбородку... Может быть, где-то в области живота. Сейчас, когда Вы спросили, я подумал про живот. Это было волнами и сразу по всему телу до кончиков пальцев... *(несколько слов звучат неразборчиво)*. Эти фрагменты почему-то ужасно знакомы, будто я их давно помню. Нет, ничего в голову не приходит, все мысли разбежались.

(Наступает долгое молчание, в процессе которого я чувствую, как исчезает напряжение, захлестнувшее нас обоих... Мы расслаблены. И мне приходят в голову его слова: «энергия уходит в землю, и больше ее

нет». После паузы я говорю с таким ощущением, словно мы вернулись из его сновидения.)

Я: Павел, мне кажется, для Вас очень важно говорить об этих образах. Вам важно говорить о своих снах, фантазиях и, может быть, даже более важно, чем говорить о том, что происходит в Вашей реальной жизни.

Павел: Эти образы иногда завораживают и, когда я начинаю фантазировать, мне кажется, что там очень много всего. И если копнуть поглубже, то (пауза), может быть, через них получится понять, что со мной происходит?

Я: Безусловно, но есть и еще что-то.

Павел: Что-то еще?

Я: Может быть, это моя фантазия, но у меня такое ощущение, что само обилие этих снов и обилие образов помогает вам сообщить мне что-то важное. Важное для наших с вами отношений.

Павел: Я никому никогда, кроме Вас, не рассказывал про эти вещи. Даже самым, казалось бы, близким друзьям, перед которыми я мог бы открываться полностью. Сновидения, образы... нет. (Смеется). Если бы я стал рассказывать приятелям то, что рассказываю Вам, они бы просто решили, что у меня голова не в порядке.

Я: На ваш взгляд, как я воспринимаю то, что Вы рассказываете?

Павел: Ну, Вы прекрасно понимаете, что все это само по себе... ну... не болезнь, если можно так выразиться. У меня есть какой-то внутренний мир, как у каждого человека. И я в какой-то мере приоткрываю его перед Вами, чтобы Вы убедились, что я не так скучен и пуст, как мог бы показаться.

Я: Да, и я думаю, что это и есть то важное, что Вы хотели мне сообщить.

Павел: Мне иногда казалось, что Вам может быть со мной скучно. Я думаю, что в жизни я человек не очень приметный. У меня обыкновенная заурядная внешность, я как все.

Я: При этом есть мир, в который Вы редко кого-то пускаете. Мир Ваших фантазий, снов, ваших романов.

Павел: Так было всегда.

Я: Значит, мы опять подошли к проблеме двух миров. Двух миров, которые должны быть изолированы один от другого. Вы чувствуете в одном из них себя более спокойно, Вы более защищены. Но чтобы пробудить во мне интерес к Вам, вы приоткрываете мне мир другой, который скрыт от глаз.

Павел: Я себя несколько раз ловил на мысли, что у меня общение с Вами строится как-то совсем иначе, не как с другими людьми. Я ведь почти

никогда не говорю о том, что у меня реально происходило вчера или сегодня. Маме или кому-то из знакомых я могу при встрече рассказывать, как у меня дела в институте, на сессии или как я на дискотеку ходил. Или – что никак не могу купить себе «мобильник», который мне нравится. Я ведь не сказал бы, что меня все это совсем не волнует. Но тратить время на эти разговоры здесь – это... ну, это просто выглядит как пустая трата времени и ничего больше. Скольжение по какой-то поверхности. Ну, какой Вам интерес, например, выслушивать, как я был на дискотеке?

Я: Это может выглядеть как лишенное интереса, но только если мы оставляем в стороне фантазии, переживания, Ваши живые чувства, с этой дискотекой связанные.

Павел: Да, тогда это будет просто названием фактов.

Я: Если факты не значимы, а чувства, связанные с ними, закрыты, тогда возникает тягостная ситуация: Вы не знаете, что сказать, а Ваш собеседник не знает, о чем спросить.

Павел: Я понимаю, что Вы имеете в виду, – мои встречи с отцом.

Я: Да, я сейчас подумал об этом. Мне кажется, что в такие минуты вы оба стоите перед неодолимой преградой. Невозможно раскрыть что-то, что, может быть, сблизило бы вас.

Павел: Не знаю, что на это сказать. Мне трудно представить себе, чтобы я начал рассказывать отцу о том, что мне снится. А что он мне мог бы открыть в себе? Тут у меня даже фантазии не хватает. Для этого надо знать что-то о человеке. А я знаю, по сути, только то, что мне мама рассказывала. А она ничего хорошего о нем не говорила.

Я: Вы знаете, Павел, мне сейчас вспоминается ваш рассказ о страхе, который Вы испытывали перед отцом. Вы говорили, что страшнее всего было думать о нем в его отсутствие, когда он был далеко. Что именно тогда хотелось застыть, спрятаться, ничем не выдавать себя, своего существования, задавить свои желания, свою свободу. Вы говорили, что, сближаясь с Вами, он неизменно оказывался не таким страшным. Но это не помогало Вам перестать бояться его в те часы и минуты, когда Вы только ожидали его прихода.

(Павел издаст какой-то неопределенный звук, похожий на «Хм»).

Я: Когда я воспринимаю Вас как отстраненный, холодно молчащий, вы чувствуете потребность угадывать мои желания, соответствовать им. Тревога растет, потому что Вы никогда не уверены, что это Вам удалось. Когда Вы не чувствуете сближения, Вы не позволяете себе чувствовать злость, другие эмоции. Словом, не позволяете себе быть собой.

Павел: *(после молчания):* Но сближение для меня тоже чем-то неприятно. Я не знаю, как это описать. Когда Вы однажды сказали, что чувству-

ете себя передо мною виноватым (*этот момент запомните, мы к нему еще вернемся – Д.Р.*), это меня заинтересовало, но сразу появилась тревога. Не помню, по-моему, я Вам не говорил об этом в тот раз. Это было... ну, как если бы в Вашей открытости прятался какой-то подвох. Я расслаблюсь, раскроюсь, а тут Вы что-то такое сделаете... ну я даже не знаю.... Будто скажете: «А ты, дурачок, все за чистую монету принял?». (*Молчание*). С мамой тоже не люблю сближаться, но это как-то по-другому. Там такое чувство, что только расслабься, только прояви эмоции – она тебя вообще заглотаёт с головой. Если бы я сказал ей что-то открытое – даже самая мысль об этом меня обжигает! Сразу хочется оттолкнуться. (*Пауза*). Вот интересно, я не знаю, почему я не говорил Вам об этом. Недели две назад мне приснился сон. Приснился отец. Самое интересное – то, из-за чего мне так не хотелось Вам об этом рассказывать. Он вообще-то мне и раньше снился, но всегда был где-то далеко. Я будто за ним исподтишка наблюдал, а он меня не видел. А тут он был близко, и я с ним как-то очень тепло общался. Чувство было такое, какого на самом деле я никогда к нему не испытывал. (*Молчание*).

Я: Какого чувства на самом деле нет?

Павел: (*говорит с трудом и смущением*): Чувство, что мы одна семья. Я будто совсем маленький, и как будто я к нему прижимаюсь. Приятное ощущение.

Я: Приятное. (*Пауза*). Но мне не кажется, что этого чувства, как Вы сказали, на самом деле нет.

Павел: (*после молчания*): По крайней мере, я такого не помню. Я как-то уже примирился с мыслью, что отца у меня ... нет, и не было.

Я: Значит, когда-то Вы с этим не готовы были мириться, и Вы помните, что отец у Вас был и есть.

Павел: Но я не помню таких чувств, какие испытывал в этом сне.

Я: Что-то в Вас все-таки помнит их, ведь сон приснился.

После долгого молчания я говорю: «На сегодня все, Павел». И мы заканчиваем сессию.

Д.С. Рождественский: Мне осталось перейти к заключительной части повествования. Может быть, на этом этапе есть какие-то вопросы?

Вопросы и реплики:

– Можно маленький комментарий по поводу снов? Когда я слушала Вас, у меня возникло опасение, что сейчас все уйдет в традиционную для психоанализа сексуальную символику. А мне хотелось бы помыслить психоанализ как открытую систему. Я имею в виду сон, где Павел едет в поезде и видит самолет, летящий параллельно движению поезда... Мне кажется, этот сон имеет прямое отношение к теме свободы, о которой Вы

говорили. Поезд – символ заданного движения. Конечно, он от чего-то удаляется и движется вперед, но строго по рельсам, как требуется. У самолета тоже есть маршрут, но он летит в небесном просторе, и Павел не случайно подчеркивает: «вперед и ввысь». По-моему, в этом сне он близок к пониманию того, что должен иметь отвагу *быть*. Самолет может разбиться, и он разбивается, но летать от этого не перестают. И уже вторично в символику сна вплетается родительская тема, прежде всего, отца... С отцом – тоже очень интересно: я имею в виду последний сон Павла, где они встретились, и он впервые испытал к нему близость. Я не раз замечала по клиентскому и собственному опыту: иногда именно в снах нам является то подлинное отношение к близкому человеку, которое в жизни исчезло, забылось или осталось не понятным, не реализованным, а сновидение вдруг, по прошествии многих лет, возвращает нам это чувство более живым и настоящим, чем в самой жизни, как бы возвращая нас к сути отношений.

Д.С. Рождественский: Согласен, и, более того, скажу, что у меня есть свое понимание, что такое сновидение. Сновидение, – конечно, очень многозначная конструкция. Но один из аспектов, для меня лично, заключается в том, что сон... Мы видим мир вокруг себя, стоя на определенной позиции. И сознание позволяет нам воспринимать то или иное явление только с данной позиции. А сон позволяет переместиться на иную и увидеть ситуацию в новом ракурсе. Понимаете, что я имею в виду?

– Да, конечно...

Новая реплика из зала:

– А можно взять – и проинтерпретировать сон с позиций переноса? Мне кажется, это и есть психоанализ.

Д.С. Рождественский: А что такое «с позиции переноса»?

– Как?! А с какой же позиции Вы интерпретируете?!

Д.С. Рождественский: По-моему, Вы однажды уже задавали мне подобный вопрос, и я ответил, что мое понимание переноса несколько отличается от приведенного в учебниках.

Я хотел бы отметить, что зачитанная мною сессия служит для меня в определенном смысле «вехой». Поэтому именно ее я и выбрал. На этой встрече тема отца впервые оказалась окрашена в *позитивные* тона. Тождественны этому понятия: «сближение с человеком» и «потеря контроля». Потеря контроля – это выход в сферу свободы. И у меня возникла, может быть, несколько странная интерпретация желания моего пациента «заглянуть в воронку», где упал самолет, или ракета...

Из зала:

– Заглянуть в воронку?

Д.С. Рождественский: Да, у Павла было желание приблизиться к воронке и посмотреть, что там. И здесь есть параллель: *приблизиться* и *сблизиться*.

Если вопросов и реплик больше нет, я продолжу. Дальнейшая динамика процесса может быть описана следующим образом. На второй год работы я начинаю уделять все большее внимание интерпретациям негативизма моего пациента. И, соответственно, негативный полюс наших отношений начинает все больше проявляться «здесь-и-сейчас». Это выражается с его стороны, прежде всего, в пропусках сессий, в опозданиях, в раздражении и злости, которую он высказывает, когда начинает звучать тема чувств «здесь-и-сейчас». Постепенно выкристаллизовывается двойственность, которая выражает двойственное отношение к отцу: колоссальную потребность в нем и колоссальную обиду на него. Это все то, что раньше отрицалось. Страхи, на которые он жаловался, ушли, про них больше нет разговора. И здесь говорилось про поезд...

Действительно, на той стадии, о которой я говорю, у него стали появляться в изобилии сны с образом электрички. Его собственная интерпретация была такова, что электричка – это отъезд, разлука, говоря нашим «птичьим» языком, «травма сепарации». И ему снится очень интересный сон. Он едет в электричке и встречает контролера. «Контролер» – это Дмитрий Сергеевич. И контролер ему грозно говорит: «Предъявите пропуск!». Не билет, а пропуск. Пропуск сессии – это предъявление «пропуска», дающего право на сепарацию. Я еще думал, что здесь есть определенная связь со сновидениями о «цепочках».

Цепочка бесконечна, а электричка – тоже цепочка, но не бесконечная, а состоящая из нескольких вагонов. Оторванность от предшествующего и последующего звеньев, о которых я говорил.

И потом – еще одно событие: умирает отец. Реально умирает. Это происходит в середине второго года нашей работы. После того, как отец умирает, открывается, что он на протяжении некоторого отрезка своей жизни писал романы, которые никому не показывал. Павел об этом узнал. Он плакал. Во второй половине второго года нашей работы у него появилась девушка. Это был первый случай, когда у него возникли стабильные отношения с девушкой. Через несколько месяцев он сказал, что больше потребности в терапии не испытывает.

Моя позиция в таких вопросах сводится к следующему. Я почти никогда, за исключением эксклюзивных ситуаций, не удерживаю пациента. Если пациент говорит мне, что хотел бы прекратить терапию и, если у меня нет чувства, что за этим может последовать деструктивное отыгрывание, суицид или уход в психоз, то я задаю вопрос: «Вы меня просто ставите в изве-

стность или хотите это обсудить? Если ставите в известность, то – никаких препятствий. Всего доброго. Потом можете, если понадобится, позвонить мне снова. Если хотите обсудить, то давайте взвесим все “за” и “против” и посмотрим, какая чаша весов перетянет». В данном случае я беспокойства не испытывал и полагал, что, вполне возможно, он достиг той степени автономии, которая теперь действительно нуждается в испытании. Мы провели еще несколько контрольных последних встреч и договорились встретиться с ним через три года. Недавно я совершенно случайно обнаружил его повесть в сборнике молодых фантастов.

Я закончил. Мне очень важны ваши мнения и советы, в связи с тем, что вскоре мне предстоит снова встретиться с ним. Это еще одна причина, по которой я решил представить именно этот случай.

Вопросы и реплики:

– Как Вы думаете, он придет к вам как к отцу?

Д.С. Рождественский: Я думаю, он придет ко мне как к Рождественскому Дмитрию Сергеевичу. Как говорил еще Хайнц Кохут, цель терапии заключается в том, чтобы терапевт для пациента становился все более и более отсутствующим, но я бы сказал, наоборот, – все более присутствующим как *реальный объект*. Поэтому я думаю, что он придет ко мне не как к отцу, а как к терапевту. И, может быть, даже не как к терапевту, а, на что я очень надеюсь, как к старшему товарищу. Потому что здесь происходит то же, что происходит в зрелой личности с внутриспсихическими инстанциями. Зрелая личность – это личность, в которой суперэго оставляет позицию *над* эго и занимает позицию *рядом* с ним. Это, по крайней мере, то, на что очень хотелось бы надеяться.

– Все-таки, какова была Ваша оценка переноса, какова была его динамика, что произошло? И если возможно, хотя бы два слова – о контрпереносе.

Д.С. Рождественский: Мне сейчас ассоциативно вспомнилась такая вещь. Я проходил свой второй анализ у аналитика из Соединенных Штатов. И как-то раз я недоуменно задал вопрос, я действительно недоумевал. Дело в том, что там шла работа с акцентом на достаточно глубокие фантазии и сновидения. И я в то время еще находился под влиянием Гринсона, который говорил, что работа с переносом – это конфронтация, интерпретация и проработка. И я спросил у своего аналитика: «А почему Вы с моим переносом не работаете?». В ответ она поинтересовалась: «А что Вы называете работой с переносом?». Я рассказал о том, что я называю работой с переносом. И в итоге она ответила следующее: «У Вас есть перенос?». Я сказал: «Есть». Она: «Ну, вот видите: Вы знаете, что он у Вас есть, я знаю, что он у Вас есть, значит, можем это вынести за скобки».

– Нет! Я настаиваю на своем вопросе. Вы сказали, что у вас какая-то своеобразная концепция переноса. Какова она?

Д.С. Рождественский: Она действительно есть и, может быть, действительно от общепринятой несколько отличается.

– Делая доклад, вы отметили, что есть контрперенос и собственный перенос.

Д.С. Рождественский: Да, я говорил об этом. Я понимаю, что эти вещи иногда трудно разделить... Под собственным переносом терапевта я понимаю его собственные чувства – те чувства, которые ему свойственны; а под контрпереносом – те, которые данный пациент индуцирует в терапевте. И в этом я вижу разницу. Хотя, опять-таки, хочу подчеркнуть, что обе реакции тесно связаны. Если пациент ведет себя провоцирующе агрессивно и, если он через проективную идентификацию вызывает у меня агрессию в контрафакте, я понимаю, что это чувство, не свойственное мне, индуцировано данным пациентом. Но с другой стороны, я отдаю себе отчет и в том, что оно все же что-то зацепило во мне. Значит, что-то и во мне было готово на это откликнуться. Даже если это чувство для меня не характерно.

– То, что Вы рассказываете, очень интересно, захватывает даже. Но если можно еще какую-то диагностическую оценку, если Вы это используете. Это первый вопрос.

Д.С. Рождественский: Вас интересует, как я с диагностической точки зрения оцениваю своего пациента? Я могу это сделать, но для меня это не самое важное. Само событие, которое вынудило его обратиться, я описал бы как паническую атаку. Что касается самого пациента, то я описал бы его как личность обсессивного типа невротического уровня. Но в отношении диагноза я близок к тем взглядам, которых придерживаются кохутианцы – сторонники психологии самости. Для меня диагноз – это некоторое определение, которое человека в большей степени «закрывает», нежели открывает. Это ярлык. И у меня есть такое любимое выражение, которое даже мои коллеги не всегда понимают. Я говорю: большая часть личности пациента меня не интересует. Я работаю со здоровой частью.

– Но Вы преподаватель, и я преподаватель. И здесь нужно избегать такого абстрагирования.

Д.С. Рождественский: Естественно, поэтому к проблеме диагноза я стараюсь подходить сбалансировано. Но даже всем известная Нэнси Мак Вильямс, написавшая учебник «Психоаналитическая диагностика», даже она в одном месте в этом учебнике пишет такую фразу: если Вы начинаете пациента просто чувствовать, вы можете отбросить диагноз как потерявший значение. Чувство, эмпатия, выходит на первый план.

– Спасибо. И у меня второй вопрос, более локального свойства. Просто ответ «да» или «нет». У меня сложилось впечатление, что мы здесь в переносе имели дело с некоторым синтонным гомосексуальным компонентом. И у меня сложилось впечатление, что при таких временных рамках и для таких пациентов некая договоренность о том, что эта гомосексуальная симптоматика не интерпретируется прямо, является фактором поддержания рабочего альянса. Опять же, повторяю, при таких временных рамках.

Д.С. Рождественский: Мне кажется, что в таких случаях гомосексуальную симптоматику не стоит интерпретировать даже не только потому, что она удерживает альянс, а потому, что если эта интерпретация попадет в цель и действительно коснется чего-то очень важного в душе пациента, он может регрессировать в психоз.

– Спасибо за очень интересный случай. Вызвало очень много фантазий и ассоциаций. Хотелось бы частью из них поделиться. С самого начала было ощущение очень сильной амбивалентности. Вы об этом и заявили. Потом было очень много матери, мамы. Начиная с этих его оцепенений, у меня возникли такие слова как «растворение в хорошей груди». И дальше, когда Вы рассказывали, что это оцепенение продолжалось, возникло ощущение, что он наблюдал первосцену родителей. И когда в снах убежал от чего-то – это была какая-то инцестуозная мысль, инцеста с мамой: он убежал от чего-то, что сделал не так. И когда у него произошла встреча с отцом, то отец у него как бы спрашивал: «У тебя с мамой что-то было, когда я ее оставил?». И он не знал, что ответить.

Я просто думала: «про что» это оцепенение? Про что оно может быть? Тут может играть роль идентификация с отцом: отец выпивал, и я выпиваю. Единственное, что мальчик знал об отце, касалось его импульсивности и алкоголя. Идентифицируясь с отцом, он впадал в это оцепенение. А потом, когда он узнал, что отец еще и роман писал, здесь для него открылась созидающая сторона отца. И уже не страшно идентифицироваться с ним. И появилась девушка. И уже не страшно передать что-то свое.

Д.С. Рождественский: Да, это очень созвучно тому, что я чувствую. Хотя я не формулировал это для себя так, как Вы, но я согласен.

ПРЕСУИЦИДНОЕ СОСТОЯНИЕ У ДЕВОЧКИ-ПОДРОСТКА: НАРУШЕННЫЙ ОБРАЗ ТЕЛА И РОЛЬ ОТЦА

Н.К. АСАНОВА*

В статье рассматривается случай девочки-подростка, страдающей дисморфофобическим расстройством и склонностью к суициду. За целым рядом конкретных телесных симптомов пациентки автор видит блокированные бессознательные инцестуозные фантазии девочки, связанные с эдиповой констелляцией. Показано развитие интегративных процессов во внутреннем психическом пространстве пациентки, а также основные этапы этой внутренней трансформации в ходе анализа. Раскрывается перестройка психопатологической симптоматики – от конкретного уровня переживаний к более символическому по мере их вербальной переработки. Представлена динамика переноса на протяжении различных фаз анализа. Ключевым понятием, организующим работу аналитика, выступает фигура «Третьего» и «переменного третьего» в аналитическом процессе.

Случай, который я собираюсь здесь представить, поднимает как клинические, так и теоретические вопросы, имеющие отношение к суицидальному поведению подростков, включая роль в этом отца как объекта, необходимого для выживания ребенка и принятия им реальности. Мои представления сложились под влиянием работ Лауферов (*M.Lauffer & M.E.Lauffer, 1984*) и других современных психоаналитиков (*Blos, 1967; Haim, 1974; Sayers, 1998; Campbell, 1999; Chasseguet-Smirgel J., 2005*), где предметом анализа выступали срывы развития в подростковом возрасте.

Суицидальные состояния объясняются сегодня большинством аналитиков с позиции внутреннего расщепления души и тела, при котором у подростков возникает неодолимое желание разрушить тело, переживаемое в своей отдельности от души. По мнению М. Лауфера, подростковый суицид

* *Асанова Нина Кузьминична* – канд. мед. наук, декан факультета психоанализа Института психоанализа, действительный член Московского общества психоаналитиков, прямой член Международной Психоаналитической Ассоциации.

обычно сопровождается навязчивыми состояниями, включающими переживания интенсивной ненависти и стремления к деструкции, направленной на свое, как бы, телесно выраженное желание инцеста. У таких подростков тело ведет себя «аутично» и оно «отказывается» от вербальной переработки бессознательных инцестуозных фантазий и страха, глубоко скрытого или исключенного из сознательного понимания (M.Lauffer, 1974).

Бессознательно, пишут Лауферы, молодые люди стремятся «увековечить отношение к самим себе и к собственному телу как асексуальному и неинцестуозному» (M.Lauffer & M.E.Lauffer, 1984). Они отмечают, что это нередко включает и мастурбационные фантазии, поддерживающие иллюзию асексуальности, выступающей в том, что юноша или девушка ощущают себя, каждый по-своему, ни мужчиной, ни женщиной, но как бы в обоих полах одновременно. Ненависть подростка обращается на свое измененное пубертатом сексуальное тело, его гомосексуальные, анально-мастурбаторные и другие регрессивные телесные потребности.

Пресуицидное состояние и суицидная фантазия

Большинство психоаналитиков, писавших на тему суицида, признают, что в понимании этого явления многим обязаны статье З. Фрейда «Печаль и меланхолия» (1917). Он заметил, что при меланхолии, наступающей после утраты значимого лица или «настоящего унижения или разочарования», причиной которого стал человек, вызывающий в субъекте сильные амбивалентные чувства, ненависть, первоначально испытываемую в его адрес, может быть впоследствии перенаправлена на ту часть Эго, которая в данный момент идентифицируется с этой личностью.

Склонный к суициду индивид рассматривает свое тело как отдельный объект; оно идентифицируется с утраченным, одновременно и любимым, и ненавистным человеком. Вместе с тем, расщепление Эго порождает у этих пациентов чрезвычайно критичное и карающее Суперэго, воспринимающее тело как отдельный, плохой и даже опасный объект. Суперэго начинает переживаться подростком как враг или палач, живущий у него внутри и изнутри карающий его.

Некоторые аналитики описывали суицидальный акт как психотический или психотикоподобный эпизод, при котором Эго было переполнено деструктивными импульсами (Orgel, 1974; Campbell, 1999). Ряд авторов отмечали эмоциональное удовлетворение, которое человек испытывал от суицида, расценивая это состояние как регрессивную версию эдипальной мастурбации (Hurry, 1978), а Фенихель (1945) усматривал в суициде мазохистическую фантазию, где смерть приравнивается к оргазму.

В пресуицидном состоянии подросток находится под влиянием суицидной фантазии, основанной на отношениях его Я с телом и родитель-

скими фигурами (объектами). Эта фантазия далеко не всегда достигает степени осознанности, но при всех обстоятельствах она искажает реальность, имеет силу бредовой убежденности и является движущей силой суицидального поведения (Campbell, 1999).

Суицидная фантазия подростка часто описывается в контекстах нарциссического или симбиотического союза ребенка и родителя (прежде всего, матери). Иногда эта фантазия предстает в терминах «океанического стремления к соединению с матерью» (Фенихель, 1945), тотального слияния с объектом. Однако в других случаях, как и в том, который я собираюсь представить читателю, фантазия смерти выступает также способом выражения независимости подростка и становления его индивидуации (Blos, 1967; Hurry, 1978).

Как описывает Д. Кэмпбелл (1999), различные суицидные фантазии подростков организуются вокруг отношений между подлежащим уничтожению телом и «выжившей Самостью», остающейся жить в другом измерении, в бестелесном существовании, а также вокруг желания удовлетворить прегенитальные импульсы, в основном садомазохистского или орально-присоединяющего характера.

Суицидная фантазия представляет собой решение конфликта между желанием слиться с матерью, с одной стороны, и, с другой, последующими примитивными тревогами, связанными с уничтожением Самости. Проецируя ненавистную, поглощающую или покидающую первичную мать на тело, а затем убивая его, выжившая Самость получает свободу, для того чтобы слиться с отщепленной идеализированной, освобожденной от сексуальности, всецельно удовлетворяющей матерью, которая представляется как океан блаженства, вечный сон без сновидений, постоянное ощущение покоя, слияние с мирозданием или превращение в ничто (Orgel, 1974; Campbell, 1999; Chasseguet-Smirgel, 2005).

Роль отца в пресуицидном состоянии подростка

Известно, что истинное Я ребенка, чтобы выжить, не подвергнуться аннигиляции, не утратить телесных границ и чувства Собственного Я, нуждается в *третьем измерении*, представленном отцом и значимостью его личности в глазах матери. Отношения с отцом способствуют отделению ребенка от матери и его индивидуации.

Обычно суицидная фантазия возникает в условиях патологической связи ребенка с матерью и неспособности отца вмешаться в этот союз в результате либо его неучастия в жизни семьи, либо неэффективности его действий. Так или иначе, роль отца оказывается подорванной доминирующей в суицидной фантазии подростка связью с матерью.

К такому итогу семья приходит в случаях раннего распада триадных отношений, когда ребенок захватывается матерью избыточно нарциссическим образом, то есть она присваивает ребенка себе, манипулируя им в своих интересах, отрицая и уничтожая любые следы присутствия отца. К. Эльячэф и Н. Эйниш (2006) обозначают такую пару, возникшую на основе исключения третьего, термином «*платонический инцест*».

Как указывает П.-К. Рекамье (2005), отец здесь лишается своей функции защитника ребенка от симбиоза с матерью. Она интернализирует пенис отца, воплощая собой «*комбинированного родителя*», оставаясь при этом фаллической, всемогущей, нарциссически совершенной матерью, имеющей все и несущей наследие предыдущих поколений.

Но именно в пресуицидном состоянии невмешательство отца в патологическую симбиотическую связь матери и ребенка приобретает критическое значение. Это проявляется в двух отношениях: 1) в способности (или неспособности) отца заявить права на своего ребенка и принять на себя долю ответственности за него и 2) в его влиянии на ориентацию ребенка во времени (Campbell, 1999; M.Laufner & M.E.Laufner, 1984).

Одно из важных предназначений президипального отца, как известно, – представлять мир, который находится за пределами исключительной связи матери с младенцем, – реальность «времени и места». В пресуицидном состоянии подростки, находящиеся в психоаналитической ситуации (как было и в описываемом мною случае), воспринимают частоту сессий, определенность времени их начала и конца как символ навязываемых отцом временных ограничений. В другие периоды психоаналитической терапии это часто воспринимается совсем иначе. Но в пресуицидном состоянии пропуски сессий, опоздания, трудности при окончании сессии представляются проявлением недостаточности временной реальности и отражением в действии в ситуации «здесь и сейчас» опыта отца, неспособного предоставить убедительную альтернативу желанию подростка слиться с матерью в безвременном состоянии.

Логика психоаналитической работы и основные понятия

В рассматриваемом нами случае срыв поддерживающей функции отца, его фактический отказ от роли регулирующего *третьего*, неспособность заявить свои права на жену и ребенка послужили толчком к возникновению сильной регрессивной тяги девочки-подростка к слиянию с матерью, а затем и ее желания умереть.

Представляя данный случай, я пыталась показать, как в ходе психоаналитической терапии шло развитие интегративных процессов во внут-

реннем психическом пространстве девочки, а также отразить основные этапы этой внутренней трансформации. Имеются в виду, прежде всего, принятие подростком собственной реальности и своего относительно автономного существования, отдельного от родительских объектов. По мере того, как в процессе анализа внутренний «третий» появлялся в ее репрезентациях, шел процесс триангуляции и триадификации.

На этом фоне наблюдалась трансформация и психопатологической симптоматики, замкнутой в телесных симптомах дисморфофобического расстройства и в суицидальных тенденциях, – от конкретного уровня переживаний к более символическому, при их вербальной проработке. При этом происходило освобождение внутренней боли в рамках эмоционально значимых переживаний, что выражалось в переносе посредством рисунков и речи. Основной «мишенью» аналитика была ненависть девочки по отношению к родительской сексуальности и к своему искаженному образу тела, сопровождаемая навязчивым деструктивным желанием «отрезать» отдельные телесные части.

Бессознательные инцестуозные фантазии девочки, связанные, главным образом, с эдиповой констелляцией, поначалу казались заблокированными, выступая в виде конкретных телесных симптомов. Я попыталась показать, как, по мере *воскрешения из «мертвых» Третьего* на психоаналитической сцене, телесная симптоматика трансформировалась из *«вещи в себе» в живое, вербально символизируемое переживание*.

Осмысливая случай, я нашла полезными теоретические соображения Андре Грина. Он говорил о «триангулярной структуре с *переменным третьим*» (Kohon, 2001) как бессознательной конструкции, генерированной *«интерсубъективным аналитическим третьим»* (Ogden, 2001). Последний понимается как *третий объект*, созданный бессознательным взаимодействием аналитика и анализанда. А. Грин подчеркивает, что «структура отношения при этом является триангулярной, хотя это не значит, что данная структура эдипальная; это – третье отношение, в котором реально присутствуют два объекта. Третьим может быть, например, искусство. Но аналитику важно помнить, что третий всегда присутствует «здесь и сейчас», и он всегда заменяем» (Kohon, 2001, с. 53).

Хотя в начале анализа *«внутренний третий»* в объектных отношениях девочки отсутствовал, его «следы» обнаруживались всюду, находясь при этом в состоянии взаимозаменяемости. Это могло быть тело или части тела пациентки, какое-нибудь особое слово, рисунки и картины, которые она использовала, чтобы выразить себя. Постепенно появлялся *«аналитический третий»*, затем началась его трансформация в отношениях переноса и контрпереноса.

История болезни: Марина

Марина пришла ко мне в 16 лет по рекомендации моей коллеги-психиатра в связи с дисморфофобическим расстройством, переживаниями интенсивной ненависти к своей внешности и упорными суицидальными тенденциями, когда другие попытки ее лечения, включая психотропные средства, оказались безуспешными. Девочка училась в 10 классе обычной школы.

Она была навязчиво озабочена формой своего носа, похожего на нос отца, и глазами, которые «выбухают», причиняя ей неудобство. У нее случались панические атаки; внезапно могла появиться сыпь на теле, лицо и руки покрывались красными пятнами. Она обращалась к аллергологам, а также к хирургам по поводу пластической операции, чтобы удалить горбинку на носу. Она постоянно носила темные очки от солнца и пластырь на носу.

Как раскрылось позднее, сексуальность играла большую роль в симптомах Марины. Ее телесные симптомы, «выбухающие» глаза и нос, который, как деформированный пенис, необходимо было скрыть, могли быть связаны с понятием «комбинированного объекта»¹, введенным М.Кляйн (1923, 1929). Как раскрылось позднее в анализе, *ее глаза стали невольными свидетелями преследующей ее картины: фантазии родителей, замерших в бесконечном сексуальном слиянии.*

Важно рассказать эпизод, о котором вспоминала Марина. Когда она училась в девятом классе, семья попала в автоаварию, по невнимательности отца, но пострадала только мать. Марина неоднократно обращалась к этому воспоминанию и однажды призналась: «...я чувствовала себя ужасно виновной и молила Бога не наказывать меня».

Уже в этом эпизоде начинает проступать на очень конкретном уровне *срыв поддерживающей функции отца*. И также на очень конкретном уровне – чувства девочки относительно *родительской сексуальности*, сопровождаемые одновременным переживанием *соперничества с матерью и вины*.

Она была единственным ребенком в семье интеллигентных родителей, но оба хотели мальчика, и свое появление на свет Марина воспринимала как разочарование для них. Чувство одиночества проходит через все ее детство, от которого осталось общее ощущение, что «матери либо не было дома, либо она всегда спала».

Отца она описывала как красивого, высокого мужчину со светло-голубыми глазами, спортивной фигурой. Он страдал алкоголизмом, когда она была ребенком. Мать в ее глазах представляла как привлекательная, но холодная, доминирующая и в то же время – депрессивная и чрезвы-

¹ Понятие «комбинированного объекта» введено М.Кляйн (1923, 1929). В фантазии о комбинированной родительской фигуре родителя, или, скорее, их гениталии, как частичные объекты, сцеплены в непрерывном соитии, загрязненном чувствами ненависти и зависти, по очереди проецирующим персекуторные и параноидные тревоги. Это самая ранняя и примитивная фантазия об эдипальной ситуации (Хиншевулд, 2007, с.330).

чайно тревожная женщина. Она эгоистично и ревностно держала девочку вдали от отца, все больше привязывая ее к себе и используя ее под углом зрения собственных потребностей.

В возрасте четырех лет девочку поместили в детский сад, она чувствовала себя там одиноко, и когда наступал «мертвый час» и детей укладывали спать, мысленно играла в «мертвую царевну». Она закрывала глаза, делая вид, что умерла. Потом сама же воскрешала себя, воображая, как приходит принц, целует ее, и она оживает. Она никогда не знала, в какое время мать заберет ее из детского сада, и сколько времени придется сидеть в ожидании ее.

Девочка была свидетелем родительских ссор – как они сидели на кухне, и отец угрожал матери. Она чувствовала, что должна оберегать мать и быть готовой ее спасти. Когда Марине было шесть лет, мать пыталась лишить себя жизни, наглотившись лекарств, после чего лежала в больнице.

Марина наблюдала все большее отдаление матери от отца. Погруженная в себя, мать никогда не пыталась приласкать дочку, не оказывала ей эмоциональной поддержки, не пыталась успокоить ее, преждевременно ожидая от девочки ответственности, но в то же время жестоко сердилась, когда та проявляла независимость. Мама воздавала *себе* хвалу за хорошие качества дочери и публично унижала ее за недостатки. Но особенно доставалось отцу, которого она критиковала и унижала в его отсутствие.

Когда Марине исполнилось десять лет, родители развелись, но продолжали жить в одной квартире, и о том, что их брак распался, дочь узнала много позже, когда достигла своего пятнадцатилетия. Она чувствовала, что ее предали и окончательно отвергли.

До девяти-десяти лет Марина спала в одной постели с матерью. Отца видела редко. Он пользовался всеобщим уважением, занимая ответственный пост, и часто пропадал на работе.

В школе Марина всегда была одной из лучших учениц. Свое одиночество она заполняла чтением книг, поэзией, музыкой. Когда девочка перешла в другую школу, то не сразу привыкла к новой обстановке и чувствовала себя в новом классе потерянной и чужой. Она приспособилась, приняв популярное «ложное Я», всегда готовое выслушать чужие проблемы и остающееся крепко запертым изнутри. В это время ее охватило разочарование в своей внешности: она «терпеть не могла» свое лицо, расквыривала его, после чего еще сильнее ощущала свою «некрасивость». В компании иногда употребляла алкоголь. Будучи пьяной, плакала, чувствовала жалость к себе, а при возвращении домой – стыд.

В начале нового учебного года Марина призналась отцу, что «мечтает покончить с собой» и нуждается в аналитике. Отец шутливо прореагировал на это заявление и посоветовал ей «больше общаться с товарищами». Через неделю девочка пошла на вечеринку. Там все разбились на пары, и она почувствовала себя лишней. Тихо ушла. Зайдя в аптеку, ку-

пила большую упаковку аспирина и пошла к подруге. Ей хотелось умереть. В ванной комнате у подруги она приняла половину таблеток, потом отправилась домой и там приняла остальные. Она почувствовала спокойствие, думая, что, заснув, больше не проснется. Проснувшись через некоторое время, почувствовала себя очень плохо, испугалась и вызвала скорую помощь. Так она попала в больницу.

Начало анализа

Марина – привлекательная девочка-блондинка, с приятными чертами, высокая, тонкая, с длинными волосами. Когда она впервые появилась у меня, ее лицо прикрывали темные солнечные очки и пластырь на носу. Она села в кресло напротив и, полностью наклонившись в мою сторону, неожиданно выпалила: «Я не могу больше ждать. Я боюсь, что буду преувеличивать!». Потом села, сильно вжавшись в кресло, с локтями, выдвинутыми вперед, кулаки сжаты. Чувствовалось, что она очень сильно напряжена и тревожна. И я увидела в ней уязвимого, испуганного ребенка, боящегося как собственной агрессии, так и атаки извне.

Она поведала о трудностях в отношениях с родителями, жаловалась на подавленное настроение, чувство беспомощности. Родители казались ей «идеальными, но малодоступными». Она также хотела быть «идеальной» дочерью для них и надеялась, что я помогу ей в этом. Свою маму она считала бесконечно совершенной женщиной, хотела быть на нее похожей, но чувствовала, что ей никогда «не дотянуться до такой планки». Было очевидно, что, говоря о матери, она переживала какое-то внутреннее противоречие.

На *второй сессии* Марина обратилась к темной стороне своей матери. «Она фальшива... В ней все искусственное, ногти, лицо... Ее никогда не интересовало, что со мной... Только внешность... “Твое лицо, твое тело, твои волосы – все мое... Не хмурься, будут морщины...” Ее всегда заботило только одно, – что другие подумают обо мне...»

Высказав все это, Марина замолчала, испытующе глядя на меня, затем потрогала пальцем кончик носа. Она как бы уверяла себя, что меня, в отличие от матери, как раз в большей степени интересуют ее тревоги, а не ее внешность, «морщины» или этот пластырь на носу. И я подумала, что, вероятно, «пластырь» означает то, что стало запретным знанием для маленькой девочки, и что нам предстоит раскрыть.

Позднее Марина призналась в главном, что она ожидает от меня спасения от «необычайной тяги к смерти», но что в то же время ей хочется «узнать переживания смерти». Она процитировала мне строчки из своего дневника: «Женщина замечательна. Моя мечта – быть мертвой. Мертвое тело божественно... Оно надевает улыбку совершенства...» Ее мысли

о суициде были мольбой о помощи и отчаянным предприятием, подобным азартной игре, в которой я должна была спасти ее от самой себя.

Она рассказала, что в тот роковой вечер, вернувшись после вечеринки домой, она впала в «состояние зомби». Ей хотелось поговорить с кем-нибудь, но никого не было. Выпив таблетки, она стала ждать смерти. И хотя она думала, что умрет, но ожидала, что другая ее часть, не затронутая смертью тела, останется жить в бестелесной форме, растворившись в мироздании.

Я ощущала сильное давление на себя и чувствовала, что должна сдерживать огромную тревогу ее родителей. Я понимающе сказала Марине, что она хочет, чтобы я помогла ей справиться с пугающими ее мыслями о желании умереть, и я буду стараться помочь ей в этом.

Элемент «преувеличения» с самого начала весьма ощутимо присутствовал в анализе Марины, что заставило меня вспомнить первых истерических пациенток Фрейда. Я также пришла к мысли, что Марина испытывает перенос на меня в качестве реакции на неудачу предыдущей терапии, и это укрепляет ее в мыслях, что здесь нет никого, кто бы устоял перед ее интенсивными и разрывающими душу чувствами.

Передо мной встали вопросы: Как должно протекать наше общее психоаналитическое исследование, чтобы оно было посвящено поиску отца в ее душе, что мне представлялось очень важным? Как происходило формирование половой и сексуальной идентичности девочки в обстоятельствах, при которых отец всегда отсутствовал, хотя она знала, что он жив, а для матери дочь всегда выступала не более, чем ее нарциссическим продолжением? Как внутренняя запутанная драма девочки-подростка будет разворачиваться в аналитическом процессе?

Теперь Марина представлялась мне, скорее, *нарциссической пациенткой сложной личностной организации*. Мы начали работу лицом к лицу. Что касается участия в анализе родителей, я решила твердо следовать ориентации на индивидуальные формы психотерапии, что считается предпочтительным в анализе подростков, о чем и было им сообщено. И, надо сказать, я ни разу не почувствовала с их стороны желания нарушить нашу договоренность и вмешаться в аналитический процесс, продолжавшийся на протяжении шести лет с регулярными встречами четыре раза в неделю.

Первые фазы анализа

В начальной фазе Марина как будто использовала анализ, чтобы эвакуировать в меня весь клубок своих ощущений, фантазий, мыслей, которые были для нее наиболее тягостны и невыносимы. Первые недели характеризовались массивным отреагированием. Она звонила между сессиями, чтобы передать мне свое ощущение душевной катастрофы. Дома

все свое время проводила в комнате, периодически подходя к зеркалу и разглядывая лицо.

Хотя девочка выглядела симпатичной, стыд, который она испытывала по своему поводу, и ненависть к своему телу были очевидны. Она входила и выходила из кабинета быстро, отворачивая и опуская лицо; сидела, сжавшись в комочек, как будто старалась укрыться в скорлупке, глядя на меня мрачно и напряженно. Походка у нее была, как у маленькой девочки, и при этом слегка деревянной.

Я чувствовала, что необходимо не только понимать и сдерживать тревоги Марины, но и защищать аналитический сеттинг. Он мог стать общим инструментом для нашей работы, в виду его, как я бы в данном случае определила, «родительской» функции, проявляющейся в установлении границ, барьеров, расширении и укреплении пространства сдерживания. Эти присущие сеттингу свойства могли помочь Марине интроецировать некоторые из продвигающих ее развитие качеств, таких как терпение, способность преодолевать себя, ощущение самоконтроля и своей внутренней силы, чувство «хорошести» самой себя. Эти задачи потребовали ввести четвертую сессию с самого начала дополнительно к условленным трем.

В это время психотические тревоги, страх потери своей идентичности вышли у Марины на передний план. Она переедала; иногда, особенно в выходные дни, употребляла спиртное, чтобы заполнить внутреннюю пустоту и атаковать свою сексуальность. Выяснилось, что она считала тело местом нахождения всех своих жадных, деструктивных, в том числе и сексуальных инстинктов, переживала его как бесформенное и грязное. Убийство своего тела она рассматривала в качестве единственного способа избавиться от всей этой «грязи». В то время как родители безоговорочно приняли мое предложение о четвертой сессии, Марина реагировала на это возрастанием психотических тревог. Она многозначительно объявила, что аллерголог нашел у нее реакции на *сорняки*.

Я предположила, что сорняки имеют отношение к увеличению частоты сессий и к моим словам, которые, как она чувствует, переполняют ее чем-то плохим.

Она тут же вспомнила свои эротизированные детские переживания, связанные с матерью, пытающейся целовать ее в рот, и с отцом, наблюдавшим за ней, когда ребенком она принимала ванну. Хотя на рациональном уровне четвертая сессия (см. выше) была для Марины знаком, что она «сумасшедшая», в отношениях переноса это переживалось как попытка соблазнить ее.

Все звенья, которые я пыталась установить между ее «выбухающими» глазами и какой-то пугающей фантазией, которую она была не в со-

стоянии переносить, разрушались. Конкретный уровень переживаний становился достаточно острым. Она жаловалась на ощущение «песка в глазах». Ей казалось, что слизистая глаз повреждена, и нет ничего, что могло бы облегчить эту боль.

Кажется, Марина была в ужасе от самой возможности, что анализ может помочь ей «открыть глаза» на то, что в действительности происходило с нею. Слова аналитика были как «песок» в ее глазах, нарушающий все наше взаимодействие: если я говорю, мои слова повреждают; если не говорю, я бесполезна. Песок – это то, что наполняло ее эдипальными тревогами, «переменный третий», возникающий между нами.

Казалось, она воспринимает мои слова как конкретные объекты, способные обернуться опасным оружием. И я задумалась над тем, какую роль могли играть слова в психике маленькой девочки. В интерпретациях они подталкивали к отделению от родителей, к самостоятельности, выступая тем самым воплощением отцовской силы и его присутствия, как защиты от «чар матери». Слова, которые приходят на смену довербальному «архаичному языку», можно рассматривать как синтез «материнского» и «отцовского» миров. Можно думать, что они неразрывно связаны с бессознательной бисексуальной фантазией.

Вся эта цепочка означающих высветила наличие у Марины некоторых классических инфантильных фантазий. Но я воздерживалась от их интерпретации, поскольку чувствовала, что главный страх Марины в этот момент сконцентрировался вокруг символических эквивалентов, в которых смешались словесные и предметные представления. Ей трудно было использовать слова для выражения «грязных», «фекальных» мыслей, и я обратила внимание на этот ее страх – перед словами. Я предложила ей рассказать мне больше о том, что может стоять за этим страхом.

Тут она зажмурилась, закрыла руками уши, как будто встретила с кошмаром безымянного ужаса. Когда же она снова обрела способность говорить, то есть находить слова и психические представления для выражения своего ужаса, то вспомнила, как, будучи ребенком, удерживала фекалии, находясь в детском саду, а дома «все делала в штаны», и ее грязные трусики выставлялись матерью на обозрение отцу. Она чувствовала себя грязной, отвратительной и безмерно униженной. Мать произносила оскорбительные слова, а отец молчал.

Так «мертвый» внутренний отец стал возрождаться на психоаналитической сцене. Стало ясно, что в ее переживаниях фекальный эротизм и анальная агрессия играли существенную роль. Фекальная фантазия была связана эротически и садистски с гомосексуальной привязанностью к матери, что находило выражение в энкопрезе. Много позже мы

смогли реконструировать, что на одном уровне фекалии бессознательно представляли собой своего рода «заменитель» пениса, который она «помещала» между собой и матерью. На другом уровне это ее «изобретение» служило догенитальным сексуальным удовольствием, тайно разделяемым с матерью в качестве избранного сексуального партнера.

Первый и единственный сон, приснившийся в это время: *«Мать лежит на камне, сметенная водопадом. А бабушка в это время держит в руках мои трусики».*

Сон иллюстрирует страх Марины, что я, как ее аналитик, могу быть переполнена и «сметена» водопадом ее интенсивных эмоций. Бабушка, держащая в руках трусики, также может быть связана с моей функцией контейнирования ее тревог и, более того, *принятия* ее фантазии о моей сексуальности, сексуальности родителей, с которыми она чувствует себя исключенной.

Мать

Процесс переноса развивался интенсивно. Это проявилось остро через четыре месяца анализа в связи с неизбежностью *нашей первой разлуки сроком на неделю*. Марина испытала *панический страх*, что будет *разрушена* мной. В переносе воссоздавался архаический образ ее матери, всемогущей, вездесущей, готовой поглотить ее. Ассоциации пациентки сосредоточились на ощущении, что мать с детства преследует ее своей всепоглощающей «чернотой». И в переносе она чувствовала это как возникшую *мертвость* между нами. Она вспомнила слова матери, которая однажды призналась ей: *«Когда ты родилась, я умерла»*. Марина вспомнила свое чувство вины перед ней. Ей казалось, что «мать точно заживо похоронила себя внутри нее, дав ей жизнь». Она похоронила свою эмоциональность, чувственность, нежность, а остались только строгость, суровость, холодность и печаль.

В эти дни она принесла *«смертельный»* (ее определение) сон: *«Я сплю в своей комнате, просыпаюсь, выхожу из комнаты, а сзади вижу мать в красном халате. Я обращаюсь к ней и вижу, что это смерть. Я пытаюсь убежать и понимаю, что она преследует меня. Я бегу в комнату, и это все»*. В ассоциациях прояснилось, что «комната» была связана с аналитиком и с анализом, где она нашла убежище, спасение, но где, тем не менее, особого ощущения безопасности не было.

Постепенно Марина воспроизводила все больше трагических эпизодов из своей жизни. Она вспоминала свои детские фотографии, и ей казалось, что они пропитаны холодом, как будто в душе ее навсегда поселилось ледяное ядро, она – «мертвая царевна» и рядом «снежная королева-мать». Она уже могла говорить свободнее, но я воздерживалась от

интерпретаций, пытаясь создать как можно больше безопасного пространства для выражения ее чувств.

Вслед за этой фазой анализа появились фантазии слияния, желание взаимности со мной, как в контакте «матери и младенца». Она была, как младенец, открывший «грудь-вселенную», с которой начался период «канибальской» любви, где эротические и садистские стремления слиты воедино. Фантазия о себе как младенце родила ощущение, что она находилась как бы в «черной дыре» в связи с депрессией матери. «Черная дыра» служила для нее метафорой, смысл которой – убийство всех чувств: «нельзя любить, нельзя ненавидеть». Так она и живет жизнью матери – без души, без чувств. Ходит в школу, иногда как-то развлекается, но «сердце ни к чему не лежит», там «дыра».

Эта «черная дыра» была, главным образом, «дырой» в ее объектных отношениях, о чем говорил А. Грин в своем описании комплекса «мертвой матери» вследствие *дезинвестиции* материнского объекта и бессознательной *идентификации* с «мертвой матерью»².

У нее легко возникало чувство ярости по отношению к матери как к опасной и деструктивной интроекции, но это не давало ей признать собственные деструктивные желания. Она была такой же пустой, «заполненной чернотой», как и аналитик, для которого предназначались ее чувства. Она не решалась говорить открыто об агрессии ко мне, однако вспомнила эпизод, произошедший за год до анализа, когда мать ударила ее по лицу, и дочь в ответ на это произнесла: «Я хочу, чтоб ты умерла». В контрпереносе я отчетливо ощущала, что она испытывает нечто подобное ко мне.

Через полгода она принесла новый сон: «*Мы лежим в постели с вами, и вы обнимаете меня со спины*». Она впервые открыто говорила о своих гомосексуальных чувствах к матери, когда, лежа с ней в постели, хотела бы любить мать так, как любил ее отец. Однако она любила мать и так, как любят мужчину: боялась и ненавидела ее за то, что мать не давала ей любви, бросала и отвергала ее. И она чувствовала себя неуклюжей, «как деревяшка», обиженной девочкой, потому что росла покинутой матерью, и эта неуклюжесть была внутри нее.

Объектом, с которым Марина идентифицировала свое тело, была отказывающая, оскорбляющая мать, не сумевшая сексуально удержать отца

² Метафора «мертвая мать» предложена А.Грином. «Мертвая мать... вопреки тому, что можно было бы ожидать, – это мать, которая остается в живых, – пишет он, – но в глазах маленького ребенка, о котором она заботится, она, так сказать, мертва психически» (А. Грин, 2005, с. 333). «Мертвая мать» – это своего рода имаго, поясняет автор, которое складывается в душе ребенка вследствие материнской депрессии, превращающей ее в «удаленную атоничную, почти безжизненную фигуру» (*там же*).

Марины; мать, тоже желавшая убить свое тело. Перед летними каникулами Марина описала свою идентификацию с матерью. Прежде, чем начать говорить, она некоторое время молчала, о чем-то плача. Потом, сморкаясь и утирая слезы, прерывисто произнесла, что «заключена, как в ловушку, в свое желание умереть». Внутри ее тела была «мертвая мать», «мертвая Марина». Она вспомнила о Марине Цветаевой, любимой поэтессе матери, имя которой носила, и припомнила строчку из ее стихов, где о смерти говорилось как о предназначении: «предназначение – умереть».

И тут я почувствовала в контрпереносе, как будто я встретила привидение в психоаналитическом путешествии Марины. Странное молчание, окружавшее образ ее отца, его невидимое, отстраненное существование, сотворенное в психике маленькой девочки ее матерью, продолжалось и на психоаналитической сцене. Отец оказался исключен в его как реальной, так и символической роли. И я ощутила себя «плохой» матерью, которая не помогает дочери выбраться из пуганицы пугающих инцестуозных фантазий, не объясняет, как обратиться к отцу за поддержкой и защитой.

И я сказала, что она как будто «окружена сейчас привидениями здесь, со мной». В ответ Марина рассказала о своих детских страхах привидений. И рассказывая об этом, она выглядела как возбужденная и испуганная маленькая девочка, ожидающая, что привидение восстанет из могилы.

Идентификация с «мертвой матерью» была полной. Она была окружена желаниями убить и себя и родителей, но ее родители молчали. Марина верила, что, освободившись от своей «мертвой матери» и жадного, деструктивного, гомосексуального тела, она, наконец, будет принята и обретет безопасность рядом с хорошей, асексуальной матерью. Ее фраза: «Я всего один раз чувствовала себя в безопасности с мамой, когда она навестила меня в больнице».

Нарциссическая регрессия, доминировавшая в состоянии Марины, поддерживалась перспективой садистской мести по отношению к матери и осуществления суицидной фантазии слияния с нею. Девочка говорила об *успокаивающем действии*, которое желание покончить с собой оказывает на нее. Она уже не казалась *пассивной жертвой* прегенитальных желаний, гетеросексуальных страхов, депрессии и отвергающих родителей. Ее желание самоубийства позволяло ей проявить *активность*, хотя бы самодеструктивную, и удовлетворяло ее потребность быть отдельной и независимой.

Отец

Нападение Марины на свое тело имело также и другую цель – заставить отца почувствовать вину. Хотя ее суицидная фантазия была организована вокруг воображаемого несексуального союза с матерью, первичным объектом в пресуицидном состоянии выступал отец.

Марина вспомнила, как она кричала на мать. Она опять расплакалась, описывая свою беспомощность и страх. «Если бы только папа был рядом, все было бы хорошо». Но отца не было. Она вновь компульсивно выразила свое желание, чтобы отец защитил ее от пугающе отчужденной матери и свой гнев в связи с его неспособностью это сделать. Отец мог спасти ее от конфликта с этой «мертвой деревяшкой» – матерью, но он был отстранен, недоступен, отдавая большую часть времени работе. Он был «глух» к ней.

Я чувствовала необходимость проявить к Марине эмпатию в рамках *переноса отца, способного заявить свое право на ребенка, отца*, который бы выступил как *доэдипальный соперник* матери. Я понимала, что бессознательно Марина пытается включить меня в свой суицидный сценарий, где я играла бы роль отца, но отца, который *не встал* на пути ее регрессивной тяги к слиянию с матерью. Марина выразила это, когда сказала, что «поймана, как в ловушку, в желание умереть». В переносе она обратила это свое переживание отцовской отстраненности, *превратив меня в «привидение»* (в переносе – отца), *и пропустив сессию*. Она как бы активно покидала меня, чтобы вернуться к идеализированной матери.

Я знала, как мало любви и внимания было в ее детстве. И на следующей сессии сказала ей об этом, о ее глубоком чувстве одиночества и печали, – она дала мне знать, что тронута моими словами и чувствует себя поддержанной, защищенной.

На психоаналитической сцене *образ внутреннего отца* медленно оживал, мобилизуя движение мысли и фантазии при своем пробуждении.

У Марины появились силы к развитию творческих способностей. Она начала ссылаться на карандашные рисунки, которые пыталась делать дома, когда чувствовала тревогу. Она приносила эти рисунки на сессии, я клала их на стол между нами, мы могли смотреть на них, говорить о них, а в конце сессии я возвращала их ей.

В этот период она конкретно использовала свои рисунки, а позднее и картины, чтобы выразить себя. Я могла донести ей, что наиболее важная часть их значения для нас это проработка эмоциональных элементов, выраженных в них. Они были *«третьим»*, связывающим нас и находящимся между нами. Пока это были просто *замены* эмоциональных переживаний, которые принадлежат ей и которые она медленно раскрывает и прорабатывает в отношениях со мной. Но потом они могли стать *символами*.

Первые ее рисунки представляли очень странные фигуры – изуродованные лица, искаженные тела. Акцент делался на гениталиях; лица всегда были без глаз и с дырами вместо рта. Вначале Марина держала их в руках, не решаясь показывать мне и говоря, что «ей стыдно». И мы могли про-

должать работу только после того, как я интерпретировала ее страх, видя его причину в ее фантазиях о моей сексуальности и сексуальности родителей – фантазиях, переживаемых ею как насильственные и грязные.

Анальный компонент занимал ведущее место в ее творчестве. Она приносила мне рисунки, как фекалии из детского сада. Выставляя их передо мной, она каждый раз испытывала страх, считая их «порнографией». Это было сродни анальному преступлению или ее испачканным детским трусикам, выставленным напоказ. Все эти чувства открыли перед нами возможность говорить о ее спутанности в отношении различных частей своего тела и их функций, о родительских телах, о ее злобных, агрессивных чувствах, значение которых остается для нее скрытым. Постепенно, благодаря ее творчеству, мы могли «познавать» «ужасающий» ее мир, исследовать ее бисексуальные фантазии и фантазии о «первосцене» в их архаичной форме.

Попутно ее интересы сместились к изобразительным техникам, она была очарована художником Мунком. И произошла разительная трансформация в ее творчестве: теперь ландшафты заняли место прежних, таких больших образов.

Думаю, все это свидетельствовало о том, что в ее развитии произошел шаг вперед, выразившийся в эволюции от фрагментарных и расщепленных состояний мышления, где внутренняя триада склонялась к распаду, к более интегрированному состоянию, как на вербальном, так и на символическом уровне. Ее творчество было оплодотворено нарциссической и гомосексуальной фантазией. Она была и мужчиной, и женщиной одновременно, обладая творческой силой матери и потенцией отцовского пениса. Это было *пространство, в котором она уже могла переживать свои отношения с «третьим»*.

Поиск «палача»

Когда в переносе ожил распавшийся брак родителей, Марина перестала платить за анализ, стараясь форсировать то, чего она боялась: чтобы я тоже покинула ее, как эмоционально покидали мать и отец. Она намеренно провоцировала меня, чтобы я прекратила встречаться с нею.

Критический момент в пресуицидной фазе – это провокация пациентом некоего «палача», человека, которого потом можно будет считать ответственным за свою смерть (Campbell, 1999). Неоплата сессий выступала попыткой Марины заставить меня сыграть эту роль. Подобным образом, она могла вновь разыграть, уже в рамках переноса, отвержение ее со стороны отца (когда он превратил в шутку ее обращение к нему за помощью), что оправдало бы ее суицидальную попытку.

Реакция на разлуку перед летними каникулами была очень болезненной. В ходе сессии Марина ассоциативно пришла от сознательного желания убить себя к сновидению, в котором я смеюсь над ней и прогоняю ее. Я чувствовала тревогу по поводу ее пресуицидного состояния, понимая, что она еще не способна использовать мои интерпретации. В сессии она демонстрировала передо мной свое состояние, как ранее показывала отцу пораненное лицо, чтобы заставить его почувствовать вину.

Во время перерыва желание юной пациентки «напасть» на меня («отца» в переносе) посредством суицида едва не осуществилось. Она подвергла свою жизнь неоправданному риску, проехав на велосипеде непосредственно перед поворачивающим автомобилем. Вначале она решила ничего не говорить об этом происшествии родителям, но затем передумала. Она хотела, чтобы отец увидел ее израненное лицо.

Центральная фаза анализа: динамика отношений переноса

Этот период работы характеризовался углублением отношений переноса и возрастанием способности Марины вербализовать свои чувства и работать с инфантильными конфликтами. После летнего отдыха на первую сессию она пришла с заплетенными косичками, в широкополой шляпе и широких штанах. Она чувствовала, что ей хочется быть привлекающей внимание, соблазнительной и милой маленькой девочкой. Пластырь на носу и темные очки отсутствовали, в чем я увидела определенный шаг к независимости. К этим переменам она пришла самостоятельно, не тогда, когда мы были вместе, а в период моего отсутствия. И это уже было наглядным проявлением динамического процесса, означавшего, что *репрезентация чего-то отсутствующего приведена в действие между нами*. Оставалось перевести это изменение на некий символический уровень.

Марина рассказала мне о том, как проехала перед автомобилем, чтобы «показать всем». Она призналась, что думала обо мне, старалась предугадать мою реакцию, и теперь удивлена, что я не в шоке от ее выходки. В течение недели она регулярно опаздывала на сессии. Ее не оставляло желание проверить меня, «подразнить, поиграть в прятки» и, в знак протеста, молчать там, где надо было говорить. Она расщепляла меня на «хорошую мать» и «плохую». Она не переставала ждать наказания с моей стороны и, видя мое спокойное лицо, говорила, что, в случае ее позднего возвращения домой, мать обычно открывала дверь молча, с каменным лицом, заставляя дочь испытывать не только вину и стыд, но одновременно и гнев. Она хотела болезненных и садистических интерпретаций от меня.

Сон в это время: «Сантехник исследовал ее туалет и высказал неодобрение по поводу состояния водосточной трубы». Наконец, «сантехник» (отец) появился на психоаналитической сцене, пусть пока в примитивной форме, но уже забрезжила возможность схватиться за отца, его железный фаллос, что в принципе может спасти жизнь, спасти от поглощения матерью. По контрасту, сама Марина в этом сне выступала в роли «восстанавливающего мусорщика», достающего из ящика выброшенные одежды младенцев. Но то был не простой мусорщик. Во сне фигурировали младенцы, спасенные им, и Марина любовно их мыла, «лечила», восстанавливала. Один из этих младенцев – девочка – был ею самой, собственной персоной. И, конечно, это был младенец, *родившийся в наших отношениях*, где она занимала место *ребенка как третьего*.

Все это красноречиво свидетельствовало о подвижных изменениях, происходивших в ее внутреннем мире. Ранняя триада «отец-мать-ребенок» возникла на психоаналитической сцене в живых взаимодействиях.

Итак, в ее сновидениях появился младенец и младенцы, за которыми она присматривала. Они были хорошо ухожены и довольны. Все, в чем они нуждались, – смена мокрых пеленок. Другими словами, дальнейшее внимание призывалось, главным образом, к ее потребности эвакуировать свои чувства и мысли, или к ее анальной агрессии.

Через три месяца она принесла еще один сон: «Я звоню в центр, там мужчина-аналитик. Мне говорят, что он занят, и что он – зубной врач». Она стала чувствовать, что приход ко мне подобен визиту к зубному врачу. Теперь она стала воспринимать мой образ как сочетанный образ «женщины-мужчины/матери-отца».

В отношении ко мне проявлялась амбивалентность: идеализация сменялась обесцениванием. Был сон, где она буквально *отдавала свою жизнь* в мои руки, как в сказке. Это был ужас для нее – ее жизнь в моих руках, и вновь – зависимость.

В доэдипальных терминах ее переживания можно описать как орально-эротические, орально-«пожирательные» фантазии, страх утраты чувства идентичности, страх растворения, утраты телесных границ. В ее внутреннем мире любовь и ненависть сливались в динамическом потоке. Сексуальные или любовные отношения «уравнивались» с поглощением, кастрацией, уничтожением или смертью. Она легко склонялась к депрессии, чувствуя невозможность получить то, что хотела, переживая чувство *зависти* к «хорошей части» меня и желая полного обладания мною.

Вербализация этих первичных желаний и архаический ужас, который они возбуждали, играли важную роль в психических изменениях, которые происходили по мере анализа восстановленных фантазий. Она

переживала внутреннюю боль из-за «потери идеализированной матери» и все более поворачивалась к отцу. Образ отца она воспринимала как гарантию более постоянных и предсказуемых отношений, сравнительно с матерью. Она знала, чего от него можно ждать, и получала то тепло, которого не могла добиться от матери. К ней пришли воспоминания, как, укладывая ее спать в детстве, он читал ей стихи на ушко, и это было, как в сказке, – чувство полной защищенности и безопасности.

Теперь ей хотелось знать больше о *матери и отце как о паре*. Последовали сны и фантазии, пронизанные сексуальными сценами, в которых она подвергалась насилию. Ей грозило опасное разрушение, вероятность утраты телесных границ. Это вызывало страх перед необходимостью движения к более глубокому пониманию себя.

В переносе я стала выступать в качестве *мужчины-насильника*. Молчание в ходе анализа стало казаться ей безопаснее, сравнительно с проникающей в глубину интерпретацией.

За ассоциациями Марины я снова могла почувствовать возбужденную маленькую девочку, пытающуюся справиться с фантазиями об отношениях родителей. Когда она наблюдала их ссоры, ей казалось, что отец задушит мать до смерти. И она спасала мать, укладываясь вместе с нею спать, и испытывая чувство удовлетворения оттого, что мать была в ее обладании.

Эти сексуальные фантазии, находившие разрядку в детской мастурбации, совершенно исчезли из ее сознания, когда она вступила в подростковый возраст. Ужас перед «удушающим» отцом уступил место дисморфофобии, наряду с выработкой других способов защиты. Бессознательная фантазия о первичной сцене, как наполненная эротизмом смертельная борьба супругов, нашла выражение в ее аллергических реакциях.

Наша работа продолжалась, и через фантазию, принадлежащую переносу, Марина открыла целый ряд фантазий «обладания». Как уже говорилось выше, у нее было желание соединиться с матерью в страстном слиянии, и даже «проглотить» мать, чтобы заменить ее в глазах отца и, тем самым, стать его единственным сексуальным партнером. (Ее совместный сон с матерью в одной постели также означал прекращение сексуальных отношений родителей, что тешило ее иллюзией стать единственной партнершей отца.) Будучи ребенком, она также мечтала родить себе самой отца, опять же, став единственной его обладательницей. Аналогичная фантазия у нее была связана и со мной, где я выступаю мужчиной, которого она же и родила, и благодаря этому я полностью принадлежу ей, не помышляя более о том, чтобы ее оставить.

Марина с болью говорила о потребности телесного контакта, о том, что мать никогда не обнимала и не целовала ее. Она говорила об этом теперь, потому что раньше эта боль скрывалась в ее замороженной депрессии. Теперь она могла ее переживать, могла о ней говорить, поскольку *интернализировала адекватную материнскую фигуру*. Но все же эта боль вызывала страх перед развитием интимных отношений. И, страстно стремясь к пониманию и интимности, почти с равной силой она страшилась боли, которую интимность будет ей приносить.

Проекция ее полиморфных перверзных и инцестуозных желаний распространялась на всех действующих лиц в том материале, который она приносила на сессию. Ее гомосексуальные переживания имели явное отношение к *эротизированному материнскому переносу*. Она переживала, что ни ее ум, ни ее тело не принадлежат ей самой, находясь в моем обладании. Она вспоминала слова матери: «Твое лицо, твое тело – все мое».

Ей казалось, что она должна быть совершенной в моих глазах, и высота этого притязания заставляла ее чувствовать себя далекой от совершенства, грязной. Такое же расщепление распространялось и на меня: если я не совершенна, то я не могу помочь ей, не могу помочь, будучи «грязной». Эта раздвоенность проявлялась в нескончаемой борьбе ее противоречивых потребностей: сохранить мой «идеальный образ» и создать «плохой идеал».

Поиск теперь шел от одной *фрустрирующей «плохой матери» (плохой материнской груди)* к другой, *идеализированной, материнской груди и, добавлю, в сокрытии (маскировке) пениса*. Она хотела найти символическое слияние с матерью-аналитиком и обнаружить в ней все присущие ей питающие качества.

У нее была серия сновидений, в которых я выступала в образе соломинки, за которую она держится. «Спасающая соломинка» выступала «хранителем жизни», и вместе с тем символом ее *страстного влечения к пенису отца* как части мужской сущности.

С оживлением детских воспоминаний Марина смогла реконструировать эротическое значение первичной сцены, что нашло выражение в ее телесной симптоматике. Тело для нее было подобно неведомому материку, наполненному оральными и анальными монстрами, монстрами матери, отца, ее самой. Мы раскрыли символической смысл пластыря на ее носу, как имеющего отношение к ее бисексуальным фантазиям. По мере того, как мы прорабатывали этот материал, сами по себе стали исчезать ее аллергические реакции. Но потребовался еще не один год, чтобы понять протосимволический смысл, лежащий в самом основании ее теле-

сных феноменов, и распознать ранние формы сексуальности и значение первичной сцены, стоящих за фасадом телесных нарушений.

К концу второго года состояние Марины бесспорно и значительно улучшилось. Исчезла навязчивость ее жалоб, прекратилась сыпь, отреагирование потеряло свою интенсивность, хотя потребность в нем еще сохранялась. Полный отказ с ее стороны от мыслей о пластической операции носа, желание сократить количество принимаемых лекарств, возросшая способность к развитию отношений свидетельствовали о том, что в анализе достаточно эффективно использовалось контейнирование для ее психотических тревог.

Возвращаясь к «родительской функции» аналитического сеттинга, приведем сон Марины, который она увидела на третьем году анализа, сразу после летнего отдыха.

Ей снится, что присутствующий в этом сне мужчина, известный музыкант, совершил суицид, оставив осиротевшей свою двухлетнюю дочку. Малышка спрашивает: «Как мне теперь жить без папы?», и слышит голос, говорящий: «Она справится».

Содержание сна можно воспринимать как отражение ее переживаний, связанных с летним перерывом в сессиях и моей функцией в качестве отца для нее.

Марина вновь была переполнена депрессивными чувствами. Она знала, что в ее отсутствие рядом со мной был *кто-то третий*, из союза с которым она была *исключена*. Только это чувство «исключенности» давало ей ощущение собственного существования, хотя и заставляло ее страдать. Она говорила о *ревности* к другим пациентам, желании «убить» их, дабы обладать мной полностью. В течение многих часов она говорила о своей преданности. Она не только боялась сексуальных отношений с мужчинами, но расценивала их как предательство по отношению ко мне. Бессознательно она хотела возбудить меня и испытывала разочарование, видя, что я не возбуждена. И она вновь *расщепляла меня* на две несовместимые части, одна из которых – *фригидная незматичная ведьма*, другая – *идеализированная персона*.

Суицидальные чувства существенно померкли и контролировались Мариной. Упаковка антидепрессанта хранилась в ванной комнате вместе с номером моего телефона. Она не использовала таблетки, исключая один случай, когда в гневе захватила с собой таблетку, отправляясь на сессию, чтобы «испугать» меня.

Бессознательный гомосексуальный конфликт, невозможность слияния, потеря иллюзий в этом отношении нашли выход в том, что у нее возникло желание разрушить аналитика. В фантазии она разрывала меня

на куски, но образ оставался целым, и я по-прежнему оставалась жива. Это рождало в Марине уверенность, что она могла адресовать мне сколько угодно гнева, и это не обернется для нее угрозой.

Но все эти непонятные чувства вызывали в Марине муки раскаяния. *«Я чувствовала ужас...Я увидела внутри монстра... и он называется вина»*. Она вспомнила слова матери, говорившей ей: *«Когда ты родилась, я умерла»*. Она начала понимать, что *деструктивный, разъедающий ее изнутри садизм не находит выхода иначе, как в разрушении*. И перепугалась. *«Я испугалась, что убиваю ее... Я пыталась представить все так, как и с Вами, вспомнила маму настоящей, живой. Потом снова нападала на нее, и она снова осталась живая»*.

Диалектика перехода

В рамках журнальной статьи невозможно передать все тупики и повороты в ее путешествии по лабиринту переносных отношений. Марина чувствовала удушающую зависимость от меня и желание разорвать наши узы, закончить анализ. Постепенно *образ достойного мужчины*, который мог бы удовлетворить все мои потребности, возник в ее воображении рядом со мной. Ей приятно было думать о *паре*, которую она создала в своем уме. Одновременно с этим она думала и о *родительской паре*, понимая, что все ее страхи близких отношений, привязанности, концентрировались на отношениях отца и матери.

Она чувствовала, что пребывала в каких-то *«переходных пространствах»*. С одной стороны, было соблазнительно вернуться к *иллюзии о слиянии* с родными образами, но вместе с тем она уже чувствовала тягу к *наружной реальности*.

Марина принесла сон о первичной сцене. Следует подчеркнуть, что она уже обрела способность *говорить* о своих бессознательных фантазиях на эту тему, обсуждать их. Итак, сон: *«Я подглядываю за мужчиной и женщиной в глазок. Они обнимаются, целуются, и я знаю, что они знают обо мне, и я присутствую там как будто с разрешения»*. Ассоциации привели ее к тому, что эта пара, возможно, связана со мной и моим «достойным мужчиной», созданным в ее фантазии. *«Но раньше я всегда была за дверью, выброшенная, дверь была захлопнута, – продолжала Марина, – а здесь было разрешение, и я словно погрузилась в любовь вместе с вами»*.

Она была в кризисе, но всегда приходила во время, и это был индикатор ее реальной привязанности ко мне. Она чувствовала, что билась лбом о реальность и плакала над потерями, среди которых ее былое нарциссическое *чувство всемогущества разбилось тоже*. Но теперь она могла *реагировать* на боль, открыто плакать и знать, что, вербализуя свои чув-

ства, встретит во мне понимание и эмпатию. Она обрела, наконец, *собственное Я*, хрупкое, но ее собственное.

В конце третьего года анализа Марина поступила в институт иностранных языков. У нее были высокие достижения в обучении. Постепенно, в течение года, она оставила все лекарства. Рисование стало для нее действительной страстью, перестав служить лишь средством выражения отчаяния, поскольку уже не было единственным каналом ее коммуникации. Навязчивость, которая отличала обычно ее жалобы и отреагирование, полностью исчезла. Очевидной была растущая способность к независимости и новым отношениям.

Я хочу привести *фрагмент сессии на четвертом году анализа*. К этому времени мы уже распознали, что за личиной ее телесной симптоматики, переживаемой ранее как потаенная «вещь в себе», скрывались застарелые архаические чувства и представления о первичной сцене. Но я хочу передать другие, может быть, не столь значимые, однако по-своему важные моменты этой встречи.

Марина пришла на сессию с новой короткой стрижкой, чувствуя себя комфортно и явно зная, что выглядит лучше. Утром однокурсник, взглянув на нее, заметил: «Что случилось, ты выглядишь старше?». Она успокаивала себя, что он так «пошутил», хотя его реплика ее задела. «Я думаю, он хотел сказать, что я выгляжу более взрослой». Я заметила по поводу этого эпизода, что раньше она бы реагировала приступом тревоги в ответ на такие слова. Марина согласилась: «Я бы немедленно побежала к зеркалу изучать свое лицо».

Марина ассоциирует длинные волосы с сексуализированным материнским образом ее предыдущего врача-психиатра. Отрезание волос мы связываем с тревогой, неизменно возникающей накануне выходных, когда аналитик удаляется в круг своих близких, от которого пациентка (как всегда!) *отрезана* как «третий лишний». Но вместе с тем, мы рассматриваем эту перемену в облике Марины и как *шаг развития*, расширение пространства, в котором она могла проработать и развить свою *собственную женскую идентичность*.

Сессия развивается с богатством инфантильных воспоминаний, связанных с исключением ее из родительской пары, но также с актуальным переживанием контакта в переносе с объектом, обладающим родительскими и сексуальными качествами. В этом контексте Марина затрагивает свое чувство одиночества и продолжает: «Я не знаю, почему я теперь думаю о таком монстре... – ну, там, в старом рисунке, который я вчера разорвала и не показала Вам».

Я говорю, что монстр, должно быть, связан с ее агрессивными сексуальными фантазиями, чувством вины и страхом, что я не смогу перенес-

ти их. Марина вспомнила, что когда ей было лет одиннадцать-двенадцать, она вошла в спальню родителей. «Они занимались любовью, было темно, и я чувствовала, что это что-то грязное, отвратительное, что-то насильственное есть в этом... Я помню родимое пятно, которое у меня на бедре... Я почему-то его тоже воспринимала как что-то отвратительное, и хотела срезать его ножницами и заклеить пластырем».

Я делаю связь с тем пластырем, который был у нее на носу на первом году анализа, и снова предполагаю, что за этим образом опять скрывается что-то, чего она не хочет видеть, о чем не хочет знать.

Марина продолжает: «После того, как я видела родителей вместе, я боялась, что отец сделает то же и со мной. Я пыталась избавиться от этих мыслей и говорила себе: «Он ведь мой отец, это против природы». Эта мысль успокаивала меня. ...Я проткнула родимое пятно, там показалась кровь...».

Таким образом, в этой сессии Марина возвращается к тому навязчивому состоянию, которое связано с бессознательными переживаниями сексуального акта родителей. Образ родимого пятна, которое она «протыкает» непосредственно вслед за этой сценой, скорее всего, отсылает нас к ее детородной способности, которую она атакует, выражая тем самым свои гомосексуальные наклонности.

Вслед за данным эпизодом на передний план наших отношений неожиданно вышли глубокие бессознательные содержания, проявившиеся в столь интенсивной форме, что, по моим представлениям, они должны были возыметь крепкий *реструктурирующий эффект*. Это – болезненный материал из серии снов, где Марина последовательно переживала смерть отца, которого видела в гробу, а также смерть матери. В одном из снов я прощалась с ней, говоря, что она никогда более не увидит меня. Поднимая на поверхность глубоко затопленные эротические желания детства, сновидения давали толчок их последующей сознательной вербализации и открывали путь к их интеграции в более гармоничное, взрослое Собственное Я.

Отношения Марины со значимыми другими углубились. Она теперь лучше понимала своих мать и отца, стала рассказывать об их детстве, их взаимоотношениях с собственными родителями. В переносных отношениях эти перемены выразились в том, что, *приняв собственную реальность, она приняла и наше раздельное существование*.

Во время летнего перерыва Марина работала в Международном центре для подростков в качестве переводчика. Это была ее частичная идентификация со мной и также указание, что между нами сформировались позитивные эмоциональные узы, что сделало для нее возможным принять мои интерпретации и идентификации.

Последний год анализа отмечен устойчивым развитием интегративного процесса. Она развила впечатляющую способность изучать и вы-

полнять аккуратное самонаблюдение, что вело к возрастанию интеграции Эго в контексте более нормальной жизни, улучшения взаимоотношений с другими и сексуальной зрелости.

У Марины, наконец, появился молодой человек, с которым ее связывают первые интимные отношения, и это значительно обогатило ее жизнь. Она стала способна к отношениям с Третьим. Третьим, который отпустил ее к Другому.

ЛИТЕРАТУРА

- Грин А.* Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А.Жибо, А.В.Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 333–361.
- Рекамье П.* Страдать и выживать в парадоксах // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А.Жибо, А.В.Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 544–555.
- Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
- Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пб., 1923. С. 174–186.
- Хиншевулд Р.* Словарь кляйнианского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2007.
- Эльячеф К., Эйниш Н.* Дочки-матери. Третий лишний? / Пер. с франц. М.: Кста-ти; Ин-т общегуманитарных исследований, 2006.
- Blos P.* (1967) The second individuation process of adolescence // *Psychoanal. Study Child.* 22.
- Campbell D.* The role of the father in a pre-suicide state // Perelberg R.J. (Ed.) *Psychoanalytic understanding of violence and suicide.* London: Routledge, 1999. P. 75–86.
- Chasseguet-Smirgel J.* The body as mirror of the world // Free Association Books, 2005.
- Haim A.* Adolescent suicide. Tavistok: London, 1974.
- Hurry A.* «My ambition is to be dead». Part II and III // *J. Child Psychotherapy.* 1978. V. 4. P. 69–85.
- Kohon G.* The Greening of psychoanalysis: Andre Green in dialogues with Gregorio Kohon // Kohon G. (Ed.) *The dead mother. The work of Andre Green.* London: Routledge, 2001. С. 10–58.
- Laufer M.* The analysis of an adolescent at risk // *The analyst and the adolescent at work.* (Ed. M.Harley). New York: Quadrangle, 1974. P. 269–296.
- Laufer M., Laufer M.E.* Adolescence and developmental breakdown. A psychoanalytic view. Yale University Press, 1984.
- Ogden T.* Analysing forms of aliveness and deadness of the transference-countertransference // Kohon G. (Ed.) *The dead mother. The work of Andre Green.* London: Routledge, 2001. С. 128–148.
- Orgel S.* (1974) Fusion with the victim and suicide // *Int. J. Psychoan.* 55: 531–538.
- Sayers J.* Boy crazy. Remembering adolescence, therapies and dreams. London & New York, 1998.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ФЕНОМЕН ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СУПЕРВИЗИИ

С.М.БАБИН,
А.В.ВАСИЛЬЕВА*

*«Взаимоотношения – это и есть терапия»
М.Кан (1997)*

Характер взаимоотношений между пациентом и психотерапевтом – ключевой фактор для успеха психотерапии. Не останавливаясь на деталях, выделим лишь основные характеристики психотерапевтического контакта – перенос и контрперенос, эмпатическое отношение, безусловное положительное принятие пациента, конгруэнтность и аутентичность психотерапевта (так называемая триада К.Роджерса). Их значимость признается сегодня далеко за рамками тех психотерапевтических направлений, где эти феномены впервые были подмечены и впоследствии получили глубокую теоретическую разработку.

Попробуем эти моменты терапевтических взаимоотношений рассмотреть не в качестве условий психотерапевтического процесса, а в плане личности самого психотерапевта, профессионала, как требования, которым он должен соответствовать. Особую значимость при этом мы придаем контрпереносу в широком понимании этого термина («как действует на меня другой, какие чувства и реакции он во мне вызывает?»). Сегодня уже стало общеизвестным, что аналитик должен уметь использовать свои эмоциональные реакции как ключ к бессознательному пациента. Говоря

* *Бабин С.М.* – к.м.н., заведующий областным психотерапевтическим центром Оренбургской областной клинической психиатрической больницы № 2, главный внештатный психотерапевт министерства здравоохранения Оренбургской области, вице-президент Российской Психотерапевтической Ассоциации (РПА); *Васильева А.В.* – к.м.н., научный сотрудник отделения неврозов и психотерапии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М.Бехтерева, сертифицированный психиатр-психоаналитик.

словами психоаналитика П.Хайманн, «контрперенос аналитика – это инструмент исследования бессознательного пациента... Бессознательное аналитика понимает бессознательное пациента» (Хайманн, 2005).

В свете сказанного большое значение приобретает постоянное последипломное совершенствование профессионального уровня психотерапевта. Речь идет об участии в профессиональных и личностных тренингах, в балинтовских группах и, главное, в процессе супервизии. Различные формы и методы такой работы подробно изложены в специальной литературе (Бараиш с соавт., 1992; Винокуров с соавт., 1998; Кулаков, 2002; Ховкинс, Шохет, 2002). Мы остановимся лишь на основных моментах.

При условии работы психотерапевтов в одном учреждении наиболее предпочтительны, на наш взгляд, балинтовские и супервизионные группы. При этом имеет смысл, чтобы руководитель таких групп не был связан с участниками формальными иерархическими отношениями. Данное обстоятельство выступает условием, при котором участники группы могут проявить большую степень внутренней свободы и открытости. В то же время оно защищает ведущего от клишированных оценок в его адрес, сложившихся под влиянием повседневного общения на работе, а также искажений, обусловленных его собственными отношениями с участниками группы (вне рамок ее работы) и контрпереносными реакциями по отношению к некоторым из них.

Супервизия – один из наиболее эффективных методов подготовки и повышения квалификации в области психотерапии. При условии, если супервизор – не только более опытный, но и специально подготовленный для этого вида деятельности специалист, супервизия поможет начинающему психотерапевту видеть, осознавать, понимать и систематически анализировать свои профессиональные действия и свое профессиональное поведение (Карвасарский, 2000).

Супервизия может осуществляться в индивидуальной и групповой формах (Кулаков, 2004). Работа под наблюдением супервизора помогает обратить внимание на технические погрешности, ригидные способы решения определенных проблем, обсудить тактику и стратегию терапевтического процесса и собственного поведения в некоторых сложных ситуациях.

Групповая супервизия позволяет выявить сложности и искажения, связанные с индивидуальными особенностями характера психотерапевта. Такого рода проблемы несут выраженный эго-синтонный характер и поэтому часто пропускаются, проглядываются в индивидуальной супервизии. В процессе же группового взаимодействия они становятся зримыми, и психотерапевт получает возможность отрефлексировать их и использовать как полезный урок, в целях своего дальнейшего профессио-

нального роста. Психопрофилактика участников группы базируется на возможности проработки «неудачных случаев» в ситуации групповой поддержки. При групповой психотерапии одной из возможных форм общения с супервизором может также служить работа в качестве копсихотерапевта в одной группе.

Существенному расширению методов профессионального совершенствования способствует применение видеотехники. Видеозапись психотерапии можно использовать в условиях профессионального тренинга, для последующего обсуждения в балинтовской группе или для обсуждения tête-à-tête с супервизором.

Нередко в ходе супервизии мы сталкиваемся со случаями замешательства супервизируемого, когда он почему-то начинает запинаться, теряется, когда ему задают вопросы, делает нелепые ошибки и в последующем не может вербализовать собственные переживания. Все эти сигналы говорят нам о том, что он пока не достиг осознания того содержания, которое составляет предмет его работы (обычно в таких случаях говорят: «как трудно выразить словами»). Данный феномен получил название «*немых пятен*» в работе психотерапевта (McLaughlin, Johan, 1991). Нередко он является воспроизведением динамического паттерна психотерапевтических отношений в процессе супервизии, выступая, таким образом, составным звеном параллельных процессов. То, что пока по тем или иным причинам не может быть вербализовано, должно быть реинсценировано в психотерапии или супервизии.

Другой заслуживающий внимания феномен – так называемые «*тяжелые пятна*», когда отсутствие необходимой степени профессиональной свободы, ригидность, нередко обусловленная определенными предпочтениями в технике работы или приобретенными искажениями, приводят к невозможности выявить и увидеть важную информацию о пациенте (образно эту ситуацию можно описать как: «что бы ни играл, все на один мотив»). В данном случае групповые формы супервизии, ввиду их повышенной чувствительности к стереотипным, ригидным решениям, возникающим в терапевтическом процессе и отношениям психотерапевт-клиент, играют особенно важную роль. Обмен мнениями в группе коллег позволяет сделать работу психотерапевта более точной, ориентированной на нужды конкретного пациента, и в то же время – более творческой, благодаря расширению спектра применяемых приемов и подходов.

Также супервизия способствует осознанию супервизируемым наиболее сложных причин, которым он обязан своими трудностями и кризисами, возникающими в психотерапевтической ситуации. Речь идет о не разрешенных или не до конца разрешенных внутренних конфликтах – субъек-

тивных, личностных «слепых пятен» (перефразируя слова известного поэта: «лицом к лицу лица не увидать»). «Отказ» или неспособность «увидеть», о чем говорит психотерапевтический материал, объясняется нежеланием аналитика возвращаться к тем собственным бессознательным конфликтам, о которых ему смутно напоминает рассказ пациента. И, конечно, такое внутреннее сопротивление не может не мешать психотерапевтическим отношениям (*McLaughlin, Johan, 1991*).

Б.Грюнберже указывает на то, что отдельные детали поведения могут переходить от психоаналитика к пациенту, «от бессознательного к бессознательному, поскольку оба действующих лица не подозревают о них» (*Грюнберже, 2005*). На это же обстоятельство обращает внимание и К.Г.Юнг в своих «Тэвистокских лекциях». Нередко точка сходства может иметь парадоксальный характер, не подчиняясь никаким законам логики, или скрываться за ничтожной деталью, которую легко проглядеть. Бессознательная поддержка психотерапевтом сопротивления пациента – одна из причин отсутствия прогресса в психотерапии. Поэтому супервизором должен быть человек с большим клиническим опытом. В ряде случаев мы рекомендуем проводить дополнительную супервизорскую работу с проведением контрольных или балинтовских групп с целью обсуждения особенно трудных супервизионных случаев.

При этом необходимо помнить, что цель супервизии – совершенствование профессиональной деятельности, а не проработка внутриличностных конфликтов и, соответственно, работа должна оставаться в рамках обсуждения терапевтического процесса. При необходимости и повторяемости одних и тех же трудностей в работе супервизируемого аналитика ему может быть рекомендовано обращение за психотерапевтической помощью. Основным должен быть вопрос, понимает ли психотерапевт, что именно мотивировало его поступить тем или иным образом. При этом не стоит менять акценты супервизионной работы, направляя ее на динамические констелляции, связанные с личной историей психотерапевта. Вмешательство супервизора должно быть направлено только на препятствия, внутренние запреты, которые влияют на проведение психотерапии, или на их непосредственные предвестники. Соблюдение этого правила способствует сохранению здоровой рабочей атмосферы в психотерапевтическом коллективе.

Супервизия имеет большое значение в динамической психиатрии и психотерапии для проработки контрпереноса и сопротивления. Кроме того, она позволяет интегрировать различные психотерапевтические аспекты, касающиеся отдельных пациентов (*Кабанов, Незнанов, 2003; Джейкобс с соавт., 1997*).

Ввиду чрезвычайной многоликости контрольного материала, супервизия предъявляет к ведущему очень высокие требования, побуждая его к интуитивному применению знаний и опыта. Основное внимание с его стороны должно быть направлено на снижение тревоги супервизируемого и, посредством этого, на редукцию тревоги его пациентов, поскольку мобилизованный страх и чрезмерные защитные реакции против этого страха действуют в форме контрпереноса как «шоры», препятствуя пониманию бессознательного пациента. В фокус внимания при супервизии помещается уровень тревоги супервизируемого, а также возникающие вследствие тревоги технические сложности в процессе психотерапии. При проведении контрольной работы отслеживаются волны нарастания и снижения тревоги или защит. Прежде всего, необходимо установить рабочие супервизионные отношения, которые были бы свободны от страха самораскрытия. Для этого важно воспринимать супервизионный материал в его подлинной важности с точки зрения совместной исследовательской работы.

Не рекомендуется прямая конфронтация супервизируемого с его тревогами или, кажущимися подчас чрезмерными, эмоциональными реакциями, поскольку этим может быть вызвано гиперконформное поведение, что приводит к формализации процесса.

Для успешной супервизии обучающихся психотерапевтов необходима согласованная работа супервизора, и всего психотерапевтического института. Контрпереносные реакции при супервизии носят многоуровневый характер. Н.Аккерманн и М.Эмч пишут о переносных реакциях между пациентом и психотерапевтом, равно как и между супервизором и супервизируемым, между супервизором и другими опытными сотрудниками или супервизируемым и другими супервизорами и т.д. (*Ackermann, 1952; Emch, 1955*).

Особое значение в групповой супервизии приобретают исследования так называемых «*параллельных процессов*». Впервые их описал Г.Сирлз, строя концепцию «отражающего процесса», который впоследствии и был переименован, получив название «параллельного» (*Searles, 1955*). Понятие было введено для обозначения тенденции, равно присущей супервизору, психотерапевту и пациенту, становиться похожими друг на друга, или, в другой терминологии, воспроизводить взаимные интеракционные паттерны (*Уильямс, 2001*). Супервизионный процесс использует феномен отражения и, одновременно, групповую динамику. Феномен отражения был подробно раскрыт Р.Экстейном и Р.С.Валлерстейном, которые при тестировании молодых специалистов, кандидатов на обучение, случайно констатировали некоторые параллельные процессы, происходящие между ними и их пациентами (*Eckstein, Wallerstein, 1958*). Возникновение этого

феномена связано с тем, что оба участника психотерапевтического процесса пытаются соответствовать неким нереалистичным требованиям и, в конечном счете, начинают разделять совместные, перекрывающие друг друга «уязвимости» (*Sachs, Shapiro, 1976*).

Параллельные процессы часто являются признаком смещения и конфликта, приводя к застою в психотерапевтической работе. Говорят об определенной схожести супервизионной и психотерапевтической ситуации, что и обуславливает манифестацию параллельных процессов (*Gediman, Wolkenfeld, 1980*). И та, и другая деятельность направлены на оказание помощи, требуют вовлечения собственной личности, и в большой степени зависят от множественных идентификаций. При этом супервизор должен улавливать и проводить четкую дифференциацию между транзиторными идентификациями, которые выступают важным компонентом эмпатии, и идентификациями, основанными на общих для супервизора и супервизируемого, или для психотерапевта и пациента, тревоге и защитных механизмах. В этом свете особую ценность приобретает контрольная работа в психотерапевтической бригаде, где различные специалисты, принимающие участие в психотерапевтической работе, обеспечивают воспроизведение конфликта в условиях группы и конфронтацию с ним на «динамически активной сцене», что, как оказалось, наилучшим образом служит преодолению данного конфликта.

Таким образом, важная информация о пациенте может быть получена на основе бессознательных процессов отражения в условиях как взаимодействия в диаде «пациент-психотерапевт», так и анализа групповой динамики. Данным феноменом заинтересовался Г.Аммон и использовал его в качестве *особого принципа*, который следует иметь в виду не только при проведении индивидуальной супервизии, но и при анализе ситуации в лечебном учреждении (отделении) или психотерапевтическом коллективе (*Аммон, 1995*).

В этом более широком контексте под параллельными процессами имеется в виду одно из проявлений групповой динамики, при которой складываются взаимозависимые отношения между участниками процесса (пациентом/психотерапевтом/супервизором или группой психотерапевтов), и изменение состояния одной группы оказывает влияние на состояние другой даже при опосредованном взаимодействии.

Пациенты с преэдиальными нарушениями склонны индуцировать в своем социальном поле, к примеру, в лечебном коллективе, реинсценировку собственных интрапсихических конфликтов. Однако справедливо и обратное воздействие: разногласия, скрытые конфликты внутри лечебного коллектива могут существенно ухудшать динамику отдельных па-

циентов с ранними нарушениями. Иначе говоря, происходит реципрочное усиление бессознательных конфликтов в рамках функционирования этих двух систем.

Пациенты различным образом показывают себя при взаимодействии с отдельными членами психотерапевтической бригады. В условиях стационара каждый пациент стремится воспроизвести в психотерапевтической системе модель групподинамических отношений, унаследованную им из его семьи. Возникающие в психотерапевтическом поле мультилатеральные переносные реакции обуславливают воспроизведение патогенных ситуаций. Контрольная групповая работа в психотерапевтической бригаде, фокусирующейся на параллельных процессах в триаде «супервизор – психотерапевтическая бригада – пациент», создает возможность для лучшего понимания особенно сложных больных, а также расширяет потенциал психокоррекционной работы и последующей постепенной интернализации пациентом нового опыта. Группа позволяет разорвать образовавшийся «порочный круг», поскольку вся она целиком гораздо в меньшей степени поддается бессознательным манипуляциям пациента, чем психотерапевт, работающий с ним в одиночку.

Так как личность больного дезинтегрирована, его реакции строятся на использовании примитивных психологических защит, в первую очередь расщепления и проективной идентификации. В мышлении доминирует дихотомический стиль, который характеризуется поляризованной оценкой повседневных событий и сниженной способностью улавливать полутона. Нередко такие больные ищут одного человека для проявления негативных чувств и другого для проявления позитивных, любви и ненависти, по Ш.Руту (Рут, 2002). Это противоречие способно усиливать дальнейшее расщепление, провоцируя конфликты и раскол внутри психотерапевтической бригады. Если во время процесса супервизии (Булюбаши, 2003) или врачебной конференции (Кабанов, Незнанов, 2003) феномен параллельных процессов действительно учитывается, то жизненная ситуация пациента, его актуальная и ранняя групповая динамика могут получить значительно большую ясность. Члены супервизионной группы в таких случаях порой ощущают и испытывают на себе, какая динамика лежит в основе интрапсихического конфликта больного. Становятся понятны не только процессы разногласий, проекции, жизненные запреты, враждебные отношения, но и позитивные, креативные проявления внутренней жизни больного. Такая совместная работа персонала выполняет интегративную синтетическую роль, восполняя фрагментированное «Я» пациента.

Другой, не менее важный аспект супервизионной работы – точность в интерпретации протестных реакций больных. В первую очередь это отно-

сится к пограничным пациентам, которые, по словам Б.Грюнберже, нередко саботируют анализ с единственной целью – помешать аналитику его проводить, с тем чтобы легче было доказать его бесполезность (Грюнберже, 2005). За всем этим скрывается фантазм о немедленном головокружительном успехе в лечении, который в один прекрасный день придет без каких-либо усилий со стороны самого пациента и независимо от имеющейся системы официальных институтов. Задача супервизии – обстоятельно разобрать расстройства подобного рода, акцентируя тот факт, что провокации и чрезмерные нападки со стороны таких пациентов обусловлены сильнейшей потребностью удостовериться в том, что отцовская фигура, которую в данном случае олицетворяет психотерапевт, действительно реальны. Нередко подобный феномен воспроизводится во время супервизионного часа: чем интенсивнее супервизируемый отвергает интерпретации супервизора, тем больше он нуждается в его словах и ободрении.

Следует подчеркнуть важность общей интегративной работы индивидуального и группового психотерапевта. Если их сотрудничество успешно, достигается новый уровень внутриличностной интеграции больного, более того – тенденция к дихотомии, присущая его мышлению, преодолевается даже без личного участия самого пациента. В жизни чаще имеет место как раз обратное. На контрольной сессии при обсуждении клинического случая психотерапевты, непосредственно в нем участвующие, могут судить о пациенте противоречиво, игнорируя взаимные мнения и выводы, что можно понимать как воспроизведение, с одной стороны, особенностей коммуникации в первичной семье, с другой – внутриличностной дезинтеграции самого пациента. Групповые усилия, направленные на улучшение коммуникации между участниками психотерапевтического процесса, что связано с прояснением возникших между ними конфликтных, конкурентных отношений, – необходимая предпосылка прогресса в лечении. Другим примером может служить гиперопекающее поведение психотерапевтов по отношению к психотическим пациентам, при котором психотерапевт принимает на себя ответственность даже за незначительные решения, блокируя любую инициативу со стороны самого больного.

Иллюстрацией описанных выше феноменов может служить пример из практики работы высокосплоченной супервизионной группы с доброзелательным отношением участников друг к другу и открытым высказыванием своего мнения. Психотерапевта, представляющего случай, отличали повышенная ранимость, чувствительность к критике и перфекционистские черты характера. На обсуждение им была вынесена проблема застоя, который образовался в ходе работы с пациентом, мужчиной средних лет. Во время представления случая и первого обмена вопросами и

ответом на них проявился и стал очевидным факт отсутствия эмоциональных реакций со стороны пациента в ответ на психотерапевтические интервенции. При этом, по крайней мере некоторые из этих интервенций могли бы вызвать у пациента ряд жалоб. Групповая сессия закончилась в обстановке полуссоры и растерянности в отношении дальнейших действий, которые помогли бы психотерапевту в преодолении «слепого пятна», возникшего в его отношениях с пациентом.

Следующая встреча началась с формальной истории болезни пациента, которую психотерапевт решил привлечь в обоснование и доказательство правомерности своих действий (интервенций). Группа указала ему на защитный характер подобного поведения. Психотерапевт признал, что он, действительно, чувствовал критику со стороны группы, болезненно реагировал на нее и был слишком подавлен, чтобы ответить конструктивно. Было отмечено, что данная ситуация, развернувшаяся в супервизионной группе, по своему характеру весьма напоминает застойную ситуацию в ходе психотерапии и может служить ее отражением. Психотерапевт неохотно согласился с этой интерпретацией. Однако последовавшее за супервизией продолжение психотерапевтической работы, которое шло уже под влиянием супервизии, подтвердило правильность прозвучавших там предположений. Пациент действительно испытывал злость по отношению к психотерапевту, но, ввиду сильной потребности в зависимости, не мог позволить себе высказать открыто критику. Таким образом, внимание к параллельным процессам привело к вмешательству в конфликт психотерапевта, конфликт пациента и к разрешению застоя в ходе психотерапевтического процесса.

Другой пример связан с ощущением застоя в работе, вызванного чувством усталости, внутренней опустошенности психотерапевта, преследующим его убеждением, что «все усилия остаются без ответа» – короче говоря, со всей той симптоматикой, которой обычно сопровождается так называемое «эмоциональное сгорание». Во время обсуждения случая в супервизорской группе, в то время как все участники проявляли живой интерес к его содержанию, супервизируемый занимал пассивную позицию, избегал зрительного контакта, монотонно, односложно отвечал на вопросы, часто вообще оставлял без ответа реплики в свой адрес. Как и в предыдущем примере, в ходе супервизорской группы имело место повторение психотерапевтической ситуации. После обсуждения страха перед живыми близкими отношениями, который, как оказалось, ощущал в себе супервизируемый, а также перед неожиданными ситуациями, способными возникнуть в процессе спонтанного диалога в процессе психотерапии, и, как и следовало ожидать, перед живой групповой атмосферой, в

которой протекала супервизия, психотерапевт «отпустил» тяжесть своего внутреннего недовольства. Поддержка, понимание, которые он встретил в группе, позволили разорвать замкнутый круг, где профессиональные сложности ведут к чувству внутренней опустошенности, а внутренняя опустошенность заставляет воспринимать текущую работу как профессиональную «рутину» и отторгать ее.

Важным аспектом супервизии является переживание значимых событий, происходящих в жизни стационара (или даже в жизни страны) и так или иначе влияющих на его эмоциональную атмосферу, таких как смена главврача, уход в декретный отпуск важного члена психотерапевтического коллектива, чрезвычайные происшествия вне стационара, цикличные события, имеющие символическое значение (праздники и т.п.). Их обсуждение и успешное переживание работниками клиники (уместно было бы сказать «контейнирование») способствуют редукции эмоционального напряжения среди пациентов и совладанию с имеющими место аффективными всплесками. В противном случае, по выражению С.Фулкса, «сам госпиталь как организация может заболеть, т.е. перестать выполнять свои задачи, и тогда сам он будет нуждаться в лечении» (цит. по: *Карвасарский, 2000*).

Особого внимания заслуживает работа с пациентами с пограничными личностными расстройствами (*Попов, Вид, 1997; Кернберг, 2000*). Таких больных отличает настойчивая требовательность к немедленному удовлетворению их потребностей, умение тонко манипулировать другими. Их внутрисемейная динамика часто характеризуется изменчивой, хаотической системой отношений, где отсутствуют четкие правила и границы, воспитание отличается крайней противоречивостью, родители находятся в скрытых конкурентных отношениях между собой. Это приводит к тому, что пациенты с самых ранних лет приобретают навыки манипуляции. Именно эти пациенты вызывают особенно сильные, противоречивые реакции со стороны профессионалов. В психотерапевтической бригаде по их поводу высказываются полярные взгляды, возникают интенсивные эмоциональные дискуссии, вплоть до нарушения этических и профессиональных границ. У некоторых психотерапевтов такие пациенты «индуцируют» выраженные позитивные чувства, которые обычно конгруэнтны с идеализированным отношением больного к своему психотерапевту. Последний начинает верить в свою «миссионерскую» роль, в то, что только он может спасти этого пациента. Между ним и больным создается «скрытый альянс», возникают «секреты», в которые посвящен только этот психотерапевт, что, по сути, повторяет патогенную семейную ситуацию и препятствует прогрессу лечения.

Когда отношения «психотерапевт-пациент» строятся по данному типу, специалист оказывается перед дилеммой, где сталкиваются сознание необходимости проводить лечение должным образом и тревога перед недовольством пациента и напором с его стороны, результатом чего может стать уход от конфронтации и стремлению удовлетворять запросы больного. В условиях супервизии эта ситуация обычно воспроизводится в гиперконформном поведении, соглашательстве с супервизором, что должно быть своевременно диагностировано. Другая крайность выступает, напротив, в стремлении наказать пациента по сути за его симптоматику, в холодном морализаторском отношении и, что совершенно неприемлемо, назначении неадекватно высоких доз лекарств, когда медикаменты используются в качестве «фармацевтической смирительной рубашки». Таковы причины, которые обязывают персонал, работающий с такими пациентами, к регулярной еженедельной супервизии.

Весьма специфические контрпереносные реакции, нуждающиеся в супервизионной коррекции, возникают у психотерапевтов при работе с пациентами с обсессивной и параноидной личностной организацией (Мак-Вильямс, 1998). В переносе таких пациентов преобладают недоверие и провоцирующая враждебность по отношению к психотерапевту. Следствием является контрперенос в виде ощущения собственной бесполезности, ничемности, недостаточной образованности. Психотерапевт либо начинает сомневаться в своих профессиональных навыках и способностях (причем, чем больше угроза его самоуважению, тем меньше он способен понять бессознательные фантазии пациента), либо впадает в другую крайность, пытаясь «сразить» пациента блеском своих интерпретаций, забывая о том, что его саркастические замечания способны нанести урон слабому «я» пациента. Своевременное вмешательство супервизора призвано в этих случаях помочь психотерапевту понять нарушенную мотивационную систему пациента, толкающую его к негативной реакции на психотерапию, и тем самым снизить зеркальную тревогу супервизируемого.

Истерические и депрессивные пациенты, как правило, развивают в переносе зависимость по типу «цепляния», сопровождая свои действия «облазняющим» ухаживанием, цель которого – завоевание признания. В этой ненасыщаемой потребности в любви пациент нередко использует тактику кажущегося подчинения, и по мере того, как дистанция в терапевтических отношениях все более сокращается, терапевт начинает чувствовать себя под угрозой, ибо любые попытки ввести ее в нормальные рамки чревато опасностью очутиться в положении покинутого.

Таким образом, в плоскости супервизии происходит важная интегративная работа, как для пациента, так и для лечащего коллектива. Прояс-

нение разногласий, конфликтов, открытое вербальное выражение существующего напряжения в отношениях способствует ликвидации процессов сопротивления, осознанию контрпереноса, пониманию и ощущению чувства одиночества, беспомощности, переживаемого пациентами, проникновению в специфику их защит. Бессознательные процессы, став до конца осознанными, нейтрализуются. При этом, позитивный эффект супервизии распространяется не только на пациента и психотерапевта, но и на всю полипрофессиональную бригаду.

Согласно Д.Джейкобс (*Джейкобс с соавт.*, 1997) для того чтобы стать психодинамическим психотерапевтом, обучающийся должен в первую очередь ознакомиться с методами саморефлексии и практикой их применения. Работа с психотическими и пограничными пациентами, предполагая значительно большую, сравнительно с обычной, психологическую нагрузку на психотерапевта, помимо этого, предъявляет к его личностным качествам специфические требования. Едва ли не первое место среди этих требований занимает способность выступать для пациента в качестве переходного объекта (*Поум*, 2002). Подобного рода особенности лишь подчеркивают крайнюю степень необходимости для психотерапевта его участия в профессиональных группах.

Не случайно указанные формы работы (тренинги, балинтовские группы, супервизия), согласно последним приказам Министерства здравоохранения, являются не просто «желательными», но обязательными, и входят в образовательный стандарт специалиста (психотерапевта, психолога, социального работника), необходимый для получения сертификата.

В качестве примера системы супервизионной работы в рамках психотерапевтической практики сошлемся на то, как она организована в г. Оренбурге. В основу организации был положен многолетний опыт сотрудничества психотерапевтов Оренбургской области с Санкт-Петербургским научно-исследовательским психоневрологическим институтом им. В.М.Бехтерева – Федеральным Научно-методическим центром по психотерапии и медицинской психологии Минздрава России и Российской психотерапевтической ассоциации (научный руководитель – Б.Д.Карвасарский). Подтверждением большой работы, которую проводят ведущие психотерапевты области не только в рамках какого-либо одного лечебного учреждения, но в масштабах всего региона, стал факт присвоения трем психотерапевтам Оренбургской области (С.М.Бабину, Т.А.Тевелевой и Т.В.Шуваловой) звания «Супервизор РПА».

В настоящее время в области постепенно формируется целостная современная система супервизии в психотерапии. Начиная с 2000г., служебным распоряжением главного психотерапевта области врачи-психо-

терапевты, клинические психологи, осуществляющие психокоррекционные мероприятия, и врачи-интерны обязаны в течение года проходить супервизию в объеме не менее 15 часов. Супервизия осуществляется в индивидуальном и преимущественно групповом варианте. Функционируют три супервизионные группы, ежемесячно объединяющие психотерапевтов и психологов различных лечебных учреждений (*Бабин, Тевелева, Шувалова, 2003*). Супервизионные группы работают под руководством сертифицированных супервизоров Российской психотерапевтической ассоциации, входящих в штат областного психотерапевтического центра Оренбургской областной клинической психиатрической больницы № 2 (главный врач – В.П.Сировская). В условиях, когда психотерапевтическая помощь в массе своей финансируется из бюджета, супервизия для оренбургских специалистов, фактически, бесплатна. Это позволяет постепенно выработать у специалистов потребность в профессиональной поддержке и профессиональном росте, а по конечному результату – повысить уровень и качество психотерапевтической помощи в области.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммон Г.* Динамическая психиатрия. Пер. с нем. СПб.: Психоневрологический НИИ им. В.М.Бехтерева, 1995. – 200 с.
- Аммон М., Бабин С.М., Казаковцев Б.А.* Психотерапия в Оренбургской области и модель динамической психиатрии Г.Аммона: взаимодействие и интеграция / / Российский психиатрический журнал. 2004. № 3. С.59-63.
- Бабин С.М., Тевелева Т.А., Шувалова Т.В.* Балинтовские группы и супервизия в последипломной подготовке специалиста // Здоровье-сберегающие технологии в образовании: научные труды I Всероссийской научно-практической конференции... Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2003. С.273-276.
- Булубаш И.Д.* Основы супервизии в гештальт-терапии. М.: Ин-т Психотерапии, 2003. – 223 с.
- Вид В.Д.* Психотерапия шизофрении. СПб.: Питер. 2001. – 432 с.
- Винокуров В.А., Кремлева О.В., Кулаков С.А., Токарев Н.А., Токарева Л.А., Эйдемиллер Э.Г.* Балинтовские группы и супервизия в подготовке специалистов, работающих с людьми. Учебное пособие. СПб., 1998. – 83 с.
- Грюнберже Б.* Нарцисс и Эдип // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А.Жибо, А.В.Россохина. СПб.: Питер, 2005. С.85-98.
- Дернер К., Плог У.* Заблуждаться свойственно человеку. Пер. с нем. СПб.: Психоневрологический НИИ им. В.М.Бехтерева, 1997. – 520 с.
- Джейкобс Д., Дэвид П., Мейер Д.Дж.* Супервизорство. Техника и методы корректирующих консультаций: Руководство для преподавателей психодинамической психотерапии и психоанализа. Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1997. – 235 с.
- Кан М.* Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. Пер. с англ. СПб., 1997. – 143 с.

- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. Пер. с нем. М.: Класс. 2000. – 360 с.
- Кулаков С.А.* Практикум по супервизии в консультировании и психотерапии. СПб.: Речь, 2002. – 236 с.
- Кулаков С.А.* Супервизия в психотерапии. Учебное пособие для психопсихотерапевтов и супервизоров. СПб.: Вита, 2004. – 128 с.
- Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. Пер. с англ. М.: Класс, 1998. – 480 с.
- Методические приемы усовершенствования в области психотерапии (социально-психологический тренинг, тренинговые психотерапевтические группы, балинтовские группы) / Сост. Б.А.Бараш, Г.Л.Исурина, Б.Д.Карвасарский и др. СПб., 1992. – 17 с.
- Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М.М.Кабанова, Н.Г.Незнанова. СПб.: Институт им. В.М.Бехтерева, 2003. – 438 с.
- Попов Ю.В., Вид В.Д.* Современная клиническая психиатрия. М.: Экспертное бюро-М, 1997. – 496 с.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д.Карвасарского. СПб.: Питер Ком, 2000. – 1019 с.
- Роут Ш.* Психотерапия: Искусство постигать природу. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. – 346 с.
- Уильямс Э.* Вы – супервизор: шестифокусная модель, роли и техники в супервизии. Пер. с англ. М.: Класс, 2001. – 288 с.
- Хайманн П.* О контрпереносе // Эра контрпереноса: антология психоаналитических исследований (1949-1999гг.) / Под ред. И.Ю.Романова. М.: Академический Проект, 2005. – С.239-247.
- Ховкинс П., Шохет Р.* Супервизия. Индивидуальный, групповой и организационный подходы. Пер. с англ. СПб.: Речь, 2002. – 352 с.
- Ackermann N.* Selected Problems in Supervised Analysis. *Psychiatry*, XVI, 1952. – P.231-243.
- Eckstein R., Wallerstein R.S.* The Teaching and Learning of Psychotherapy. New York: Basic Books, Inc., 1958.
- Emch M.* The Social Context of Supervision // *Internat. J. of Psycho-Anal.* XXXVI, 1955. P.298-306.
- Gediman H.K., Wolkenfeld F.* The parallelism phenomenon in psychoanalysis and supervision: its reconsideration as a triadic system. *Psychoanal.*, 1980. – Q.49, p.234-255.
- McLaughlin J., Johan M.* Enactments in Psychoanalysis // *Journal of the American Psychoanalytic association*, 1991. P.826-840.
- Sachs D. M., Shapiro S. H.* On parallel processes in therapy and teaching *Psychoanal.*, 1976. Q.45, p.394-415.
- Searles H.F.* The informational value of the supervisor's emotional experience // *Collected Papers on Schizophrenia and Related Subjects.* London: Hogarth Press, 1955.

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСИХОАНАЛИТИК ЗА РАБОТОЙ»

4–6 мая 2007 года в Москве, в Доме ученых на Пречистенке, проходила *Вторая международная конференция «Психоаналитик за работой»*, организованная Международным журналом психоанализа (Лондон) и Московским психоаналитическим обществом¹.

Тема этой, так же как и предыдущей конференции, состоявшейся в Москве в мае 2004 года, была непосредственно связана с рубрикой «Аналитик за работой» в Международном журнале психоанализа. Она приглашала к конструктивному и уважительному обсуждению различных психоаналитических подходов к клиническим данным, а также к рассмотрению узловых методологических проблем. Формат раздела «Аналитик за работой» и в Международном журнале, и на нашей конференции был задуман следующим образом.

Видные зарубежные психоаналитики: *Рональд Бриттон*, *Розмари Дэвис* (оба – Великобритания, Лондон) и *Даниэль Кинодо* (Швейцария, Женева) представляли образцы своей аналитической работы (процессуальный материал) с приложением краткого введения в личную историю пациента. Мы не просили докладчиков обязательно описывать свои «лучшие» сеансы или сеансы, которые содержали бы какие-то неординарные события или несли бы особый смысл. Мы просили описать сеансы, отражающие повседневную работу докладчиков. Это мог быть всего лишь один сеанс со всеми сомнениями, «острыми углами» и колебаниями, которые характерны для нашей ежедневной практики. Кроме детального отчета о том, что сказал пациент и что сказал аналитик, мы ожидали от докладчиков рассказа об их мыслях и чувствах, не высказанных вслух во время сеанса.

¹ *Международный журнал психоанализа (International Journal of Psychoanalysis)*, издающийся в Лондоне с 1920 года, является крупнейшим и наиболее авторитетным в мире журналом в области психоанализа.

Московское психоаналитическое общество (учебная группа Международной психоаналитической ассоциации) – одна из двух групп в России, в Москве, объединяющая специалистов в области психоанализа, прошедших подготовку и ведущих свою практику по стандартам *Международной психоаналитической ассоциации (IPA)*, основанной Зигмундом Фрейдом и его ближайшими последователями в 1910 году.

Затем мы приглашали двоих коллег, представляющих иные точки зрения и происходящих из других психоаналитических культур, прокомментировать представленный докладчиком материал. Среди содокладчиков-дискутантов в этот раз были: *Роберто Базиле* (Италия, Милан), *Мишель Венсан* (Франция, Париж), *Габор Сёнай* (Венгрия, Будапешт), а также три представителя Московского психоаналитического общества: *Марина Арутюнян*, *Игорь Кадыров* и *Александр Усков*. В их задачи входило уважительное и конструктивное обсуждение представленных клинических докладов с точки зрения их собственных психоаналитических взглядов и их субъективного понимания клинического материала, представленного докладчиками. Их задачей было – не супервизировать коллегу, но принять участие в творческом обдумывании материала, мысленно вставая на место, а точнее, «сажаясь в кресло» докладывающего аналитика и позволяя свободным ассоциациям вести их в том или ином направлении.

Задумывая эту, также как и первую, конференцию, мы хотели дать нашим уже опытным и еще молодым коллегам из России и других стран, психоаналитическим кандидатам, студентам, возможность непосредственно «заглянуть» в кабинеты ведущих зарубежных аналитиков, поучаствовать в дискуссиях на актуальные в современном психоанализе темы, а также «навести мосты» между разными школами и преодолеть барьеры, стоящие между коллегами и школами в современном мире.

Идея и инициатива проведения обеих конференций «Психоаналитик за работой» принадлежит ведущему российскому психоаналитику, первому члену Международной психоаналитической ассоциации в России (с 1999 года), *Игорю Максutowичу Кадырову*. Эта идея была активно поддержана со-редакторами Международного журнала психоанализа *Полом Вильямсом* (Великобритания, Лондон) и *Гленом Габбардом* (США, Хьюстон), ныне (с марта с. г.) уже покинувшими свой пост, без которых проведение этой, как и предыдущей, конференции было бы невозможно. Впрочем, нынешние редакторы журнала *Дана Биркстед-Брин* (Великобритания, Лондон) и *Роберт Майклс* (США, Нью-Йорк) также оказывали важную поддержку нашей конференции.

Председателем конференции был редактор Европейской редакции Международного журнала психоанализа *Антонино Ферро* (Италия, Павия), также активно участвовавший в организации конференции.

Активно поддерживал конференцию и помогал ее организации также *Жан-Мишель Кинодо* (Швейцария, Женева), который занимал пост Европейского редактора МЖП до Антонино Ферро, а теперь является редактором ежегодников Международного журнала психоанализа.

В Москве в организации конференции участвовали все члены Московского психоаналитического общества. Особенно большой вклад в организацию конференции внесли: *Марина Борисовна Аграчева*, *Татьяна Львовна Алавидзе*, *Марина Юриковна Арутюнян*, *Игорь Максutowич Кадыров*, *Алек-*

сандр Феликсович Усков. Важную роль сыграли также члены МПО *Екатерина Семеновна Калмыкова, Наталья Ингридовна Кизгай, Михаил Васильевич Ромашкевич, Мария Николаевна Тимофеева, Наталья Аркадьевна Холина*. Активное участие принимала также *Анна Владимировна Казанская*, одна из основателей МПО и пионеров Российского психоанализа, безвременно ушедшая от нас накануне конференции.

Конференция фактически была посвящена памяти *Анны Казанской*. Близкий друг, собеседница, соратница, помощница, фантастически одаренная, живая, женственная, эмоциональная, красивая, она ушла из жизни на подъеме, на взлете, когда ее возможности все более и более раскрывались, обещая и интригуя...

4 мая

В пятницу, 4 мая основную конференцию предваряли *4 клинические супервизионные группы*. Каждая группа в составе не более 25 человек обсуждала 4 клинических случая, предварительно подготовленных участниками. Это были случаи психоанализа или психотерапии, которые представляли психоаналитики, члены Международной психоаналитической ассоциации, из Москвы, Петербурга, а также ряда зарубежных стран, психоаналитические кандидаты из Московского психоаналитического общества, а также интересующиеся психоанализом психотерапевты. Ведущими клинических групп были *Рональд Бриттон, Розмари Дэйвис, Даниэль Кинодо и Антонино Ферро*.

Вечером состоялось открытие конференции. Участников конференции (около 180 человек из России (Москва, С-Петербург, Новокузнецк, Ставрополь, Томск), Белоруссии, Германии, Израиля, Испании, Латвии, Литвы, Нидерландов, Украины, Швеции, Японии) приветствовали Председатель Программного комитета конференции *Игорь Кадыров*, Президент Московского психоаналитического общества *Марина Арутюнян* и Председатель конференции *Антонино Ферро*.

Присутствовавшие почтили память *Анны Владимировны Казанской*.

Закончился первый день конференции презентацией перевода книги *Антонино Ферро "Nella Stanza D'Analisi"*, получившей на русском языке заглавие «*Психоанализ: создание историй*». Перевод и издание были подготовлены *Анной Казанской*, которая и должна была вести эту презентацию в качестве председателя.

В своей образной, юмористической манере *Антонино Ферро* изложил основные положения своей книги, заключающиеся в творческом синтезе идей британского психоаналитика *Уилфреда Биона* (альфа-функция, альфа и бета элементы, контейнирование и т. п.), аргентинских психоаналитиков *Вилли и Мадлен Баранже* (теория би-персонального поля) и нарратологии – анализа историй, создаваемых пациентом и аналитиком в процессе анализа.

5 мая

На первом пленарном заседании с докладом выступил *Рональд Бриттон*, содокладчиками были *Марина Арутюнян* и *Габор Сёнай*. Основной теоретической концепцией клинического доклада Р.Бриттона, вокруг которой развернулось основное обсуждение, была концепция «избранного факта» У.Биона. Что именно и почему выбирает психоаналитик из материала, предоставляемого пациентом, для своей интерпретации? Дискуссия по докладу и содокладам была продолжена в четырех параллельных группах.

На втором пленарном заседании с докладом выступила *Даниэль Кинодо*. Ее содокладчиками были *Александр Усков* и *Мишель Венсан*. Основной темой обсуждения стали особенности «гетерогенной пациентки», описанной Кинодо. Как в психоаналитической работе найти «слова, которые трогают» пациента, не только ту его часть, которая говорит словами и понимает их, но и его довербальную, невербальную часть? Затем обсуждение также продолжилось в малых группах.

Завершал общую программу в этот день «*Peer review*» – мастер-класс Международного Журнала Психоанализа по коллегиальной оценке психоаналитических публикаций. Его со-председателями были: *Антонино Ферро* и *Жан-Мишель Кинодо*.

Жан-Мишель Кинодо и *Антонино Ферро* исследовали критерии, которые используются для оценки психоаналитических статей при их публикации. До проведения мастер-класса участники могли прочитать заранее выбранную для обсуждения и представленную к публикации статью, а также оценить ее и предложить небольшую рецензию с использованием критериев Международного Журнала. Во время мастер-класса завязалась бурная дискуссия по статье и сделанным на нее рецензиям, с активным участием зала, показавшая хорошее понимание обсуждаемой статьи, того контекста, в котором она была написана и тех критериев, которые Международный журнал психоанализа предъявляет к своим публикациям.

В заключение *Антонино Ферро* объявил, что Международный журнал психоанализа принимает к публикации, в том числе, и статьи на русском языке. Если эти статьи будут приняты к публикации, журнал обеспечит их перевод на английский язык – язык журнала.

Вечером докладчики, дискуссионты, члены Московского психоаналитического общества, а также некоторые другие участники конференции, предварительно зарезервировавшие себе место, встретились на дружеском ужине в одном из московских ресторанов.

6 мая

На пленарном заседании с докладом выступила *Розмари Дэйвис*. Ее содокладчиками были *Игорь Кадыров* и *Роберто Базиле*. Одной из важных

тем в обсуждении стала тема конечного и бесконечного анализа, сопротивления пациента, его недоступности для аналитика. Дискуссия была продолжена в параллельных группах.

Завершилась конференция пленарным обсуждением с участием основных докладчиков *Рональда Бриттона*, *Розмари Дэйвис*, *Даниэль Кинодо*, председателя конференции *Антонино Ферро*, президента программного комитета конференции *Игоря Кадырова* и президента Московского психоаналитического общества *Марины Арутюнян*.

Участники обсуждали конференцию, делились своими впечатлениями, строили планы на будущее. Председатель конференции *Антонино Ферро* отметил большой успех конференции, качественно изменившийся, по сравнению с первой конференцией, уровень дискуссий, степень подготовки российских участников, которые теперь могут не только учиться у зарубежных психоаналитиков, но выступают для них как полноценные коллеги, партнеры в психоаналитическом диалоге. *Антонино Ферро* предложил сделать конференции «*Психоаналитик за работой*» в Москве регулярными и проводить их раз в три года.

Докладчики и организаторы конференции выразили свою глубокую благодарность команде студентов специализации по психоаналитической психотерапии Института практической психологии и психоанализа, которые вынесли на себе тяжелую, кропотливую организационную работу, переводчикам, самоотверженно переводившим не только с английского языка, но и с «психоаналитического языка» на русский, английский и обратно.

Закончился день мероприятием, формально не входившим в программу конференции, но тесно связанным с ним: презентацией и групповой супервизией IPSO, Международной организации психоаналитического обучения, объединяющей психоаналитических кандидатов из психоаналитических обществ, входящих в Международную психоаналитическую ассоциацию, по всему миру. Презентацию IPSO проводила *И Гиль Сон*, член IPSO, кандидат Московского психоаналитического общества. Групповую супервизию вел *Жан-Мишель Кинодо*.

Конференция стала успешной благодаря совместным желаниям и усилиям многих людей: организаторов, докладчиков, участников. Их мечты и труд сделали конференцию крупнейшим событием психоаналитической жизни России в 2007 году и показали, что в России, в Москве не только сложилось сообщество квалифицированных психоаналитиков, идеи и работа которых интересны их зарубежным коллегам, но и возникла большая группа серьезно интересующихся психоанализом специалистов, сформировалась интеллектуальная и эмоциональная атмосфера, исключительно благоприятная для дальнейшего развития психоанализа в нашей стране.

А. Ф. Усков

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ: ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПСИХОТЕРАПИИ

7–12 мая в Испании, на острове Майорка в г. Пальма де Майорка прошел X Международный Форум, посвященный актуальным вопросам Человекоцентрированного подхода в психотерапии.

Первый в ряду этих периодических форумов состоялся в 1982 году, в Мексике при непосредственном участии Карла Роджерса – основоположника «клиент/лично/человекоцентрированного подхода», как полностью назывался он тогда. После этого города и страны, где на свой очередной форум собирались приверженцы подхода, представляли широчайшую географию: Англия (1984), США (1987), Бразилия (1989), Голландия (1992), Греция (1995), Южная Африка (2002), Япония (2001), Аргентина (2004).

В Форуме на Майорке приняли участие 250 человек из 27 стран мира.

Содержательная программа Форума включала сообщения о проведенных в русле подхода исследованиях, обмен практикой работы, сквозные (на протяжении всего времени работы Форума) группы встреч и ежедневные встречи всех участников на, так называемых, *community meetings*.

Представьте себе общность людей, в «плоть и кровь» которых, в плане не только профессиональной деятельности, но всего их жизненного стиля, вошли такие начала, как *конгруэнтность* (истинность, аутентичность), *безусловное позитивное отношение* к личности другого, умение и желание глубоко, *эмпатически слушать и понимать* друг друга. Совершенно необыкновенное ощущение от пребывания в кругу таких людей! Почти органически ощущаешь возвращение себе права быть таким, какой ты есть – со всеми своими чувствами, желаниями, даже недостатками. При этом видишь, веришь и реально проявляешь лучшее в себе – жизнерадостность, креативность, доброжелательность. Ощущаешь себя аккуратно понимаемым – и сам стараешься внимательно и бережно относиться и глубоко понимать других. И при всем при этом – никакой чрезмерной слащавости и «кисейности»: честно и открыто поднимаются и обсуждаются самые актуальные вопросы и проблемы, сталкиваются и конфронтируют мнения. Однако различия во мнениях и запросах не ведут к подавлению и уничтожению других или себя, а только становятся основой для совместного их проживания-пере-

живания, когда рано или поздно *проявляется* и находится им решение. Решение, наиболее устраивающее все вовлеченные стороны... Удивительная, волнующая атмосфера!

Именно в такой атмосфере проходила научная программа Форума. В различных презентациях и мастерских были затронуты вопросы и проблемы личностного роста в условиях современности, разрешения конфликтов, построения и реализации психотерапевтического процесса и супервизии в рамках человекоцентрированного подхода, теоретические аспекты и практический опыт применения данного подхода в образовании и бизнесе, вопросы его использования в клинике и многое-многое другое.

В программу входила работа большого количества мастерских. Упомянем лишь некоторые из них. *Натали Роджерс* (США), дочь Карла Роджерса и основоположница человекоцентрированной терапии искусствами проводила мастерскую «*Врачевание души с помощью искусств*». *Анне Ньюэлл* и *Ивис Кеннингтон* (Великобритания) провели мастерскую «*Вызовы, преимущества и радости старения*», вызвавшую большой позитивный отклик у участников Форума. *Эва Кампи* и *Магдалена Берлино* (Италия) представили мастерскую «*Тренинг бизнес-театра: от формирующего опыта к социальным изменениям*».

Глубоко и серьезно обсуждались вопросы теории и методологии человекоцентрированного подхода. Стоит отметить в этой связи бурное, иначе не скажешь, развитие этого подхода в Латинской Америке, где 25 лет назад начало этому движению было положено «самим» Карлом. В пользу этого говорит как широкая представленность на Форуме профессионалов из разных стран Латинской Америки (около половины всех участников), так и глубина и качество их теоретических и практических разработок.

Вирджиния Морейра (Бразилия) сделала доклад «*Гуманистическо-феноменологическая психотерапия: современное развитие идей Карла Роджерса*», в котором представила всесторонне обоснованную модель психотерапевтического процесса с опорой на идеи феноменологии Мерло Понти, взгляды которого достаточно мало (по сравнению с учениями Гуссерля и Кьеркегора) известны в России. В этом докладе было показано как во встрече психотерапевта и клиента – двух людей, обладающих своими жизненными мирами – происходит аккуратное понимание мира другого человека, а затем – совместное творчество по перестройке этого мира в желаемом направлении. *Альберто Сеерера* (Мексика) представил сообщение «*Человеко-центрированный подход после Карла Роджерса: рефлексия и библиография на испанском языке*», в котором он выделил несколько моделей развития подхода в наше время. *Клаудио А. Руд* (Аргентина) в своем многоаспектном сообщении «*Открытое к морю окно: философия “открытости” как поддержка человекоцентрированного подхода*» представил философские и методологические основания развития идей и практики К. Роджерса в ус-

ловиях современности. *Антонио Сантос* (Бразилия), переехавший недавно в США и являющийся сейчас членом Центра изучения человека, основанного К. Роджерсом, представил теоретический доклад на тему «*Эмпатия: что лежит за образами ума. Более глубокое понимание роли эмпатии в психотерапии*». *Эрнест Медоус* (США) в своем сообщении «*Различия*» представил специфическую общую и помогающую модели человеко-центрированного подхода. *Вениамин Колпачников* (Россия) в докладе «*Современное развитие человекоцентрированного подхода: взгляд российского психолога*» связал идеи и практику человекоцентрированного подхода с идеями культурно-деятельностной психологии.

Описание Форума будет не полным без освещения динамики формирования единой общности его участников. Действительно, отличительной чертой Форумов, представляющих данное психотерапевтическое движение, является то, что они никогда не проводятся в виде сугубо академического события. Форум *проживается* как совместное событие и процесс, часть человеческой – реальной жизни его участников. Этому во многом способствуют *community meetings* – общие ежедневные собрания всех участников Форума, где обсуждаются все животрепещущие вопросы присутствующих. Опять же, представьте себе 250 человек из разных стран, говорящих на разных языках, каждый из которых (участников) индивидуален и уникален, со своими особыми желаниями и вопросами. И каждый хочет конгруэнтно, искренне выразить себя для других. Поневоле возникают всяческого рода накладки и шероховатости: чей-то язык кому-то абсолютно не понятен, кто-то торопится сказать свое и не замечает, что рядом в круге находится человек в состоянии еще более сильного переживания, а у кого-то третьего такая «центрированность на себе» вызывает недоумение и даже возмущение... Напряжение растет. И, минутами, возникает вопрос: «А возможно ли вообще в такой большой группе видеть, слышать, чувствовать *каждого*, как обычно это происходит в малой группе?» – и закрадывается вполне логичный, но, по сути, предательский ответ: «Наверно, нет!». Однако реальность Форума по мере его развития полностью опровергает этот предательски-недалновидный ответ! На общих встречах начинают происходить проникающие до самой глубины души процессы. Напряжение и спешка, конкуренция за право высказаться постепенно отступают. Огромный зал как будто начинает дышать в унисон, и когда кто-нибудь оказывается в состоянии глубоких переживания, весь зал замирает в участливом соприсутствии, кто-то из участников подсаживается рядом и, если это необходимо, уместным касанием, объятием разделяет и помогает пережить нахлынувшие чувства страдающему. Язык перестает быть «проблемой». В момент паузы говорящего кто-то гармонично встраивается и переводит сказанное другим. Участники, при всей уникальности каждого из них и, конечно же, различиях, неизбежно существующих между ними, начинают жить как единый орга-

низм, единая общность, где каждого с другими соединяет гораздо больше сходства – собственно человеческого, чем разъединяют какие-то не столь уж значащие отличия. Потрясающее чувство! Я лично – да и не я один! – склонен рассматривать подобные отношения, неизменно складывающиеся на этих Форумах, – как прототип отношений, которые *возможны* и в принципе способны утвердиться в отношениях людей на Земле. Карл Рождерс прав, сказав о возможности «тихой революции» в человеческом обществе. Человекоцентрированный подход, с моей точки зрения, как раз и является не только одним из направлений мировой психотерапии, но и культурной тенденцией в современном обществе, реализующей эту революцию.

И напоследок. На завершающем собрании всех присутствующих я, Вениамин Колпачников, предложил следующий Форум провести в России. Это предложение было принято с большим воодушевлением подавляющим большинством участников.

Итак, следующий Форум по человекоцентрированному подходу состоится в 2010 году в России. Подготовительная работа уже началась. Заинтересованных в подготовке и участии в этом Форуме прошу связываться со мной по электронной почте: venyak@mail.ru

Не упустите Ваш шанс!

В. Колпачников

Московский педагогический государственный университет
Валерия Мухина

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

DEVELOPMENT OF PERSONALITY

Журнал предназначен для профессионалов науки и практики, для тех, кто готов взять на себя ответственность за воспитание и развитие личности: философам, психологам, педагогам, психиатрам, психотерапевтам, филологам, историкам, социологам, этнологам, культурологам, теологам, правоведам, политологам, медикам, юристам и др.

Журнал публикует оригинальные теоретические подходы и исследования ведущих специалистов, практические разработки, архивные материалы, переводы по проблемам развития, воспитания и бытия личности в различных социальных, культурных и этнических условиях и другие материалы.

Позицией редакции журнала является понимание личности через диалектическое единство внешних условий и внутренних позиций человека, возникающих в процессе онтогенеза.

В научном мире за журналом «Развитие личности» прочно закрепилась репутация серьезного, высокопрофессионального издания по проблемам психологии личности.

Журнал входит в Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Текст статей сопровождается вынесенными на левые поля основными идеями и тезаурусом, что облегчает читателю работу с материалами журнала.

Журнал основан в 1993 году.

Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции: 103051, г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6.

Телефон: (095) 208-59-74. E-mail: ao@redu.ru

Интернет-версия журнала: <http://rl-online.ru>

Главный редактор: *Мухина Валерия Сергеевна* – действительный член РАО и РАЕН, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития МПГУ

Заместители главного редактора: *Обухов Алексей Сергеевич* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития МПГУ, *Хвостов Андрей Анатольевич* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО

Информацию о подписке на журнал можно узнать на сайте
www.rl-online.ru

Основные рубрики

- *Проблемы развития, воспитания и бытия личности*
- *Личность в контексте культуры*
- *Социальное пространство личности*
- *Современные проблемы личности*
- *Этнопсихология*
- *Человек в экстремальной ситуации*
- *Опыт создания условий воспитания и развития личности*
- *Преемственность идей воспитания и развития личности*
- *Новый взгляд*

Постоянные разделы

Наша презентация

Материалы раздела ориентируют читателя в психологических и психолого-педагогических программах, проектах, изданиях и т.д., созданных и реализуемых различными обществами и организациями, близкими редакции журнала по концептуальным позициям.

Теория и исследования

В разделе обсуждаются теоретические вопросы, дискуссионные проблемы и экспериментальные данные о развитии, воспитании и бытии личности в различных условиях.

Практика

В разделе публикуются материалы исследовательского и практического характера, которые предполагают возможность дальнейшего практического применения в деятельности психолога или педагога.

Переводы

Публикуются переводы зарубежной научной литературы последних десятилетий, касающиеся современных проблем личности, ранее не издававшиеся на русском языке.

Архив

Публикуются ранее неизданные архивные материалы, а также материалы изданий XIX и начала XX веков, являющиеся актуальными и в настоящее время для понимания особенностей развития и бытия личности.

Рефлексия на себя и других

В разделе публикуются автобиографические произведения, дневники психологических наблюдений, психологическая проза.

Дневники наблюдений

В разделе публикуются дневники психологических наблюдений за развитием человека на разных этапах онтогенеза.

Научные обсуждения

Публикуются материалы дискуссий, конференций, защит докторских диссертаций по психологии, в которых обсуждаются с различных точек зрения актуальные вопросы науки.

Информация

В разделе дается информация о планирующихся или прошедших конференциях по проблемам развития и бытия личности, дайджест диссертационных исследований

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ АРТ-ТЕРАПИЯ

Компания «Иматон» – лидер в производстве профессионального психологического инструментария – представляет новую методику «**Цветодиагностика и психотерапия произведениями искусства**».

Автор методики Владимир Михайлович Элькин – врач, кандидат медицинских наук, музыкотерапевт Центра профилактики и лечения СПИД.

Методика В.М. Элькина – успешный опыт инструментальной арт-терапии – предназначена для диагностики и коррекции нервно-психического состояния человека.

Диагностическая часть методики проводится индивидуально и базируется на цветовом тесте Люшера, однако, помимо применения классических карточек, процесс предполагает использование индивидуальных представлений человека о цвете. Обследуемому предлагается проранжировать «основные» цвета (красный, желтый, зеленый и синий), при чем сделать это без опоры на лежащие на столе карточки, а сообразуясь со своим внутренним ощущением цвета. На основании этой процедуры делается вывод об актуальном нервно-психическом состоянии человека перед началом психотерапевтической работы.

На следующем этапе диагностики клиенту предлагается выбрать наиболее симпатичное ему животное среди изображенных на восьми картинках. Затем он делает «отрицательный» выбор. Та же процедура проводится с использованием репродукций картин и пейзажей и с карточками, на которых напечатаны афоризмы. Полученные положительные выборы отражают психические резервы данного человека, а отрицательные – основные проблемы и источники напряжения.

Особый интерес представляет **психокоррекционная часть** методики. Сильнейший психотерапевтический эффект вызывает процедура «гашения» – наложение положительных выборов на отрицательные. Созерцание и обсуждение получившихся «мозаик» раскрывает перед клиентом новые горизонты, позволяет обозначить пути выхода из сложных ситуаций, заряжает оптимизмом.

Следующую стадию работы – **музыкотерапию** – можно проводить как индивидуально, так и в группе. На основании предыдущей работы психотерапевт выбирает один из девяти компакт дисков, содержащих записи различных музыкальных произведений – от классики и джаза до эстрадных мелодий. Все композиции подобраны автором методики в соответствии с многолетним опытом психотерапевтической работы.

Методика может успешно применяться в здравоохранении, психологическом консультировании, психотерапии, проведении личностных тренингов.

Как и весь профессиональный психологический инструментарий «Иматон», методика «Цветодиагностика и психотерапия произведениями искусства» снабжена подробным **методическим руководством**. Таким образом, независимо от уровня теоретической подготовки и практического опыта, специалист может успешно применять данный психотерапевтический метод, идя рука об руку с автором, и использовать весь богатейший опыт его знаний.

Подробнее о данной методике и других профессиональных психологических тестах и программах «Иматон» Вы можете узнать по телефонам: **(812)327-57-57, 327-57-33** и на сайте **www.imaton.com**

Наш адрес: 191040, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78-Б, «Иматон»